

Философия Право

№ 4 (99)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2021

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Чернобровкина Н.И.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНТРОЛЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ 7

Цыплянская О.А.

ЮРИДИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ 12

Жабкин А.С.

РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ 18

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ

Карнаушенко Л.В.

О СООТНОШЕНИИ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ И ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ
АКСИОЛОГИИ ПРАВА 23

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фетисов Т.А.

АКСИОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА В ХРИСТИАНСКОМ ПРАВОСОЗНАНИИ 28

Келеберда Н.Г.

К ВОПРОСУ О «ВИЗАНТИЗМЕ» КАК МОДЕЛИ
ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ 35

Рожковский В.Б. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В УЧЕНИИ И.В. КИРЕЕВСКОГО	40
---	----

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Рыбалка Е.А., Кузнецова Л.Н. РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЯ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	45
Овчинников А.И., Фальшина Н.А., Фатхи В.И. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	51

ДУХОВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Усова Ю.В., Куцаенко Е.И. РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛИТ С СОЦИАЛЬНЫМИ МЕДИА	58
Лихтер П.Л. АНТИЧНАЯ ЭСТЕТИКА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ	63

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Абисова К.С. О НЕСИСТЕМНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	68
Илиджев А.А., Шкуринский Е.А., Третьяков Ю.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАЖЕНИЯ ВИДОВ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	73
Карпика А.Г. ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ	80
Ильяшенко Е.А. ОБЪЕКТ СОСТАВА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМ	84
Назаров С.Н. ПРОБЛЕМА ОПТИМИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	89
Кулешов Р.В., Мяеников А.П. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭТАПА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ДАННОЙ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	93

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Хилота В.В. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: КРИЗИС ИЛИ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД?	99
Тошлина А.В. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО	107

Яценко И.И. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	112
Кононий А.С. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КИТАЯ	119
Расказов В.Л. УСТАВ О ТАМОЖЕННОМ СУДЕ 1727 Г. – ПЕРВЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЗАКОН В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ: КОНЦЕПЦИЯ И АНАЛИЗ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ	124
Небратенко Г.Г., Карягина О.В., Небратенко О.О., Ненахова О.А. ГЕНЕЗИС ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА (XVIII в.)	128
Вородохин С.Е., Лысенко В.А., Васильев В.В. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВСТВЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	133

АКСИОЛОГИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Можаева И.П. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РАМКАХ ЭЛЕКТРОННОГО ФОРМАТА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	140
---	-----

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Назаренко Г.В. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОТМЫВАНИЯ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ	149
Кобец П.Н., Бражников Д.А., Напханенко И.П. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ В РАМКАХ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ И СТРАН БАЛТИИ	155
Григорян Д.К., Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОВОКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	160
Сорокун Н.С., Лавренко А.В., Коломийченко Е.В. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КАРА», «СТРАДАНИЕ», «ПРИНУЖДЕНИЕ»	166
Айвазова О.А. СОКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СЛУЖЕБНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	172
Негодаева Е.Г. ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	179

Главный редактор: **К.А. Плясов**, доктор юрид. наук, доцент
Заместитель главного редактора: **С.В. Пахомов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ерыгин, д-р филос. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Понделков, д-р полит. наук, проф.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-35
Электронная почта: guiperiodika@mvd.ru
Официальный сайт журнала: <https://рюи.мвд.рф>

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 79848.

Цена подписки на издание за минимальный подписной период – 307.08 руб.

Выпускающий редактор: *Е.А. Диговцова*
Корректоры: *Н.А. Ташева, В.С. Степанова, Н.А. Чуб*
Компьютерный набор и верстка: *Е.Е. Пелехатая*

Подписано в печать 17.12.2021. Выход в свет 22.12.2021.
Формат 60x84 1/8. Объем 23 п. л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 21,39. Тираж 300 экз. Заказ № 129.

CONTENTS

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Chernobrovkina N.I. ETHICAL ASPECTS OF CONTROL OF YOUTH'S ADDICTIVE BEHAVIOR IN THE DIGITAL SPACE	7
Tsymlyanskaya O.À. LEGAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF INDIVIDUALS' INCOME TAXATION	12
Zhabkin A.S. DEVELOPMENT AND MAKING OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY	18

ISSUES OF LEGAL AXIOLOGY

Karnaushenko L.V. ON THE CORRELATION BETWEEN THE METAPHYSICAL AND POST-METAPHYSICAL AXIOLOGY OF LAW	23
--	----

RELIGIOUS LEGAL RESEARCH

Fetisov T.A. AXIOLOGY OF THE STATE IN CHRISTIAN LEGAL CONSCIOUSNESS	28
Keleberda N.G. TO THE ISSUE OF «BYZANTISM» AS A MODEL OF STATE CHURCH RELASHINSHIPS	35
Rozhkovsky V.B. RUSSIAN SOCIETY, CHURCH AND STATE IN THE DOCTRINE OF I.V. KIREEVSKY	40

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE STATE LEGAL POLICY

Rybalka E.A., Kuznecova L.N. DEVELOPMENT OF REGULATORY REGULATION AND TOOLS OF CORPORATE CONTROL IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION	45
Ovchinnikov A.I., Falshina N.A., Fatkhi V.I. LEGISLATIVE REGULATION OF PROCESSES DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION AND PROBLEMS OF ENSURING INFORMATION SECURITY	51

RELIGIOUS AND SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF LAW

Usova Yu.V., Kutsaenko E.I. DEVELOPMENT OF STRATEGIES FOR INTERACTION OF POLITICAL ELITES WITH SOCIAL MEDIA	58
Likhter P.L. ANTIQUE AESTHETICS AND METHODOLOGICAL CHOLISM IN LEGAL SCIENCE	63

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF COMBATING CRIME

Abisova K.S. ON NON-SYSTEMIC LEGISLATION IN RESPECT OF COUNTER-TERRORIST ACTIVITIES	68
Ilidzhev A.A., Shkurinsky Å.A., Tretiakov Yu.V. ACTUAL PROBLEMS OF REFLECTING THE TYPES OF CRIMES MULTIPLICITY UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION	73
Karpika A.G. PROBLEMS OF EFFECTIVE COUNTERACTION TO CRIMES COMMITTED USING MACHINE LEARNING TECHNOLOGY	80
Ilyashenko E.A. OBJECT OF COMPOSITION KNOWINGLY FALSE REPORTS OF AN ACT OF TERRORISM	84
Nazarov S.N. THE PROBLEM OF OPTIMIZING THE AUTHORITY OF THE PROSECUTOR AT THE PRE-TRIAL STAGES CRIMINAL PROCEEDINGS	89

Myasnikov A.P., Kuleshov R.V. THE REGULARITIES OF THE EMERGENCE OF INFORMATION ABOUT EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES AS A CONDITION FOR IMPROVING THE VERIFICATION STAGE OF REPORTS ON THIS CATEGORY OF CRIMES AT THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS	93
---	----

PHYLOSOPHIC AND LAW DIMENSION OF STATE POWER

Khilyuta V.V. LEGAL SCIENCE AND EDUCATION: CRISIS OR TRANSITION?	99
Topilina A.V. SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF MIGRANTS INTEGRATION TO RUSSIAN SOCIETY	107
Yaschenko I.I. PROCEDURAL REGULATION OF THE ELECTRONIC DOCUMENTS USE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN SOME POST-SOVIET AREA	112
Konopiy A.S. IMPACT OF DIGITALIZATION ON CHINESE LEGISLATION	119
Rasskazov V.L. THE CUSTOMS COURT CHARTER OF 1727 – THE FIRST SPECIAL LAW IN THE HISTORY OF RUSSIAN ECONOMIC JUSTICE: CONCEPT AND ANALYSIS OF PROCEDURAL RULES	124
Nebratenko G.G., Karyagina O.V., Nebratenko O.O., Nenakhova O.A. GENESIS OF THE LAW ENFORCEMENT FUNCTION IN THE TERRITORY OF THE DON COSSACK ARMY (XVIII CENTURY)	128
Vasiliev V.V., Lysenko V.A., Vorodyuhin S.E. PROFESSIONAL AND MORAL DEFORMATION AS A FACTOR OF CORRUPTION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES	133

AXIOLOGY OF LAW ENFORCEMENT

Mozhaeva I.P. IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF SCIENTIFIC ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS' ACTIVITY WITHIN THE ELECTRONIC FORMAT OF CRIMINAL PROCEEDINGS	140
---	-----

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT

Nazarenko G.V. IDENTIFICATION OF LAUNDERING OF PROCEEDS FROM CRIME USING DIGITAL CURRENCIES	149
Kobets P.N., Brazhnikov D.A., Napkhanenko I.P. FEATURES OF MAKING AN EXAMINATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE LEGISLATIVE PROCESS IN PARTICULAR MEMBER STATES OF THE CIS AND THE BALTIC STATES	155
Grigoryan D.K., Ishchenko D.P., Ishchenko G.K. TO THE QUESTION OF THE NEED FOR CRIMINAL LIABILITY FOR THE PROVOCATION OF A CRIME	160
Sorokun N.S., Lavrenko A.V., Kolomiichenko E.V. HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF CRIMINAL PUNISHMENT: THE CORRELATION OF THE CONCEPTS OF «PUNISHMENT», «SUFFERING», «COERCION»	166
Aivazova O.V. CONCEALMENT OF CRIMES AS A CRIMINALISTIC CATEGORY AND ITS FEATURES IN RELATION TO CRIMES OF AN OFFICIAL ORIENTATION	172
Negodaeva E.G. PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECT OF ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL LIABILITY MEASURES FOR ENVIRONMENTAL OFFENSES IN THE RUSSIAN FEDERATION	179

Чернобровкина Наталья Игоревна
Chernobrovkina Natalia Igorevna

доцент кафедры экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета кандидат философских наук, доцент.

Associate professor of the Department of Sociology and Regional Management of the Southern Federal University, PhD in Philosophy, Associate professor.

E-mail: nichernobrovkina@sfned.ru

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНТРОЛЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ethical aspects of control of youth's addictive behavior in the digital space

В статье рассматривается проблема соотношения правового и этического контроля распространяемой в цифровом пространстве информации для сдерживания и профилактики аддиктивного поведения молодежи. Эти виды контроля находятся в отношениях количественной зависимости: чем более регламентированы действия распространителей информации этическими нормами, тем меньше требуется правовых ограничений, и наоборот. Применительно к цифровому пространству средства контроля должны быть направлены на сетевое сообщество, к которому относятся блогеры, а также представители СМИ.

Ключевые слова: аддиктивное поведение молодежи, этический контроль, правовой контроль, эффективность этического контроля аддиктивного поведения в цифровом пространстве.

The article considers the problem of the relationship between legal and ethical control of information disseminated in the digital space to deter and prevent addictive behavior of young people. These types of control are in relations of quantitative dependence: the more regulated the actions of distributors of information by ethical standards, the less legal restrictions are required, and vice versa. In relation to the digital space, controls should be directed to the network community, which includes bloggers, as well as representatives of the media.

Keywords: addictive behavior of young people, ethical control, legal control, the effectiveness of ethical control of addictive behavior in the digital space.

В настоящее время распространение информационных технологий привело к тому, что они стали охватывать не только формальную сферу жизнедеятельности индивида и социальной группы, но и повседневную. Особенно это характерно для молодежи, представители которой являются наиболее активными пользователями. Это вызвано несколькими обстоятельствами: во-первых, информационные коммуникации позволяют молодым людям приобщиться к своей референтной группе, разделяющей общие ценности, и почувствовать себя востребованными и защищенными. Во-вторых, информационная среда предоставляет неограниченные возможности самопрезентации, позволяющие стать узнаваемым и расширить круг общения, проигрывать различные социальные роли. В-третьих, видеоигры, пользующиеся большой популярностью именно у молодежи, незапланированное общение на

легкомысленные темы через чат, все это выполняет функцию релаксации.

Однако постоянное пребывание молодых людей в сети с целью отслеживания событий, самопрезентации и развлечений, создающее иллюзию приобретения коммуникативных навыков и расширения социального опыта, способствует формированию определенной зависимости. Самоутверждение, общение и релаксация в виртуальном пространстве часто порождает чувства собственной неполноценности, раздражения, социальной тревоги и депрессии в реальности, поскольку молодые люди в своих действиях не соответствуют тому образу, который они сконструировали в своих представлениях. Как правило, конфликт реального и виртуального разрешается молодыми людьми в пользу последнего, поскольку формирование психофизиологической зависимости от сети Интернет, в основе которого

чувство удовольствия, дополняется социальным удовлетворением восполнения недостающих сфер жизни в виртуальной реальности. В результате интернет-зависимость возрастает, в связи с чем актуализируется проблема ее профилактики и контроля.

Феномен интернет-зависимости детально исследуется в научной литературе. Такая форма поведения молодежи в социологии обозначается термином «интернет-аддикция», которая относится к «группе технологических аддикций – нехимических (поведенческих) зависимостей, реализуемых посредством современных технологий» [1, с. 4].

В качестве ее критериев отечественные и зарубежные ученые единодушно выделяют постоянное «увеличение времени, проводимого в Интернете, которое необходимо для достижения удовлетворения; неудачные попытки контролировать, сократить или прекратить использование Интернета; потерю интереса к социальной, научной, учебной, производственной деятельности, другим увлечениям и развлечениям, за исключением пребывания в сети; отказ от реальных значимых отношений, работы, образовательных или карьерных возможностей в пользу виртуальных; преодоление чувства беспомощности, вины, тревоги посредством сетевых коммуникаций» [1, с. 5].

Критерии интернет-аддикции часто определяются по аналогии с химической зависимостью – наркотической, алкогольной и никотиновой. В частности, китайские [7, с. 378–384], тайские [5, с. 3–9], американские [6, с. 15–20] исследователи диагностируют ее как болезнь, поскольку она ведет к ухудшению физического состояния молодежи, порождает суицидальные наклонности и предрасположенность к девиантному поведению. Поэтому ее клинические проявления часто используются учеными при разработке соответствующей типологии. Часть исследователей в качестве критерия типологии интернет-аддикции предлагает различные способы формирования зависимости, которые варьируются в использовании определенного или многоцелевого контента информации [4, с. 61–75]. Отечественные исследователи обращаются именно к этому критерию типологизации зависимого поведения молодежи. Они выделяют «интернет-гемблеров, которые пользуются разнообразными интернет-тотализаторами, аукционами, лотереями; интернет-

геймеров, пользующихся разнообразными интернет-играми; интернет-трудоголиков, которые реализуют свой работоголизм посредством Сети; интернет-сексоголиков, посещающие разнообразные порносайты, занимающиеся виртуальным сексом; интернет-эроголиков – любовные аддикты, которые знакомятся, заводят романы посредством Сети; интернет-покупателей, реализующих аддикцию к трате денег посредством бесконечных покупок онлайн; интернет-аддиктов отношений, которые часами общаются в чатах, бесконечно проверяют электронную почту и т. д.» [1, с. 4].

В качестве средств контроля интернет-аддикции молодежи исследователями предлагаются воспитательные меры – профилактические и терапевтические, направленные на последствия ее устранения. К воспитательным целям чаще всего относят контроль поведения молодежи родителями в виде ограничения пребывания в Сети и проведения профилактических бесед относительно угрозы формирования зависимого поведения. В качестве терапевтических средств контроля рассматриваются фармакологические и нефармакологические – медикаментозное лечение антидепрессантами и поведенческие техники преодоления интернет-аддикции. Последние направлены на поэтапную смену модели поведения молодых людей, возвращающих их к реальной жизни и осознающих свою зависимость. Ученые акцентируют внимание на проблемах терапевтического контроля интернет-аддикции, которые вызваны сложностями его диагностики и ограниченности информации о его результатах.

В настоящее время активно разрабатывается проблематика правового контроля [8] в виде запрета распространения информации, содержащей призывы к насилию, педофилии и другим запрещенным законам действиям. Создана специальная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [2, с. 167]. Карающий контроль также направлен на ограничение зависимости молодежи от контента информации, которая ведет к формированию девиантных форм поведения и агрессии. Как показывают

социологические опросы, отношение молодежи к подобным формам контроля неоднозначно. С одной стороны, молодые люди поддерживают запрет «на распространение информации, содержащей сведения об изготовлении взрывчатых веществ, оружия. Недопустимыми ими признается также распространение призывов к насилию в отношении разных социальных общностей, представителей этнических групп, к насильственным действиям по свержению существующего строя» [2, с. 172]. С другой стороны, большинство отрицательно относятся к идее ограничения доступа к самой глобальной сети, а не только к ограничению доступности ряда информационных ресурсов внутри нее.

Таким образом, в научной литературе подробно отражены критерии интернет-аддикции, предложена соответствующая типология моделей поведения молодежи в сети Интернет, а также средства ее контроля. Однако возникает ряд вопросов, связанных с эффективностью контроля интернет-зависимого поведения молодежи: почему количество молодых людей с подобной формой поведения значительно возрастает? Почему профилактические способы контроля интернет-аддикции молодежи возложены только на семью и мало изучены в научной литературе? Почему карающий контроль интернет-аддикции не пользуется поддержкой среди молодежи? Ответы на эти вопросы предполагают авторские уточнения в отношении специфики форм контроля интернет-аддикции молодежи и их субъектов.

В научной литературе существует общепринятая позиция относительно приоритета профилактического контроля девиантного поведения, а не карающего. Это же в полной мере относится и к интернет-аддикции. Возникает вопрос, в отношении кого осуществлять профилактический контроль? В научной литературе представлен ответ – в отношении жертв, молодежи, у которой сформировалось зависимое поведение. Но в данном случае нарушены причинно-следственные связи. Субъектом этого процесса является тот, кто распространяет информацию, ведь зависимость возникает не от технических средств, обеспечивающих доступ к Сети, а от представленного контента информации, удовлетворяющего потребности молодежи, и способа коммуникации. Поскольку контент информации организован в Сети

посредством сайтов, то разумно предположить, что таким субъектом в обобщенном виде выступает блогер. Здесь опять возникает ряд вопросов: кто такой блогер? Какой характер носит его деятельность? Как она регламентируется? Какие интересы он преследует? Какую форму поведения демонстрирует? Почему она так привлекательна для молодежи? Каким образом она формирует зависимость?

Изучением деятельности блогеров в социологии ученые только начинают заниматься, а вот проблемы контроля их влияния и деятельности, порождающие интернет-аддиктивное поведение молодежи, пока не изучены в научной литературе. Этот пробел необходимо восполнить.

Популярность блогов среди молодежи (63 % регулярно читают блоги и смотрят видеоролики) определяется близостью социокультурной среды, поскольку блоги организуют молодые люди, соответствующие интересам этой группы подбором тем, стилистики и языка. Блогер интересен молодежи, поскольку он персонализирован и транслирует аудитории не факт, а эмоцию, что косвенно подтверждается и данными исследования. Поэтому его деятельность в сетевом пространстве направлена на то, чтобы сформировать потребность, вызывающую эмоциональный отклик у молодых людей. Для того чтобы добиться этого отклика блогер должен продемонстрировать свои креативные способности, которые ничем не ограничены в отличие от СМИ: его информация может быть лишена объективности, не подлежит редактуре. Он не заботится о своей репутации, что признается большинством молодежи (63 %), поэтому для привлечения внимания часто используются пограничные способы поведения, отклоняющиеся от формальных и этических норм. За 15 лет развития интернет-индустрии мотивы блогеров значительно трансформировались: произошел переход от самопозиционирования на основе принципа бескорыстной увлеченности к открытым рыночным отношениям. Среди молодых людей «заметно снижается доля тех, кто сохраняет за блогерами бескорыстную мотивацию прошлых лет – желание обмениваться мыслями и эмоциями».

Итак, блоги привлекательны для молодежи, поскольку их создатели сами принадлежат к этой социокультурной среде и предлагают

интересующие молодых людей темы с соответствующей им стилистикой. Они креативны (так считают 79 % среди 18–24-летних), что создает дополнительную привлекательность их сайтов. Добиться повышенной посещаемости блогов возможно за счет формирования или удовлетворения потребности, которая вызывает у молодежи эмоциональный отклик, что способствует формированию зависимости от предлагаемой блогерами информации. Это происходит за счет «парасоциальной коммуникации».

Парасоциальной коммуникацией эксперты обозначают взаимодействие в цифровом пространстве, посредством которого трансляция информации от блогера ко всем пользователям осуществляется без обратной связи. Такая коммуникация асимметрична и однонаправлена. В частности, контент информации представлен так, что у молодых пользователей формируется образ, идентичный тому, который представлен в блоге. С этого момента начинается формироваться интернет-аддикция. Изначально при просмотре информации у молодого человека возникает психологическое и социальное удовлетворение от причастности к сетевому сообществу, избранному им по сходству интересов или идеальным предпочтениям. Затем происходит общение, но не непосредственно с блогером, чья информация транслируется для общей аудитории, а с посетителями сайта, которые стремятся соответствовать заданным ориентирам. В результате формируется идеальный образ у пользователя информации и возникает иллюзия соответствия. Далекая от реальности аддикция становится основой формирования психологической зависимости, поскольку несоответствие идеального образа объективным возможностям и условиям вызывает у молодых людей тревожность, низкую самооценку, что ведет к ухудшению психического и эмоционального состояния.

Задачу профилактики аддиктивного поведения призваны решать правовой и этический контроль распространяемой блогерами информации в цифровом пространстве. Правовой контроль деятельности блогеров имеет противоречивый характер. В 2014 г. была предпринята попытка «законодательно урегулировать деятельность блогеров Федеральным законом от 05.05.2014 № 97-ФЗ, фактически приравняв блоги к средствам массовой информации,

но Федеральным законом от 29.07.2017 № 276-ФЗ из законодательства понятие «блогер» было изъято, а сами блогеры оказались вне сферы правового регулирования [3]. Согласно закону, блогер должен был добровольно зарегистрироваться в соответствующей инстанции и в своей деятельности «избегать клеветнической информации и оскорблений, соблюдать финансовые обязательства [3]. Но в силу отмена закона статус блогеров в настоящее время, равно как права и обязанности, отсутствуют. Вместе с тем «в России сегодня 67 тысяч СМИ, тогда как блогеров намного больше. Только в «Инстаграме» зарегистрированы свыше 200 тысяч блогеров, 779 из которых имеют свыше миллиона подписчиков» [3]. Проблема наделения блогеров правовым статусом возникла из-за неопределенности классификации их деятельности. Попытки приравнять их деятельность к журналистской или публицистической оказалась затруднительной, поскольку для ее осуществления требуется определенная квалификация. Следовательно, правовой контроль деятельности блогеров, как совокупность норм ограничительного и запретительного характера, направленный на сдерживание аддиктивного поведения молодежи, осуществляется преимущественно посредством цензуры информации, размещенной в сетевом пространстве. Цензура гарантирует обеспечение общественной безопасности и отчасти сдерживания аддиктивного поведения молодежи.

Ограниченность правового контроля может быть компенсирована этическим контролем. Эти виды контроля находятся в отношении количественной зависимости: чем более регламентированы действия распространителей информации этическими нормами, тем меньше требуется правовых ограничений, и наоборот. В контексте аддиктивного поведения молодежи субъектом такого контроля является сетевое сообщество, к которому относятся блогеры, а также представители СМИ. Этические нормы деятельности сетевого сообщества только формируются. Они базируются на принципах уважительного отношения друг другу акторов, участвующих в процессе коммуникации, и предоставления достоверной информации. Этический контроль аддиктивного поведения молодежи в цифровом пространстве направлен на обеспечение

социальных норм в форме ответственной зависимости, базирующихся на принципах важности получаемой информации и осознанности задач по ее использованию. В ситуации информационной свободы он ограничивает самопроизвольные действия распространителей информации с позиций норм самоорганизации, в основе которых лежат принципы достоверности информации и обоюдного уважительного отношения участников коммуникации.

Этический контроль аддиктивного поведения молодежи в цифровом пространстве будет эффективен, если соотношение норм самоорганизации сетевого сообщества и норм социальной ответственности будет сопровождаться рациональным решением потребителей

Литература

1. Егоров А.Ю. Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2015. № 4 (33).
2. Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна: материалы Международной научно-практической конференции 2014. СПб., 2014.
3. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/uroki-zakona-bloggerakh/>.
4. Griffiths M.D. 1998. Internet addiction: does it really exist? // Psychology and the Internet: Intrapersonal, interpersonal, and transpersonal implications / Ed. by J. Gackenbach. San Diego, CA: Academic Press.
5. Kim J.-U. A Reality Therapy Group Counseling Program as an Internet Addiction Recovery Method for College Students in Korea // International Journal of Reality Therapy. Vol. 26, № 2. 2007.
6. Prevalence and risk factors of Internet addiction in high school students / T. Sasmaz, S. Oner, A.O. Kurt [et al.] // Eur J Public Health. 2014. Vol. 24, № 1.
7. Proposed diagnostic criteria and the screening and diagnosing tool of Internet addiction in college students / C.H. Ko, J.Y. Yen, S.H. Chen [et al.] // Compr Psychiatry. 2009. Vol. 50, № 4.
8. Лубский Р.А. Нормативно-правовая база организации и деятельности органов государственной власти // Регионоведение: учебное пособие. Ростов н/Д, 2002.

информации о необходимости или ограничении доступа к ней, что определяет обоюдную степень участия в коммуникативном процессе. Если нормы социальной ответственности, устанавливаемые для себя человеком в цифровом пространстве, направлены на саморегуляцию действий, то в отношении сетевого сообщества принимаются во внимание конструктивные цели акторов в цифровом пространстве, соответствующие интересам различных его участников.

Таким образом, проблема этического контроля как средства сдерживания аддиктивного поведения молодежи чрезвычайно актуальна и нуждается в последующем концептуальном осмыслении и эмпирической апробации.

Bibliography

1. Egorov A.Y. Modern ideas about Internet addictions and approaches to their correction // Medical psychology in Russia: electronic scientific journal. 2015. № 4 (33).
2. Crime, deviance and social control in the post-modern era: materials of the International Scientific and Practical Conference 2014 / Ed. doct. legal Sciences, Prof. N.A. Isaev and candidate jurid. Sciences, prof. A.V. Komarnitsky SPb., 2014.
3. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/uroki-zakona-bloggerakh/>.
4. Griffiths M.D. 1998. Internet addiction: does it really exist? // Psychology and the Internet: Intrapersonal, interpersonal, and transpersonal implications / Ed. by J. Gackenbach. San Diego, CA: Academic Press.
5. Kim J.-U. A Reality Therapy Group Counseling Program as an Internet Addiction Recovery Method for College Students in Korea // International Journal of Reality Therapy. Vol. 26, № 2. 2007.
6. Prevalence and risk factors of Internet addiction in high school students / T. Sasmaz, S. Oner, A.O. Kurt [et al.] // Eur J Public Health. 2014. Vol. 24, № 1.
7. Proposed diagnostic criteria and the screening and diagnosing tool of Internet addiction in college students / C.H. Ko, J.Y. Yen, S.H. Chen [et al.] // Compr Psychiatry. 2009. Vol. 50, № 4.
8. Lubskey R.A. Normative-legal base of the organization and activity of state authorities // Regional studies: a textbook. Rostov n/D, 2002.

Цымлянская Ольга Афанасьевна
Tsymlyanskaya Olga Afanasevna

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат экономических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor PhD in Economics.

E-mail: ipidorfii@yandex.ru.

ЮРИДИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Legal and anthropological aspects of individuals' income taxation

В статье исследуется процесс влияния налогообложения на снижение социальной напряженности и рост экономической эффективности в Российской Федерации. Подходное налогообложение рассматривается с точки зрения социальной философии, связанной с областью междисциплинарных исследований. В рамках философии права выражена попытка определить конкретно-исторический путь достижения благосостояния, признаваемый этим обществом социально справедливым с помощью налогообложения.

Ключевые слова: юридическая антропология, налогообложение, налог на доход физического лица, плоская шкала налогообложения, прогрессивная шкала налогообложения, экономическая эффективность, социальная справедливость.

The article examines the process of the influence of taxation on the reduction of social strain and the growth of economic efficiency in the Russian Federation. Income taxation is viewed from the point of view of social philosophy related to the realm of interdisciplinary research. In the «philosophy of law» context, the author attempts to determine the concrete-historical way of achieving well-being, recognized by this society as socially just through taxation.

Keywords: legal anthropology, taxation, personal income tax, flat tax rate schedule, progressive taxation, economic efficiency, social justice.

Юридическая антропология, обладая междисциплинарным характером, объединяя знание о человеке и обществе с правоведением, позволяет рассчитывать на рассмотрение проблем налогообложения с позиций как обычного права, так и писаного, осуществить более глубокий анализ отчуждения средств человека в форме налогов.

Антропология права позволяет расширить возможности выявления сущности взимания налогов в рамках социально-гуманитарного здания. Особый интерес представляет сравнительно-правовое исследование правовых систем, характеризующих налогообложение доходов физических лиц в аспекте человеческого восприятия. Это вызывается кризисными противоречивыми явлениями правосознания, которые обусловлены тем юридическим формализмом и бюрократизмом, сложившимся в современном российском правовом поле. Реформы по налогообложению физических

лиц всегда воспринимались как морально значимые и наиболее болезненные, затрагивая интересы большинства людей, а зачастую пагубно отражаясь на наиболее социально незащищенных лицах. Поэтому актуальным представляется рассмотрение, инициированного президентом России В.В. Путиным изменения по исчислению и взиманию налога на доходы физических лиц. Предложение президента повысить с 1 января 2021 г. НДФЛ для имеющих годовой доход свыше 5 млн руб. граждан с 13 % до 15 %, по сути дела представляет определенный шаг к переходу от плоской к прогрессивной шкале налогообложения.

С позиций антропологии права, которое концентрирует свое внимание прежде всего не на позитивном праве, а на обычном праве, которое является составляющей генезиса народов, органической частью культуры, следует обратить внимание на исторический аспект налогообложения доходов физических лиц.

История права подоходного налога имеет свою специфику и определяется его значимостью по сравнению с другим налогами. Это вызвано не только тем, что все общественные отношения так или иначе замыкаются на человеке, работнике, но и тем, что тяжесть индивидуального подоходного налога во многом задает уровень обложения другими налогами [1].

Используя компаративистский (сравнительный) подход следует обратиться к мировой истории налогообложения.

Уже у Г. Гроция [2], признанного классика естественного права, одним из признаков государства, которое «есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы», является взимание налогов.

В эпоху Просвещения в Европе XVIII в. на основе идеи «общественного договора» и «естественного права» возникает представление о тождестве интересов государства и интересов большинства. Например, П.А. Гольбах считал, что необходимо охранять личность и собственность граждан. Поэтому обложение налогами должно устанавливаться с согласия самих граждан, их распределение должно соответствовать требованиям справедливости, а правительство должно отчитываться в расходовании поступающих сумм, а политики должны «сдерживать или направлять различные интересы, противоречивые страсти множества людей, слишком часто лишенных опыта и разума; наконец, они должны стремиться объединить интересы народов и государей, управляя ими посредством убеждения, а при недостаточности последнего – посредством силы» [3].

Говоря о прогрессивной шкале налогообложения нельзя не назвать имя А. Смита, автора знаменитых четырех принципов налогообложения названных «великой хартией вольностей плательщика» и «декларацией прав налогоплательщика». В его работе «Исследование о природе и причине богатства народов», написанной в 1776 г., указывается на то, что: «... подданные государства должны, по возможности, соответственно своей способности и силам участвовать в содержании правительства, т. е. соответственно доходу, каким они пользуются под покровительством и защитой государства. Налог, который обязывается уплачивать каждое отдельное лицо, должен быть точно определен, а не произволен. Срок упла-

ты, способ платежа, сумма платежа – все это должно быть ясно и определено для плательщика и для всякого другого лица» [4].

В России появление подоходного налога стало закономерным этапом при переходе от абстрактного налогоплательщика, именуемого «двор» или «дом», к конкретному человеку. Попытка прогрессивного налогообложения была предпринята в 1810 г. ввиду уменьшения доходной части государственной казны, вызванной военными расходами. Правительство обложило помещиков сбором со всех доходов свыше 500 руб., в этом случае ставка составляла 1 % и прогрессивно поднималась до 10 %. В 1820 г. налог под давлением помещиков был отменен.

Внимание к проблеме подоходного налога и принципам его взимания усилилось в 60–70 гг. XIX в. Теоретики налогообложения того времени Н. Тургенев и И. Янжул [5] утверждали необходимость уплаты налога гражданами государства, получившими свободу и приобретшими право собственности. Иными словами, отмена крепостного права в России приучала физических лиц хозяйствующих субъектов платить налоги.

Представляется полезной параллель с налогообложением в США за этот же период. Там в 1862 г. стали использовать дифференцированное налогообложение, прогрессивный налог применялся к доходам ниже 10 000 дол., и ставка составляла 3 %; 5 % ставка использовалась по доходам свыше 10 000 дол.

Реформирование налогообложения исторически было обусловлено сдвигами, происходящими в общественном сознании, а правовые акты фиксировали существующую сложившуюся традицию налогообложения.

В условиях реалий советского времени, в преобладающей политэкономической модели развития государства, опиравшейся на абсолютное обобществление народного хозяйства, налогообложение приобрело латентный характер изъятия части дохода населения в общественные фонды. Исходя из господствующих социокультурных представлений, подоходное налогообложение не могло не быть прогрессивным. Формирование социалистического общества диктовало рассмотрение подоходного налога как образ единения советских людей, а прогрессивная шкала подчеркивала социальную справедливость общества.

По сути дела, выделялся примат экономических отношений, когда налоги представлялись инструментом влияния государства на гражданское общество за счет сосредоточения и перераспределения денежных средств для реализации общественных интересов.

В условиях формирования рыночной экономики в российской науке, в рамках развития философии налогов, распространение получает концепция символического развития феномена налогообложения [6]. Так, Е.Г. Панов сводит суть это концепции к тому, что: «Принятие обществом определенной системы налогообложения способно изменять социальную структуру, оказывать влияние на экономику и приводить к существенным изменениям во внутренней и внешней политике государства» [7]. Здесь, в отличие от предыдущей концепции, материальная база уходит на второй план, а первичным становится становление ценностных структур общества.

Многие ученые придерживаются мнения, что та модель, в которую Россия перешла, уйдя от планового хозяйства, дает возможность действовать свободно. Там, где в основе общества лежит иерархия, каждый думает, может ли он делать что-то, и как на это посмотрит руководитель или хозяин, отношения держатся на рефлексивных неформальных нормах.

Отечественные ученые опираются в данном случае на позиции западных теоретиков, таких как Дж. Бьюкенен, Дж. Бреннан, полагавших первоначальное выделение социальных отношений, воздействующих на правовые и экономические отношения и детерминирующие соответственно налоговые отношения. Изменение парадигмы налогообложения нашло отражение у Ж. Бодрийяра, в его работах [8] проводится критика марксистской концепции политэкономии на основании выявления символической природы финансов и денежного обращения.

Президент России В.В. Путин в июне 2020 г. объявил об отказе от плоской шкалы налогообложения. НДФЛ повысился с 13 до 15 % для людей, чьи доходы в год превышают 5 млн руб. Ожидается, что мера даст бюджету дополнительно 60 млрд руб. Минфин ранее предлагал сделать единственное исключение для доходов от продажи недвижимости.

Интересным представляется, что введение в 2021 г. изменений по ставкам НДФЛ в

сторону их увеличения для имеющих свыше 5 млн руб. в год, можно рассматривать с точки зрения «символической природы налогообложения», по которой высшая форма общественного признания состояла в том, что налог приобретал для налогоплательщика чисто символическое значение как готовность выполнять общественные обязанности.

Введение 15 % ставки на НДФЛ в настоящее время как элемента прогрессивного налогообложения, как налога на очень богатых, практически не влияет на фискальную составляющую, а подразумевает социальный эффект. По сути дела наиболее имущие лица теперь на законодательном уровне будут жертвовать на лечение тяжелобольных детей часть своих доходов, поскольку помимо элемента прогрессивности, в этом случае устанавливается и целевой характер налога, в целом нехарактерный для налоговой системы Российской Федерации.

Внесение изменений в нормативные акты, регулирующие налогообложение доходов физических лиц, во многом стало следствием негативного отношения к существующей плоской шкале налогов. Общественное мнение, отражая сложный срез социальных отношений, повлияло на принятие поправок в Налоговый кодекс Российской Федерации в части НДФЛ.

«Между основными участниками налоговых отношений государством и налогоплательщиками складываются противоречивые отношения по поводу справедливого и обоснованного распределения доходов. Государственные власти стремятся к увеличению налогов, население – к уменьшению их. Доля, изымаемая на государственные нужды, широко варьируется на разных исторических этапах, зачастую с нарушением баланса интересов, обеспечивающих устойчивое существование общества» [9].

Поправки стали средством достижения роста материального благополучия на основе социально справедливых трансформаций, право было дополнено с учетом позиций налогоплательщика и призвано было повысить доверие к государству. Сделана попытка нивелировать разницу между правом, отраженным в правовых документах (писаным правом) и обычным правом, определяемым общественным мнением.

Такие изменения можно определить как нравственно оправданные в преодолении социальной дифференциации в доходах.

Прогрессивная шкала налогообложения широко используется во многих странах и важно подчеркнуть, что значительная доля этих стран является экономически развитыми, социально благополучными странами. Мировая правовая культура ориентируется на ликвидацию двойного налогообложения, на сокращение налогового бремени.

Градации прогрессии в разных странах значительно расширяются.

В Великобритании – стране, которая начала применять прогрессивную шкалу еще в XIX в., выделяют для наименее обеспеченных лиц нулевую ставку подоходного налога (Income Tax). Не облагаются налогом суммы доходов до 12 500 фунтов стерлингов в год; основная группа включает лиц, имеющих доход от 12 501 до 50 000 фунтов стерлингов в год, платит налог по ставке 20 %; повышенная ставка равняется 40 %. По этой ставке оплачиваются доходы от 50 001 до 150 000 фунтов стерлингов в год и, наконец, дополнительная ставка составляет 45 % для доходов свыше 150 001 фунтов стерлингов в год (данные на 2021 г.) [10]. В стране предусмотрено снижение уровня налогов тем, кто несет ответственность за других членов семьи или жертвует на благотворительность.

Великобритания традиционно относится к странам с либеральной моделью развития, которой имманентно присущи высокие налоги, но здесь широко развита система перераспределения доходов бюджета для реализации социально ориентированной политики.

Если рассмотреть страну, имеющую один из самых высоких уровней роста валового внутреннего продукта – Китай, то там используется еще более дифференцированная шкала подоходного налогообложения. Прогрессивная ставка рассчитывается для 7 групп налогоплательщиков. Ставка в 3 % (минимальная) в 2021 г. применяется для лиц, имеющих менее 36 000 RMB годового дохода, ставка в 45 % применяется доходам более 960 000 RMB.

При расчете совокупного основного дохода отнимается стандартный вычет, который с 1 января 2021 г. составляет 5 000 RMB (около 725 дол. США) в месяц или 60 000 RMB в год. До 2021 г. этот вычет равнялся 3 500 RMB для резидентов и 4 800 RMB в месяц для нерезидентов. Вычеты только подчеркивают социальный характер налогообложения [11].

Налогообложение физических лиц во Франции остается наиболее социально ориентированным, но цена обложения подоходным налогом (Impôt sur le revenu, IRPP) по прогрессивной шкале остается наиболее жесткой. Как и в Великобритании, и Китае самая высокая ставка подоходного налога составляет 45 %. Планка в 45 % действует в 2021 г. для тех, кто получил 156 244 евро и более в год. Налоги позволяют решать многие социальные проблемы, но для страны характерны и перекосы в установлении налогов, когда, например, в 2013 г. установили 75 % налог на доходы, превышающие 1 млн евро. Подобная ставка привела к снижению стимулирующей функции налогов и вызвала недовольство. Но в целом налогообложение во Франции остается наиболее социально ориентированным. Причем в этой стране налогом облагается не доход конкретного лица, а усредненный доход на отдельного члена семьи. Например, в семье из мужа, жены и ребенка зарплата родителей распределяется между тремя членами семьи и именно на полученный усредненный доход начисляется налог.

Безусловно, необходимо изучение и использование мирового опыта в использовании подоходного налогообложения. При этом следует учитывать, что негативное влияние на правовое развитие социума, по мнению представителей антропологии права, также оказывает процесс глобализации. Сторонниками подобных взглядов рассматриваются последствия глобализации: исчезновение в результате унификации норм и идеалов мировых культур, процесс «усреднения», обезличивания индивидуумов, объединения их в некие жесткие рамки единообразными нормами и правилами, потери этническими группами своей самобытности, делигитимации правовых норм.

На основании вышесказанного следует сделать вывод, что прогрессивная шкала налогообложения не представляется априори оптимальной и эффективной. Негативной составляющей дифференцированной ставки НДФЛ может стать наращивание нелегальных способов уклонения от уплаты налогов, отток капитала из страны в страны со льготной юрисдикцией, уменьшение собираемости налоговых платежей, а, следовательно, падение доходной части бюджета.

Неясность предмета прогрессивного налогообложения отражается в функциональных особенностях социальной философии налога. Возникает противоречивая ситуация между объективными потребностями развития экономики и права и осознанием этих тенденций в философско-правовых исследованиях. Неполнота знания делает открытыми различные концептуальные объяснения оптимальности налогообложения в пределах общезначимых установок философии права.

Однако трудно не признать позитивные моменты прогрессивного налогообложения доходов физических лиц, к которым относятся: сокращение дифференциации в доходах; установление социальной справедливости; уменьшение социальной напряженности в обществе, и, в результате, установление целостности и устойчивости общего развития социума.

Прогрессивная шкала налогообложения признана эффективной и социально ориентированной в большинстве стран мира. С позиций антропологии права складывается необходимость существования большего количества обеспеченных граждан, т. к. «нет отечества для неимущего», таким образом, государство обеспечит реализацию прав большинства. Возможность реализации таких прав видится в обеспечении ряда прерогатив, прежде всего, обеспечение права собственности и право на свободу личности. Налоги должны устанавливаться с согласия граждан, аккумулироваться государством и перераспределяться на основе социальной справедливости. При этом механизм реализации этого согласия не может выглядеть, например, в форме референдума, учитывая, что налоговое право имеет публичный характер, а в области публичных финансов непосредственное волеизъявление, обычно не допускается.

Итак, существует потребность в трансформировании налоговой системы, в переходе на прогрессивную шкалу налогообложения, а для этого предлагается:

1. Опирайтесь в нормотворчестве законодателей на использование данных правовой

антропологии, многообразие правовых форм социального бытия человека, исследуя налоги как комплексную, многоплановую категорию и в форме определенных взаимоотношений налогоплательщиков с государством.

2. Применять прогрессивную налоговую ставку НДС вместо использования налоговых вычетов с целью более комплексного подхода реализации социальных задач, стоящих перед российским государством.

3. Использовать преемственность методологии подоходного налогообложения в введении прогрессивного налогообложения, опираясь на опыт, накопленный Россией как в дореволюционный, так и советский период.

4. Учет особенностей правового сознания и прав культуры, при этом необходимо отказаться от чуждых моральных идеалов и ценностей посредством права, минимизировать негативные последствия унификации норм и идеалов мировых сообществ.

5. Введенный элемент прогрессивного налогообложения физических лиц имеет незначительный фискальный эффект, в большей степени он носит социальный характер, для его усиления целесообразно осуществить прогрессию не вверх, а вниз, освободив от НДС лиц, имеющих наиболее низкие доходы. К ним следует отнести граждан с доходами ниже прожиточного минимума.

6. Проводить переход на прогрессивную шкалу налогообложения поэтапно, с учетом экономического развития страны, с учетом доминирующего общественного мнения, а также с учетом субординации правовых форм социальной жизни человека, которое фиксируются функционированием такого публичного права как налоговое право.

Изменение государственной политики в области налогообложения доходов физических лиц требует взвешенных решений, анализа эффективности действовавших налоговых преференций. Здесь недопустимы спонтанные решения.

Литература

1. Едророва В.Н., Телегус А.В. Исторические аспекты развития методологии подоходного налогообложения за рубежом и в России // Финансы и кредит. 2015. № 28.

Bibliography

1. Edronova V.N., Telegus A.V. Historical aspects of the development of the methodology of income taxation abroad and in Russia // Finance and credit. 2015. № 28.

-
-
2. Гроций Г. О праве войны и мира. Электронная библиотека hello@litmir.co.
  3. Гольбах П.Л. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1963.
  4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1997.
  5. Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. М., 2002.
  6. Философия налогов: налогообложение как явление социальной жизни и теоретическая проблема // Практическая философия: Учебник для магистров экономических вузов. М., 2017.
  7. Панов Е.Г. О символической природе налогообложения // Образование и право. 2017. № 9.
  8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
  9. Цымлянская О.А. Совершенствование норм налогового права как парадигма оптимизации налогообложения // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 6.
  10. URL: <https://zagranportal.ru/velikobritaniya/finansy-velikobritaniya/osobennosti-nalogooblozheniya-v-velikobritanii.html>.
  11. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-tax/new-rules-on-physical-person-income-taxation-china/>.
  12. URL: <https://mirfrance.ru/nalogi-vo-francii/>.
  2. Grotius G. On the law of war and peace. Electronic Library hello@litmir.co.
  3. Holbach L.P. Selected works: In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1963.
  4. Smith A. an inquiry into the nature and causes of the wealth of Nations. Moscow, 1997.
  5. Angul I.I. The foundations of financial science: the doctrine of state revenues. Moscow, 2002.
  6. Philosophy of taxes: taxation as a phenomenon of social life and a theoretical problem // Practical philosophy: Textbook for masters of economic universities. Moscow, 2017.
  7. Panov E.G. On the symbolic nature of taxation // Education and Law. 2017. № 9.
  8. Baudrillard J. Symbolic exchange and death. Moscow, 2000.
  9. Tsymlyanskaya O.A. Improving the norms of tax law as a paradigm of tax optimization // Jurist-Pravoved. 2013. № 6.
  10. URL: <https://zagranportal.ru/velikobritaniya/finansy-velikobritaniya/osobennosti-nalogooblozheniya-v-velikobritanii.html>.
  11. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-tax/new-rules-on-physical-person-income-taxation-china/>.
  12. URL: <https://mirfrance.ru/nalogi-vo-francii/>.

**Жабкин Антон Сергеевич
Zhabkin Anton Sergeevich**

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Lecturer, the Department of Tactical and Special Training, the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

E-mail: Kaiman_777161@mail.ru

РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Development and making of philosophical and legal anthropology

В данной статье рассматривается история философско-правовой антропологии, ее развитие в философии права, раскрывается ее сущность и содержание. Присваивается большая значимость в правовой антропологии и становлении современного законодательства.

Ключевые слова: юридическая антропология, философско-правовая антропология, философия права, закон, юридическая ответственность.

This article examines the history of philosophical and legal anthropology, its development in the philosophy of law, reveals its essence and content. Great importance is given to the legal anthropology and the making of modern legislation.

Keywords: legal anthropology, philosophical and legal anthropology, philosophy of law, law, legal liability.

Становление и последующее развитие цивилизации неотделимо от эволюции системы нормативной регуляции, включающей в себя право. Регуляция общественных отношений нормами права является важнейшим условием функционирования системообразующих институтов общества, воспроизводства социальной структуры, антропогенных факторов и человеческой личности. Таким образом, данный механизм регулирования является основополагающим фактором жизнедеятельности человека и общества. Исключительная роль права, его ценностный характер, закономерно возрастающая сложность общественных связей и т. п. вызывают нескончаемые дискуссии о сущности правовой нормы, которой даются противоречивые оценки и толкования, особенно в понимании философско-правовой антропологии. Как отмечается многими учеными, классические модели правопонимания исчерпали свои методологические возможности в исследованиях, ориентированных на выявление природы и сущности права и философско-правовой антропологии. Свойственная им ограниченность, выражающаяся в концепциях правового этатизма, правового формализма и правового позитивизма, а так же их скепти-

цизм по отношению к неписаному, обычному праву, препятствуют всесторонней оценке генезиса права и его последующего развития, а без этого невозможно установить и его сущность. Как указывает В.С. Нерсесянц, «каково понимание сущности права и государства (и, следовательно, их понятие), такова и соответствующая концепция их происхождения и назначения» [6]. При сведении права к нормам поведения, закрепляемых в письменных источниках государством, которое обеспечивает и их соблюдение, остается неучтенным правопорядок, регулирующий отношения как в догосударственный период, так и при кодифицированном праве. Учитывая, что для антропологии права характерно обращение непосредственно к процессу возникновения права, а так же то, что свойственная ей концепция правового плюрализма подразумевает под правом в первую очередь продукт общественной жизнедеятельности социума, а не нормотворчества государственных органов законодательной власти, данная дисциплина может претендовать на преодоление указанных узких рамок классического правопонимания. Обращаясь к юридической антропологии, мы получаем возможность изучить ряд

новых аспектов права, конкретизировать и развить совокупность знаний о праве как специфическом социальном явлении. Этому во многом способствует междисциплинарный характер юридической антропологии, который обусловлен тем, что в данной дисциплине сконцентрированы все существенные достижения и концепции социальной антропологии, этнологии, социологии, философии, культурологии и ряда других наук при рассмотрении такого специфического объекта, как право. Обширный накопленный материал, относящийся к различным обществам на протяжении всей истории, а так же теоретический потенциал в их классификации позволяют антропологии права сформировать своего рода «теорию правовой истории». Это комплекс типологических характеристик, выражающих основные особенности и качественное своеобразие правовых систем, свойственных обществам прошлого, в их соотношении с современными системами.

Историки права, занятые накоплением и описанием исторических фактов, очень редко позволяют себе какие-либо общетеоретические выводы, стараясь при этом, чтобы они не слишком расходились с постулатами теоретиков. Благодаря тому, что антропология права в своих теориях правовых систем исходит от человека, данная дисциплина препятствует абстрагированию от индивида, а значит и от его потребностей, интересов, ценностей. Так, используя антропологический метод, исследователь выявляет права, необходимые для полноценного развития личности. Таким образом, антропологическое знание можно использовать в качестве мерила многих юридических наук, их идей, методов и положений в части влияния на человека.

Человек живет в правовых реалиях, является социальным существом, это изучает юридическая антропология в правовых измерениях. Антропология изучает правовые формы общественной жизни людей.

Рассмотрим разные подходы к пониманию правовой антропологии и ее характеристики.

В настоящее время государство может существовать только при строгом соблюдении законодательства и основных правовых начал.

Антропология изучает научные дисциплины, которые исследуют происхождение,

развитие и существование в обществе личности. Человек с его мыслями и волей является главным объектом исследования теории социальной ответственности.

Права человека всегда являлись ценностью государства, а к XXI в. стали высшей ценностью, благодаря им регулируются взаимоотношения во всех сферах жизни общества.

Конституция Российской Федерации и международно-правовые акты являются основой закрепления таких прав и статуса человека и гражданина, охраны его прав и свобод. Исходя из этого, правовой статус гражданина выходит за рамки конкретного государства, является интернациональным.

Государство в своих правовых актах гарантирует права и свободы граждан, имеет связь с человеком и является средством, с помощью которого человек реализует свои права в гражданском обществе.

Антропологический подход в истории общественной мысли обычно выступает в виде реакции на объективистские рационалистические формы понимания и объяснения сути человеческого бытия. Онтология, возникающая как попытка в объективистских формах обозначить субстанциональное содержание действительного мира, всякий раз сталкивалась с ограниченностью человеческой личности как средства познания.

Так судья А.И. Ковлер говорил: «Права и свободы человека и гражданина – это та, возможно единственная, ценностная система, которая способна примирить человека с окружающим его обществом и с государством, преодолеть их взаимное отчуждение. Мое право на достойное существование, на уважение меня как личности, равно как и право, мне подобных, становится единственной ценностью, связывающей меня с правовым порядком» [2].

«Право» как понятие многогранно и имеет разное содержание:

1. Право употребляют в общесоциальном смысле, размышляя о политических, культурных, нравственных возможностях в поведении людей.

2. Право рассматривают как инструмент, регулирующий отрасли и нормы права и государства.

3. Право – это инструмент государства, который включает систему норм и отраслей права. Объективное право, куда входят все

законы: конституция, федеральные законы, подзаконные акты и иные нормативные правовые акты, договоры и прочее.

Право представляет собой своеобразный инструмент, с помощью которого решается достаточно широкий круг, связанный с регулированием тех или иных отношений в обществе, исследованием различного рода преобразований, а также решением экологических, экономических и других глобальных проблем современности.

Л.Н. Толстой хотел создать право, которое не противоречило бы нормам нравственности, выступал за нравственные устои семьи, общества. Его учение было прогрессивно и способствовало развитию человека, хотя и аскетично.

Последователи Ф. Ницше считают, что ценность человека зависит от его воли к власти и свободы от моральных норм, воспринимают христианскую мораль как противоестественную. Его система ценностей разрушительна. Взамен христианской морали Ф. Ницше предлагал мораль стремящихся к власти «сверхчеловеков».

Ф. Ницше был сторонником борьбы за публичную власть, а Л.Н. Толстой проповедовал философию жизни, основанную на любви и справедливости. Л.Н. Толстой писал: «Задача человека в жизни – спасти свою душу». Для этого нужно жить по-божьи: «отрекаться от всех утех жизни, трудиться, смириться, терпеть и быть милостивым». Для этого необходимо изменить государственное устройство.

Институт юридической ответственности в настоящее время включает в себя негативную и позитивную ответственности. Негативная юридическая ответственность понимается как государственно-принудительная форма ее реализации, т. е. обязанность лица, совершившего правонарушение, по преодолению неблагоприятных, связанных с этим, последствий. В свою очередь, позитивная юридическая ответственность рассматривается в качестве добровольной формы, т. е. лицо добровольно, без принуждения ведет себя правомерно, что находит одобрение и поощрение со стороны государства.

В целом для обеих указанных подсистем характерно взаимообеспечение и взаимообуславливание, что, в конечном счете, отражается на эффективности института юридической ответственности в целом.

Проблема эффективности права в социально-духовной сфере имеет ряд факторов:

1. Правовая система XX в. показала как государство и правящая элита влияют на жизнь людей и общества в целом, как меняется внутренний мир человека. Исполнение правовых норм может носить незаконный характер, и не всегда закон может защитить законопослушного гражданина. Это влечет разрушение духовного развития личности, принципа гуманизма и чувства справедливости, развитие непредсказуемых ситуаций и их влияние на становление личности. Эффективность права должна рассматриваться с точки зрения не интересов политики государства, а как социального и духовного регулятора жизни человека и общества. Эффективность законодательства государства не должна противоречить справедливости и свободе личности, а также нарушать принципы гуманизма, ответственности и самоконтроля личности, созидательности личностного роста.

2. В настоящее время особое влияние на мировоззрение личности оказала техническая революция и повлекла серьезную перестройку социальной системы, поменяла идеалы и представления людей. Так, некоторые авторы пишут о формировании нового «технического человека» со своей культурой и моральными и духовными ценностями. В соответствии с формированием нового общества должны происходить соответствующие изменения и в законодательстве, и государство должно обеспечить соответствие технических и социальных изменений принципам права как регулятора духовной и социальной сфер.

В настоящее время мы приходим к осознанию того, что закон не должен соответствовать божественной воле и религиозным представлениям. Дж. Локк утверждал, что цель закона – это сохранение свободы и прав каждого человека, а не ее ограничение. Работа Ш.Л. Монтескье «О духе законов» играет важную роль во взаимосвязи закона и психологических факторов личности.

Истоки формирования антропологического подхода исходят от Т. Гоббса и Ф. Бэкона с XVII в. и на данный момент имеют большую актуальность, т. к. важность антропологии для юридической науки набирает обороты и имеет доказательную базу. Он возник и включает в себя несколько гуманитарных дисциплин и

утвердился на грани этнологии, правоведения, и антропологии.

Известный ученый-юрист А.Х. Саидов замечает, что все возрастающее значение данного подхода обусловлено целым рядом объективных предпосылок:

– во-первых, увеличивающимся значением гуманизации правоведения;

– во-вторых, бытием человека в сфере права и утверждением свободы человека;

– в-третьих, развитием гражданского общества и государства;

– в-четвертых, возрастающей ролью развивающихся государств и традиционных правовых систем, характеризующейся многими событийными чертами и тенденциями;

– в-пятых, расширением экономических и культурных, научно-технических и правовых связей между государствами [5].

На развитие данного подхода также оказывает значительное влияние основанная на антропологических принципах деятельность многочисленных международных научных организаций в области права.

Антропологическое измерение оценивается со стороны внешнего воздействия на правосознание личности факторов семьи, культуры, образования, ментальности общества, СМИ и органов государственной власти.

Поведение каждого человека зависит только от его правосознания и понимания ответственности за свои действия, в то же время и противоправные. Как говорится, «незнание закона не освобождает от ответственности».

Такой процесс имеет структуру воздействия и включает следующие элементы:

1. Семья – это ячейка общества, где социализируется человек и ему прививается отношение и понятие прав и обязанностей.

2. Образование непосредственно участвует в формировании правосознания граждан и позволяет объективно оценивать происходящее.

3. Культура влияет на мировоззрение человека (музыка, кино, театр и прочее). В некоторых случаях культура диктуется политикой государства.

4. Ментальность общества оказывает свое влияние с учетом общих настроений, которые складываются в обществе (например, негативное отношение российского общества к какому-либо процессу либо, наоборот, положительное).

5. СМИ – средства массовой информации играют важную роль в жизни любого общества, поскольку отражают происходящие события не только в конкретном государстве, но и в мире, и имеют непосредственное влияние на правосознание граждан.

6. Органы государственной власти своими решениями, законами и их правоприменением, т. е. практической деятельностью и принуждением оказывают влияние на правосознание граждан через аппарат управления.

Данные факторы являются ключевыми при формировании правосознания личности. И никакие системные меры не смогут помочь решить действующей проблемы правового нигилизма. Именно антропологическое измерение является воплощением базового принципа юриспруденции – материалистической диалектики.

В настоящее время изучаются актуальные проблемы международно-правового измерения правового регулирования жизни общества, благодаря чему осуществляется интеграция человека в предмет науки и практики юриспруденции.

Юрист-антрополог Н. Рулан отмечает, «если бы юристы более конкретно исследовали свое собственное общество, они, несомненно, лучше поняли бы, что правовые явления бесконечно богаче тех представлений, к которым они слишком часто сводят свое знание» [4]. Это высказывание говорит о новом взгляде на проблемы юриспруденции и более конкретном рассмотрении правовой действительности и поведении граждан и общества.

В праве антропологическое измерение имеет своеобразный характер. Это измерение базируется на правосознании каждого человека и гражданина.

Правосознание присуще каждому человеку, который видит и ощущает действительность, может анализировать и воспринимать существующую реальность в правовой сфере, т. е. осознавать свои права и обязанности в правовой системе.

Антропологический подход приближен к действующей правовой системе, т. е. исходит из широкого подхода к праву, который нацелен на межкультурный подход. С точки зрения антропологии первичны не нормы и не процесс действия права, а единство как критерий права.

Для совершенствования применения права необходимо учитывать конкретную ситуацию каждого юридического случая, конкретную обстановку, характеристику преступника и все нюансы.

Человеческая сущность и ее правосознание должны быть основой юридической ответственности и правоприменения, а так же основой для деятельности органов государственной власти. Большинство ученых твердит о необходимости совершенствования правового регулирования и более четкого формирования правосознания каждого человека и воспитания ответственности.

Литература

1. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М., 2004.
2. Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. М., 2002.
3. Кондрашова К.В., Купча Д.Ф. К вопросу об антропологическом подходе в правоведе-нии // Правозащитник. 2015. № 3.
4. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов. М., 2010.
5. Саидов А.Х. О предмете антропологии права // Государство и право. 2004. № 2.
6. Философия права: краткие учебные курсы юридических наук. М., 2019.

Антропологическое измерение влияет на постановку приговора, конечно в зависимости от характеристик конкретной личности преступника.

Хочется отметить и то, что характер антропологической составляющей юридической ответственности оценивается только конкретным человеком. Коллективные субъекты нормотворчества способны по-разному оценивать те или иные перспективы развития законодательства и юридической ответственности, что может привести и к неправомерным и неправовым решениям.

Bibliography

1. Gurevich P.S. The problem of human integrity. Moscow, 2004.
2. Kovler A.I. Anthropology of law: textbook. for universities. Moscow, 2002.
3. Kondrashova K.V., Kupcha D.F. On the issue of the anthropological approach in jurisprudence // Human rights activist. 2015. № 3.
4. Rulan N. Legal anthropology: textbook. for universities. Moscow, 2010.
5. Saidov A.Kh. On the subject of anthropology of law // State and law. 2004. № 2.
6. Philosophy of law: Short training courses in legal sciences. Moscow, 2019.

Карнаушенко Леонид Владимирович
Karnaushenko Leonid Vladimirovich

начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
доктор исторических наук, профессор.

Head of the Department of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of History, Professor.

О СООТНОШЕНИИ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ И ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ АКСИОЛОГИИ ПРАВА

On the correlation between the metaphysical and post-metaphysical axiology of law

Предметом исследования выступает трансформация аксиологии права, которая обусловлена глобальными социокультурными преобразованиями в современной эпохе. В связи с этим становится актуальным исследование аксиологических принципов, реализуемых в праве, а также рефлексия над теоретико-методологическими основаниями современной аксиологии права.

Ключевые слова: аксиология права, метафизика права, эпоха постметафизики, правовые ценности, правовые институты, принцип дополтельности.

The subject for study is the transformation of the axiology of law, which is due to global socio-cultural reorganizations in the modern era. In this regard, the study of axiological principles implemented in law, as well as reflection on the theoretical and methodological foundations of modern axiology of law becomes relevant.

Keywords: axiology of law, metaphysics of law, post-metaphysics era, legal values, legal institutions, complementarity principle.

Действующие правовые институты на всех уровнях функционирования и в каждом конкретном случае правотворчества и правоприменения каждый раз утверждают определенную концепцию правовых ценностей. Нормативность права означает, что невозможно совершить отдельный правоприменительный акт без имманентно присутствующего в нем правотворчества, конкретизирующего и закрепляющего основную правовую норму, которая несет в себе одновременно и ценностную нагрузку [3, с. 340–341]. Правовые ценности составляют часть ценностного сознания вообще и не могут быть изолированными от иных социокультурных ценностей. Таким образом, возникает проблема аксиологического детерминизма в праве, которая усугубляется в контексте мультикультуральности современного мира.

Тенденция к ослаблению аксиологического универсализма, намеченная еще в постклассический период развития философии, закономерно приводит к аксиологическому плюрализму, что характерно для идеологии индивидуализма, положенной в основание новейшей культуры. Это, в свою очередь, дает повод усомниться в единстве ценностных установок современной правовой системы. Очевидно, что двойные, тройные ценностные стандарты в правовой сфере, не говоря уже об

аксиологическом плюрализме, не совместимы с классической парадигмой справедливости.

Право, как регулятивный принцип общественных отношений, предполагает свое ценностное обоснование. Это актуально для всех конкретно-исторических форм права. Можно сделать вывод, что глобальные социокультурные трансформации становятся тем фактором, который обуславливает возрастающую актуальность аксиолого-правового дискурса. Таким образом, можно говорить об актуализации проблемы аксиологической определенности права в новейшей культуре.

В решении данной проблемы можно наблюдать две основные тенденции. Одна из них реализована в философии естественного права, другая – в философии позитивного права. Обобщенный тезис первого подхода состоит в том, что деуниверсализацию и ослабление духовных ценностей в современном мире следует рассматривать как явление в целом обратимое, временное и несколько преувеличенное. Аксиологии права необходимо вернуться к своим истокам и прочно укорениться в метафизике права. Подобный подход ориентирован на онтологические основания права, которые инвариантны для всех конкретно-исторических форм бытия права. Для метафизической парадигмы правопонимания аксиология права

эксплицируется из общей концепции бытия как фундаментального основания универсальных этических принципов. В связи с этим философия естественного права идет по пути разработки тематики моральных императивов правовой действительности (Фуллер, Финнис), давая понять, что за ширмой аксиологического плюрализма и релятивизма в современной культуре скрываются извечные гуманистические ценности, которые необходимо суметь распознать и реализовать, в том числе и в правовой сфере [4, с. 419]. Противоположный подход заключается в обосновании необходимости преодоления аксиологического детерминизма правовой сферы жизни общества, навязанного естественно-правовыми установками метафизической парадигмы. Подобный подход в свое время был предложен Гансом Кельзенем. Согласно философу, когда утрачивает силу единая аксиологическая парадигма культуры и возникает множество противоречащих друг другу идеологий, правовая сфера жизни общества должна вырабатывать собственные критерии права, обретая тем самым самостоятельность и независимость [5, с. 3–7]. Таким образом, Кельзен провозгласил фундаментальную установку аксиологии позитивно-правового подхода – автономность права как регулятивного принципа общественной жизни от всех возможных идеологий и самостоятельность предмета юридической науки. Очевидно, что развитие данной идеи приводит к утверждению самоценности права. Однако восприятие права как самостоятельной ценности приводит к вопросу о соотношении правовых и внеправовых ценностей в социокультурном пространстве, а также к вопросу об основаниях автономности права.

Методологическая проблема аксиолого-правового исследования состоит в том, что ценностные установки, реализуемые в правовой сфере жизни общества, не выводятся из правоприменительной практики, а предшествуют ей. В этом состоит их априорное значение, позволяющее их рассматривать в качестве управляющих принципов, а не функции правоприменения. Поскольку ценностные установки права образуют единую систему (они мыслятся все сразу и не могут противоречить друг другу) и поскольку они первичны по отношению к частным случаям правоприменительной практики, вопрос о смещении ценностных установок права в культуре и обществе не является эмпирическим. Здесь более уместно использование методологии социокультурного анализа, а также рассмотрение данного вопроса сквозь призму эволюции философско-правовых взглядов. Этот взгляд подкрепляется еще и тем, что

общий нарративный характер правовой сферы жизни общества указывает на то, что аксиологические принципы права невозможно рассматривать в системе корреспондентной концепции истины. Ценности права, в конечном счете, не обнаруживаются в объективной реальности, а утверждаются, предписываются и охраняются законом. Отсюда становится ясно, что о вступлении культуры и общества в эпоху постметафизики мы можем знать также не непосредственно из собственного мироощущения или опосредованно-эмпирически, а по присутствующим в самой культуре формам самосознания, на уровне мифологии, религии, искусства, науки и философии.

Философия права здесь имеет решающее значение, поскольку выступает в форме саморефлексии права и высшей формы самосознания правовой реальности. Право в каждом обществе приобретает конкретный и определенный вид, исходя из общей концепции сущности и предназначения права, которое несет определенную ценностную нагрузку. Особенность метафизического аксиологического базиса правопонимания может быть выведена из особенности общего метафизического типа описания реальности. Здесь можно выявить следующие черты (признаки). Во-первых, это концепция онтологической иерархии между явлением и сущностью, а также указание на то, что существенное в явлении может быть редуцировано к первоначалам, основаниям. В этом контексте право как явление предполагает коррелят с сущностью права. Существенное содержание правовой реальности при метафизическом ракурсе выводится за пределы эмпирической реальности и укореняется в сфере вечного и неизменного. Во-вторых, метафизический онтологизм в праве развивается в русле рационалистической парадигмы. Право понимается как форма практической разумности [6, с. 135]. Это, в свою очередь, означает принципиальную возможность полной рационализации правовой реальности. Таким образом, метафизическая аксиология права с одной стороны возводит разумность в ранг высших правовых ценностей, с другой – утверждает принцип могущества разума.

Итак, аксиология права имеет дело с ценностными основаниями права. Следует учитывать, что аксиология права является частной формой аксиологии вообще. Сам термин (аксиология права) употребляется в двух основных значениях, в значении самостоятельной дисциплины, имеющей специфический предмет и метод и в значении необходимого содержания аксиолого-правового исследования. Во втором случае речь идет о ценностном содержании права,

---

как предмете, релевантном философско-правовому исследованию.

До определенного момента аксиолого-правовое исследование присутствовало лишь имплицитно в системе социальной философии как один из ее аспектов и пока не получило статус самостоятельного раздела философии права. Аксиологические основания правовой реальности, напротив, существовали всегда. Поскольку они как потенциальный предмет философско-правового исследования присутствовали в правовой сфере жизни общества еще до этапа самоопределения и дисциплинарной организации философии права и экспликации аксиологического подхода к праву, можно сделать вывод относительно неустрашимости аксиологического аспекта права и о его независимости от кризисных явлений в структуре философского знания. Указанные две «аксиологии права» существуют в неравноценной взаимосвязи. Аксиологическое содержание права детерминирует (на правах предмета) философско-правовую рефлексию. При этом высшие образцы философско-правового исследования входят в круг философско-правовой культуры и образования, раскрывая, конкретизируя, а иногда и активно преобразуя ценностные установки правовой сферы жизни общества.

Адекватное понимание сущности аксиолого-правовых трансформаций, результаты которых мы можем наблюдать в современной правовой культуре, предполагает социокультурное и культурно-историческое измерение исследования данного вопроса. С точки зрения формационного подхода, развитие общественных отношений в аспекте социально-экономического прогресса является базисом для культурных трансформаций [1, с. 33]. Правовая и политическая мысль одна из первых реагирует на подобные перемены. Таким образом, развитие общественных отношений детерминирует аксиологическую парадигму в политико-правовой сфере.

Переход от классической к постклассической философии, от метафизики к постметафизике в системе общественного сознания и перемены в аксиологических ориентирах в правовой сфере жизни общества – явления взаимосвязанные. Эти процессы имеют масштаб социокультурных трансформаций. Нас же интересуют перемены в аксиологии права. Здесь можно выделить два самостоятельных процесса. Первый затрагивает содержание аксиологических трансформаций в системе правовой реальности. Смещение ценностных установок права относится к важнейшим теоретическим проблемам, актуальность которых сложно переоценить. Прояснение ценностного

содержания права, установление характера ценностной переориентации правовой сферы жизни общества и определение возможных направлений в ценностном сознании в правовой сфере – это важнейшие задачи аксиологии права. Но здесь аксиология права рассматривается пока еще в качестве формы философско-правовой рефлексии, задача которой исключительно познавательная и не несет практико-ориентированной нагрузки. Второй процесс связан с изменением общего статуса философии права и аксиологии права в системе правовой реальности. Для его адекватного отражения необходимо прояснение обратного детерминизма между аксиолого-правовым исследованием, с одной стороны, правотворческой и правоприменительной деятельностью – с другой. Речь идет уже о том, как правовая сфера жизни общества зависит от философско-правовой рефлексии. Подобный вопрос раскрывается в следующих вопросах: как аксиология права влияет на ценностные ориентиры права на уровне формы общественного сознания; сводится ли основная функция аксиологии права к дескрипции ценностных установок феномена права, или же речь идет об идеалистических основаниях права и установлении соответствия или несоответствия актуальных ценностных установок права и сферы должного и необходимого в праве?

История этого вопроса условно включает в себя три периода. Первый период – «доклассический», это длительный исторический период, который существовал до самоопределения философии в качестве теоретической дисциплины, задающей аксиологические ориентиры социально-гуманитарной сфере жизни общества. Правовые отношения и правосознание формируются и развиваются под воздействием различных социокультурных факторов, но еще достаточно стихийно и непосредственно, поскольку еще не существует теоретического отражения данного процесса. Исследование архаического периода формирования правосознания и правовых отношений неразрывно связано с исследованием сложного процесса формирования основополагающих социальных институтов, ведущих к возникновению государственности. Зарождающаяся социально-философская рефлексия еще сильно ориентирована на фактическое состояние общества и, следуя традиции, воспринимает социально-политический порядок как данность. Здесь еще нет места для обратного детерминизма со стороны аксиологии права.

Второй период – «классический», характеризующийся развитой теоретической рефлексией социально-политических и правовых

отношений, а также общей установкой на активную преобразовательную роль философии по отношению к социальному бытию. Системообразующей предпосылкой социально-философского познания становится вера в силу разума в качестве способности направлять существование как отдельного человека, так и общества в целом в соответствии с разумными целями и идеалами. Этот этап берет свое начало с антропологического поворота в античной философии. Социальный проект идеального государства Платона в этом смысле является первой апробацией идеи могущества разума не только в аспекте теоретического отражения социокультурных реалий, но и в качестве активной преобразующей силы. Однако проект идеального государства не выдерживает столкновения с реальностью, оставаясь идеальной конструкцией. Завершением классической парадигмы можно считать окончательную дисциплинарную организацию философии. Это означает предметное и методологическое самоопределение социальной философии и дисциплин, которые в нее входят, установление вертикальной связи между социально-философским исследованием и социальным научным познанием. Это означает определение места философии права в системе социально-гуманитарного познания. Аксиология права как раздел философии права в классической парадигме меняет свой статус с чистой теоретической дисциплины, призванной раскрывать ценностные установки правовой реальности и определять их всеобщее и универсальное значение, на науку, определяющую подлинные ценностные ориентиры социального бытия. Таким образом, реализуется программа аксиологического конструктивизма в философско-правовой сфере как неотъемлемый компонент классической парадигмы. Но данный конструктивизм следует понимать не в абсолютном значении, как в теории позитивного права, признающей всемогущество общества в правотворческой деятельности. Здесь речь идет о приведении фактического правопорядка в соответствие с идеальной основой.

Третий период в общей истории аксиологии права, так или иначе, связан с деструкцией классической метафизической парадигмы в культуре современной цивилизации и переходом к постметафизическому сознанию.

Существенным фактором, определяющим принципы постметафизической аксиологии права, является возрастающая роль индивидуалистических ценностей и оттеснение на второй план ценностей универсальных [8, с. 8]. Так, право в системе социальных отношений имеет дело с ценностями двух типов: ценностями

социума и ценностями человека. В зависимости от конкретной исторической ситуации, уровня развития культуры могут преобладать коллективные или индивидуальные ценности, также возможны различные смешанные варианты. Преобладание социальных ценностей над индивидуальными – важнейшая черта метафизической аксиологии права традиционного типа. В постметафизической философии права, наоборот, коллективные ценности постепенно отодвигаются на второй план, освобождая место для ценностей индивидуалистических. Маркерами этого процесса можно считать либеральный вектор развития правовых институтов, защиту частных интересов, формирование и развитие концепции «человекоразмерности» правовых ценностей [8, с. 8].

В философии права XX в. аксиологический подход получает основательную разработку в естественно-правовых учениях. Отдельного внимания заслуживают такие фигуры, как Лон Фуллер и Джон Финнис. Фуллер в своем программном сочинении «Мораль права» развивает аксиолого-правовую концепцию [4, с. 420]. В любой культуре, согласно ученому, можно встретить два типа морали: «мораль долга» и «мораль стремления». Первый тип морали определяет границы дозволенного и, соответственно, устанавливает систему запретов. Второй тип морали определяет основные ценностные ориентиры, формы человеческого благополучия, т. е. идеалы. Мораль долга и мораль стремления институционально оформляются в правовую систему, таким образом, в любой правовой системе, помимо предписаний и ограничений свободы, имеет место аксиологическая составляющая – имманентно присутствующие ценностные ориентиры морали стремления. Фуллер называет это «моралью, которая делает возможным право» [7, с. 47].

Фуллер отмечает, что характерной особенностью правового регулирования социальных взаимоотношений в древнем мире и средневековье было то, что на фоне невысокого уровня развития законодательной базы мораль стремления существенно превосходила мораль долга. То есть большинство правовых вопросов решалось во внесудебном порядке. Для метафизической парадигмы характерен правовой онтологизм и абсолютный ценностный нарратив. Разграничение естественного и позитивного права – это концепция классической метафизики права. Она получает существенную разработку у Фомы Аквинского. Метафизическая аксиология права не отрицала тот факт, что законы создаются людьми исходя из конкретных социальных интересов, но требовала,

чтобы эти законы были правовыми, в силу соответствия естественным правовым ценностям. Отсюда можно предположить опосредованное участие народа в формировании правовой культуры не только через восприятие законов и следование им, но также через их моральную оценку. Естественная проблема, возникающая в подобной ситуации – это накопление социальной напряженности. Причина была в невозможности полного соответствия позитивного и естественного права – представление о положительной моральной оценке всех законов и форм правоприменения по меньшей мере утопично. В ситуации строгой социальной иерархии, характерной для метафизической парадигмы, низшие слои населения обладали всеми возможностями, чтобы каждый раз производить верификацию действующих законов по критерию моральности и справедливости, но не имели необходимой власти, чтобы что-либо изменить в правовой сфере. Данное противоречие в метафизической аксиологии права решается через признание изначального несовершенства земных социальных институтов, вынужденных идти по пути минимизации зла насильственными методами. В этом смысле концепция Августина «О Граде Земном» является не только формой теодицеи, но и метафизическим обоснованием правовых институтов [8, с. 33].

Разграничение метафизической (классической) аксиологии и постметафизической аксио-

логии является довольно условным, если, конечно, говорить об аксиологии в дисциплинарном смысле. Связано это с тем, что дисциплинарное оформление аксиологии приходится на начало XX в., в период расцвета иррационализма в постклассической философии. Что касается классической метафизики (от Аристотеля до Фомы Аквинского, а также в философии Нового времени и немецкой классической философии), то она несет существенную ценностную нагрузку, что позволяет говорить об аксиологическом содержании данной парадигмы. Поэтому метафизический тип аксиологии – это аксиологическая концепция, эслицируемая из метафизической философии и одновременно выступающая формой ценностного сознания общества в определенный период его развития. Отсюда выход на этическую, социально-политическую и правовую проблематику. Таким образом, можно сделать вывод, что в современной философии права различные парадигмы правоприменения сосуществуют между собой в ситуации отсутствия окончательного единства теоретического обоснования права. Отсутствие единства аксиологических установок в праве порождает ряд проблем в правотворчестве и правоприменении. Эту ситуацию следует рассматривать в качестве одной из характеристик становления и оформления современной аксиологии права. Прояснение аксиологических оснований современного права является важнейшей задачей философии права.

Литература

1. Авилкина А.А. Типология государства в юридической науке: от формационной теории к цивилизационному многообразию // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 3–5 (72).
2. Алонцева Д.В. Августин блаженный об истоках теократической государственности в византийской империи // Образование и право. 2019. № 6.
3. Дидикин А.Б. О статье Г. Кельзена «Об основной норме» // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34).
4. Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Schole. 2014. № 2.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб., 2015.
6. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012.
7. Фуллер Л.Л. Мораль права. М., 2007.
8. Честнов И.Л. Философия права в эпоху постметафизики // Известия вузов. Правоведение. 2017. № 1 (330).

Bibliography

1. Avilkina A.A. Typology of the state in legal science: from formational theory to civilizational diversity // Eurasian Union of Scientists. 2020. № 3–5 (72).
2. Alontseva D.V. Augustine blessed about the origins of theocratic statehood in the Byzantine empire // Education and law. 2019. № 6.
3. Didikin A.B. About G. Kelsen's article «On the basic norm» // Vestn. Tom. state un-that. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. № 2 (34).
4. Didikin A.B. Modern theories of natural law and classical tradition // Schole. 2014. № 2.
5. Kelsen G. Pure doctrine of law. SPb., 2015.
6. Finnis J. Natural law and natural rights. M., 2012.
7. Fuller L.L. Moral right. M., 2007.
8. Chestnov I.L. Philosophy of law in the era of post-metaphysics // Izvestiya vuzov. Jurisprudence. 2017. № 1 (330).

Фетисов Тимофей Анатольевич
Fetisov Timofei Anatolyevich

протоиерей, ректор Донской духовой семинарии, кандидат богословия.

Archpriest, Rector of the Don Theological Seminary, PhD in Theology.

E-mail: donseminary@gmail.com

АКСИОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА В ХРИСТИАНСКОМ ПРАВОСОЗНАНИИ*

Axiology of the state in christian legal consciousness

Статья посвящена установлению места и роли государства в христианском правосознании, определению его сущности в дискурсе библейской метафизической телеологии. Критерии и подходы к оценке феномена государства определяются с методологических позиций философско-богословского реализма. Теологическое рассмотрение аксиологии и онтологии, происхождения и назначения государства деконструирует антигосударственные стереотипы, слагающиеся на основе философской методологии номинализма в оценке тех негативных исторических его проявлений, которые следует интерпретировать как греховные искажения богоустановленного принципа власти.

Ключевые слова: государство, общество, политика, монархия, власть, номинализм, реализм, христианское правовое сознание.

The article is devoted to the establishing of the place and role of the state in the Christian legal consciousness, the determining of its essence in the discourse of biblical metaphysical teleology. Criteria and approaches to assessing the phenomenon of the state are defined from the methodological positions of philosophical and theological realism. Theological consideration of axiology and ontology, the origin and purpose of the state, deconstructs anti-state stereotypes that are formed on the basis of the philosophical methodology of nominalism in assessing those negative historical manifestations, which should be interpreted as sinful distortions of the divinely established principle of power.

Keywords: state, society, politics, monarchy, power, nominalism, realism, Christian legal consciousness.

Учитывая особую роль государства в обществе, вопрос о его сущности невозможно игнорировать в христианском социальном богословии, которое по своему предназначению призвано осмысливать все явления этого мира и давать им соответствующую оценку. Отказ от осмысления данной темы на основании различия природы государства и Церкви нельзя назвать разумным, поскольку общество, те самые «народы» (Мф. 28:19), к которым обращено слово Евангелия, где происходит взаимодействие людей, рождающее политические и правовые отношения, не есть стерильная светская среда, свободная от вопросов религии. Хуан Доносо Кортес отмечает, цитируя Прудона: «Удивительно, как во всех наших политических вопросах мы всегда сталкиваемся с богословием» [10, с. 91]. С этой точки зрения, все происходящее с человеком в обществе имеет также положительное или

отрицательное отношение к домостроительству спасения.

Еще одним отрицательным последствием доктринальной неопределенности по отношению к вопросу о государстве являются случающиеся факты недостаточной готовности церковных институций к стремительно изменяющимся историческим и политическим обстоятельствам в условиях цивилизационных разломов. Можно было бы привести немало трагических примеров того, как на почве тектонических сдвигов общественного и политического сознания нарушалось и экклесиологическое единство. Спровоцированные порой диаметрально противоположными взглядами на существо и происхождение государства и власти, возникали церковные расколы. Однако без четкого осмысления того, что есть государство в своем существе, нахождение идеала его отношений с Церковью едва ли представляется

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

возможным. В его отсутствие любая дискуссия относительно места и роли государства по отношению к Церкви страдает размытостью и неимением единого терминологического понимания. Как следствие, авторы, обращающиеся к данной теме, вынуждены основывать свои доводы и представления о государстве и власти не на достижениях византийского богословия, а на западноевропейских правовых теориях, обязанных своему происхождению секулярному мировоззрению. Но любой рационалистический подход к государству изначально отвергает традиционную христианскую доктрину его богоустановленности, исходя из антирелигиозной по существу аксиомы о человеческой воле как единственно возможной причине возникновения всех без исключения исторических феноменов и событий.

Дискуссионный потенциал обсуждаемой темы основан главным образом на отсутствии терминологического единства в понимании государства, происходящего от применения разнообразных методологий, каждая из которых ориентирована на познание этого феномена преимущественно в историческом контексте. А.И. Овчинников резонно отмечает: «Если мы возьмем за основу методологию Нового времени, то увидим, что методы познания государственных явлений соотнесены скорее с общественно-политической борьбой, чем с природой государства» [16, с. 34]. Однако, по его же мнению, государство – это «многогранное явление, познание которого возможно лишь в рамках совокупного знания, получаемого с использованием различных методов. Поэтому каждый метод, точнее подход к государству: социологический, социокультурный, исторический или юридический, – высвечивает лишь одну из многих смыслообразующих граней государства или права, в то время как сущность этих явлений всегда остается до конца не познаваемой – “вещью в себе”» [15, с. 59]. При этом ноуменальные аспекты, имеющие отношение к онтологии предмета, не замечаются или отбрасываются как не имеющие прикладного значения.

Таким образом, вследствие злоупотребления методом исторического позитивизма игнорируется важнейший метафизический аспект государства, который заключается в обладании им властью, доверенной ему Богом для осуществления Своего Промысла. Не удивительно, что в

рамках исследования отношений Церкви и государства мы зачастую наблюдаем казусы раздвоения научного сознания, выражающегося в одновременном применении двух взаимоисключающих методологий: номиналистической (для государства) и реалистической (для Церкви). Так, обычно государство оценивается по внешним критериям, а Церковь определяется по сущности. Однако если Церковь учреждена Богом для борьбы с внутренним грехом ветхого человека, то государство премудро установлено Им же для противодействия греху внешнему. Весьма убедительно органическую связь Церкви и государства в Божием замысле выделяет протоиерей Максим Козлов: «Священное Писание и учение святых отцов свидетельствуют, что Церковь основана Самим Богом, но оно говорит также, что и государство имеет свое начало в предначертаниях Промысла Божия о мире. Как то, так и другое являются божественными установлениями, и целью их является временное и вечное благо человека...» [9].

Вторым, насколько существенным, настолько же и разрушительным для идеи государства процессом в философско-правовой науке стал переход к герменевтической модели номинализма – методологии познания, с XI в. традиционно противостоящей философско-богословскому реализму. Последний, как известно, призывает искать действительность в идее, в противоположность номинализму, ищущему идею в действительности. Е.В. Спекторский придает разнице этих двух методологий столь важное значение, что утверждает: «в государствоведении приходится на каждом шагу делать выбор между номинализмом и реализмом» [19, с. 16] по вопросу о том, что такое государство. Естественно предположить, что для номинализма, где идея является только производным результатом явления, государство предстает в виде соотношения разнородных действующих сил: группы действующих правителей, осуществляющих властные и регулирующие функции, и суммы отдельных индивидуумов, составляющих население. В рамках же методологии реализма, в котором первична именно идея, государство имеет некую самостоятельную внутреннюю сущность, которая является его порождающим началом и определяет феноменальные черты.

Два вышеописанных способа познания государства имели место в политических

представлениях задолго до известных схоластических споров об универсалиях XI в. Например, если в античной Греции имело место платоновское представление о государстве как о метафизическом теле, то в римском мире оно именовалось *civitas*, то есть совокупностью отдельных граждан (*cives*). Примечательно, что по мере укоренения христианства в римском политическом сознании стала преобладать тенденция воспринимать государство в качестве «особой длительной, если не пребывающей во веки веков, как церковь, социальной ипостаси» [19, с. 29].

По словам Н.Н. Алексева, «метод науки должен зависеть от ее предмета» и «всякая методология, стремящаяся опередить предмет, тем самым стоит под угрозой беспредметности» [2, с. 3]. Аналогичная проблема выбора правильной методологии остается актуальной в немаловажном вопросе о правовых ценностях. Богослов видит в них некие объективно существующие реальности, «universal metaphysicum», а всю этику – в соответствии или несоответствии им. Секулярный же философ права номиналистического типа, напротив, будет считать ценности этики результатом эмпирически закрепившихся психических шаблонов поведения, свойственных текущей эпохе. Характер такой этики не деонтологический, а описательный, фактически индифферентный к добру и злу. При таком понимании ценности этики абстрактны и изменчивы, так как не имеют самостоятельной сущности, будучи производными общественных отношений «universal logicum». Критерий оценки того, что исполняет роль «добра» или «зла», здесь состоит в том, соответствует ли то или иное явление социальному запросу конкретной эпохи. В том же смысле для номиналиста ценность государства будет определяться единственно тем, насколько оно выражает потребности конкретного общества, которые в свою очередь могут быть никак не связаны с абсолютными моральными ценностями. В номинализме понятие цели носит исключительно прикладной характер, обусловленный постоянно меняющейся действительностью. Данное обстоятельство ведет к невозможности выявления государственного идеала – понятия, которое само по себе подразумевает некую неизменность. Подобный подход тем более неуместен, когда речь идет о богословии. По сути, отрицание абсолютности новозаветного учения

и даже его опoшление звучит, например, в комментарии Н.Н. Бердяева на высказывание апостола Павла о богоучрежденности власти: «Слова ап. Павла никакого религиозного значения не имеют, их характер чисто исторический и относительный, вызванный положением христиан в Римской империи» [4, с. 593].

Несмотря на очевидную непригодность рационально-исторического подхода в исследовании вопросов онтологии, среди некоторых представителей исторической науки, даже обращаясь к религиозным критериям, нередко можно встретить авторов, предпочитающих оценивать аксиологический статус государства исключительно в номиналистическом ключе. К сожалению, именно на их заключениях базируются выводы немалого числа представителей правовой науки, где в результате можно встретить такого рода выводы: «Враждебные государству идеи нашли свое последующее выражение и развитие в позднейшей еврейской и христианской, так называемой апокалипсической литературе» [2, с. 30–31]. Автор приведенной цитаты считает книгу пророка Даниила, изображающую различные государства в виде грозных зверей, матрицей последующих, по его собственному выражению, «государствоборческих» апокалипсисов, включая Откровение святого ап. Иоанна Богослова. Ошибочность данного расхожего утверждения состоит в глубоком непонимании богословской сути ветхозаветного пророческого эсхатологизма, который основывается на жажде и чаянии освобождения от языческой (и потому – демонической) государственной власти и возрождения национального Царства во главе с Мессией, сыном Яхве.

Библистика разрушает указанные стереотипы секулярных правоведов, определяя quintessenciu пророческих писаний как возвещение о надежде на «царя из рода Давида, которого поставит Бог и который воплотит теократическое царствование самого Господа» [17, с. 289], владычеству которого не будет конца (Дан. 7:14). В данном контексте «поражение государства как страшного зверя есть не что иное, как последний акт этой борьбы – Божества с демонами» [3, с. 31–33], но только для того, чтобы дать место Божьему государству. Очевиден и тот факт, что ветхозаветная мысль признала легитимность не только государства, основанного на Завете, но и любой

другой государственной формы, возникшей по воле Божией. Так, пророк Даниил служит чиновником при царском дворе в имперском государстве царя Навуходоносора и даже молится о языческом Вавилоне. Нет оснований считать это проявлением религиозного сервилитета: «Молитва ставит все, включая человеческие власти, на свое место. Молитва ищет блага для государства, в то же самое время, отказываясь его абсолютизировать, поскольку сам акт молитвы обращен к более высокому авторитету, чем государство (именно поэтому молитва является также политическим актом). Молиться о Вавилоне – значит поставить его на положенное ему место. Даниил, будучи человеком молитвы, напоминал Навуходоносору, вавилонской “золотой голове”, что “есть на небесах Бог” и “власть небесная” (Дан. 2:28; 4:26)» [17, с. 249]. Заслуживает особой оценки и то весьма примечательное для библейской философии права, но редко упоминаемое обстоятельство, что именно государственная власть персидского царя Артаксеркса Лонгимана санкционирует Закон Моисеев. Оказав финансовую поддержку, перс поручает священнику Ездру принудить иудеев к выполнению Закона, а затем ставит его во главе народа: «Ты же, Ездра, по премудрости Бога твоего, которая в руке твоей, поставь правителей и судей, чтоб они судили весь народ за рекою, – всех знающих законы Бога твоего, а кто не знает, тех учите. Кто же не будет исполнять закон Бога твоего и закон царя, над тем немедленно пусть производят суд, на смерть ли, или на изгнание, или на денежную пеню, или на заключение в темницу» (Езд. 7:25, 26). Итак, мы видим, как государство, пусть и языческое, выполняет свою Богом установленную функцию – удерживать человека от зла. Материально бедное, духовно искалеченное пленом, но главное – забывшее веру отцов, Закон Моисеев, ставшее полуязыческим, еврейское население Иерусалима и его окрестностей особо в этом нуждалось. После тщательного расследования Ездрой было обнаружено, что даже многие священники и левиты взяли себе в жены язычниц. Придя в ужас от увиденного в Иерусалиме, «плача и повергаясь пред домом Божиим» (Езд. 10:1), властью языческого персидского царя он предпринял даже по ветхозаветным понятиям жестокие меры: был издан указ, согласно которому не отпустившие чужеземных

жен в три дня лишались имущества и гражданства [21, с. 166].

Наконец, заслуживает внимания и то, что, вопреки продолжающимся в первые три столетия гонениям Церкви, мы не только не находим в церковной письменности ярко выраженного устойчивого негативизма относительно государства и власти (за исключением нескольких ситуативных высказываний), но встречаем в целом довольно уважительный тон в отношении и к нему, и к действующему праву, в котором, между прочим, содержались и законы, направленные против христиан. Только подобное мировоззрение способно объяснить энтузиазм, с которым христианский Восток, по образному выражению церковного историка, «погрузил в купель крещения всю государственность» [8, с. 49] тотчас, когда представилась таковая возможность. В немалой степени положительное отношение ранней Церкви к государству подкреплялось очевидными преимуществами сильной власти. По мнению Й. Ратцингера, «перед лицом грозящего хаоса, который несло с собой переселение народов, отцы церкви были весьма заинтересованы в сохранении империи, ее правовых гарантий, ее мирного порядка» [18, с. 12].

Бесспорно, содержание понятия государства может быть обусловлено исторически. Но в своей сущности оно не может не иметь метаисторическое значение, будучи данным Богом человеку институтом, организующим общественную жизнь, реализующим богоустановленный в предвечном замысле принцип власти. А значит, оно должно рассматриваться и оцениваться в *онтологическом* контексте его идеи, происхождения и назначения, что исключает определение сущности государства на основе оценки тех негативных исторических его проявлений, которые следует интерпретировать как отступления от Богом установленного властного порядка, искажения подлинного его образа, когда «оно не реализует в самом себе саму идею государства» [11, с. 121].

И.А. Ильин убежден в том, что «было бы неосновательно, отпрываясь от этих искажений государства и политики, наставлять на неприемлемости государства для христианского сознания. А между тем ныне стали появляться такие софисты, которые решаются утверждать, что государство есть изобретение и орудие «дьявола». Понимать государство

как формальную систему насилия, как организацию безнравственного притеснения слабых сильными и т. п. значит или обнаруживать полное отсутствие здорового правосознания, или же сознательно вводить в заблуждение темных людей» [7, с. 244–245]. Аналогичным образом некорректно было бы выводить истинную сущность Церкви из тех исторических искажений христианства, грехов и отступлений представителей церковной иерархии, которые имели место в земной ее истории. Подобная методология очевидным образом ведет к тенденциозности и создает неприемлемый для религиозного монотеистического сознания тезис о возможности эволюции постулатов самого социального богословия Церкви в динамике исторической реальности: если действующая властная администрация благоприятствует, то государство есть богоустановленный институт, если не благоволит, то оно – порождение греха. В результате антигосударственные тезисы можно встретить даже в трудах, принадлежащих богословам и христианским философам. Обнаруживая в Священном Писании три варианта оценки римской власти, от отчуждения (у Христа в Ин. 18:36) до признания ее Божественного происхождения (у ап. Павла в Рим. 13:1–7) и проклятия (у святого ап. Иоанна Богослова в Откр. 18), протоиерей Иоанн Мейендорф делает следующий вывод: «Эти тексты с неизбежностью показывают, что христианское отношение к государству, как и вообще к сотворенному и падшему миру, может определяться только динамически или диалектически – в зависимости от обстоятельств» [13, с. 33]. Сталкиваясь с подобной интерпретацией, мы видим, что автор здесь не воспринимает Священное Писание как целостное Откровение, впадая в соблазн исторического релятивизма. Но богословский метод позволяет увидеть очевидную связь и смысловое единство двух (лишь на первый взгляд противоречащих друг другу) указанных текстов Послания к Римлянам и книги Откровения. В этих двух новозаветных отрывках различается не отношение к государству как институту, а отношение к двум противоположным способам его реализации. Государство апостола Павла – это «порядок, создающий возможность для существования отдельного человека и для сосуществования людей. Такому государству надлежит подчиняться...

Откровение, напротив, рисует образ государства, провозглашающего себя Богом и произвольно устанавливающего, что следует считать справедливым и истинным. Подобное государство разрушает человека. Оно отрицает собственное существо, а потому не может более претендовать на повиновение» [18, с. 58]. Итак, здесь оценивается не сущность явления, которая остается неизменной, а способы его выражения. Безусловно, грехопадение искажает это идеальное предназначение государства как *предустановленного способа самоорганизации общества, призванного к реализации Божественного замысла о творческом сотрудничестве Бога и человека в мире*. Отныне его прямая цель – совместная жизнь людей в Боге – перестает быть непосредственной, но достигается посредством задачи, которая становится условием не жизни, а выживания человечества, – ограждение от зла, интеграция общества путем регуляции хаоса социальных отношений, в существо которых вместе с грехом вошли эгоизм и разделение. Это означает, что греховным стало не некое отдельное от общества государство, а само общество, вместе с естественно присущими ему властными структурами, независимо от того, облечены они священными полномочиями или нет. Таким образом, обоснованно допустить, что и тот и другой образы государства были одинаково предопределены Богом, с той разницей, что идеальный является предназначением Божиим, а эмпирический – попущением.

Если низведение государства до роли «ночного стража» богословием западной традиции вполне предсказуемо, то весьма неожиданно, что и славянофилы «не рассматривают государство как благо и некую ценность. Согласно их учению, государство – неизбежное зло... оно было создано, а то и привнесено на Русь варягами» [6, с. 77]. Н.А. Бердяев вспоминает: «Из славянофилов наиболее анархистом был К. С. Аксаков. “Государство как принцип – зло; государство по своей идее – ложь”, – писал он» [5, с. 166]. Протоиерей И. Мейендорф, по сути, выступает против такого рода избирательной диалектики, указывая в упомянутом труде, что, несмотря на гонения, «уже в III веке христианские апологеты видели в преследовании христианства римским государством трагическое недоразумение, *борьбу Империи со своими собственными*

божественными законами» [13, с. 33]. Таким образом, богослов все же отделяет вопрос сущности государства, которая зиждется на его богоустановленности, от феноменологических девиаций, вызванных общей греховной поврежденностью человеческой природы, объясняющей различные негативные проявления не только в государственной, но и в общественной и церковной жизни.

Характерно, что, подвергая обструкции институт государства, его критики традиционно прибегают к аргументации противопоставления «сакрального и профанного», восходящей к творчеству западного отца Церкви – Блаженного Августина с его знаменитой оппозицией «Град земной – град Божий». Действительно, широко известно, что святой Августин считал все нехристианские государства разросшимися «разбойничьими шайками», возникшими в истории в результате насилия [1, с. 150]. Это отнюдь не означало непризнания им необходимости самого института властного осуществления справедливости по Божьим законам. Уникальность отношения западного отца к государству выражается только в том, что «Августин считал правильной мысль, что лучшее государство – это христианская церковь» [12, с. 335]. Весьма показательно, что данная позиция в дальнейшем позволила Западной Церкви не только теоретически обосновывать и развивать свои притязания на обладание светской властью, но и во многих отношениях заместить собою римскую государственность, историческим атавизмом которой сегодня является государство Ватикан. Таким образом, несмотря на то, что во взглядах западного отца, так выразительно заявившего об относительной ценности государства, прослеживается печать борьбы Западной Церкви за государственное признание в Римской империи. Ему нельзя приписать отрицание высокого аксиологического достоинства этого установления, вытекающее из уникальной бытийной роли, служить органом Божественного мироправления и миропхранения.

Автор фундаментального исследования «Религиозно-общественный идеал западного христианства» С.Н. Трубецкой приходит к заключению, что «в служении церкви государство находит истинное свое назначение. С этой именно точки зрения Августин возражает против языческого воззрения, которое видит в

христианстве антигосударственное учение» [20, с. 209]. Цель блаженного Августина не обесценить государство, а наполнить эту форму новым содержанием. Католический богослов Юзеф Майка на страницах своего труда «Социальное учение католической церкви» утверждает, что вопрос о государстве стоит в центре социальных взглядов Августина, однако он стремится создать новую, синтетическую концепцию на основе римской государственности, христианской социальной философии и историософии [11, с. 104]. Нужда в создании такого идеального народного союза, обладавшего всеми атрибутами государства, в том числе правом на насилие, питалась еще и тем, что, по его мнению, нынешний период является осуществлением пророчества о тысячелетнем Царстве Христа [21, с. 194].

Обобщая вышесказанное, едва ли можно согласиться и с мнением Н.Н. Алексева, фактически доходящего до утверждения о существовании в христианском мировоззрении двух противоборствующих элементов – ветхозаветного и новозаветного, ведущих, по его мнению, к двойственности в отношении к власти, при которой ветхозаветный элемент провоцирует враждебность к государству и власти вообще, а новозаветный – проповедует лояльность [3, с. 386]. Скорее, более взвешен вывод А. Мусина, который считает, что, в сравнении с западной, «восточная мысль сумела сохранить более гармоничный взгляд на государство, где сочетается как его служебный характер, осуществляющий правый суд, так и характер *мистический*, который вопреки историческим условиям делает государство силой, таинственным образом удерживающей мировое зло» [14, с. 107]. При этом, как замечает И. Майка, «раннехристианские отцы Церкви не создали какой-то принципиально новой системы социальных воззрений. В целом их взгляды представляют собой синтез социальных идей дохристианских философов и нравственных норм христианства» [11, с. 120].

Итак, христианское правовое сознание первых веков не отторгнуло государство, поскольку оценивало гонения с его стороны как преступное недоразумение, злоупотребление язычниками богоустановленным принципом власти, выразившееся в божественном поклонении императорам.

Литература

1. Августин Блаженный. О граде Божием. Кн. I–XII. СПб.; Киев, 1998.
2. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. М., 1918.
3. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003.
4. Бердяев Н. Дух и реальность. М., 2011.
5. Бердяев Н. Русская идея. М., 2007.
6. Васильев А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2010.
7. Ильин И. Собрание сочинений в 10 т. М., 1993–2000. Т. 1.
8. Карташев А. Церковь. История. Россия. М., 1996.
9. URL: <http://www.orthedu.ru/news/print:page,1,5626-cerkov-i-gosudarstvo-istoricheskaya-retrospektiva-i-sovremennaya-situaciya.html>.
10. Кортес Х.Д. Сочинения. СПб., 2006.
11. Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Люблин, 1994.
12. Мальцев Г. Культурные традиции права. М., 2013.
13. Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003.
14. Мусин А. Церковь. Общество. Власть. Опыт патрологического исследования. Петрозаводск, 1997.
15. Овчинников А., Овчинникова С. Евразийское правовое мышление Н.Н. Алексеева. Ростов н/Д, 2002.
16. Правокультурные основы исследования государственной власти: теоретико-методологические, историко-правовые и ценностно-нормативные аспекты. М., 2014.
17. Райт К. Око за око. Этика Ветхого Завета. Черкассы, 2011.
18. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. М., 2007.
19. Спекторский Е. Номинализм и реализм в общественных науках // Юридический вестник. Кн. IX (I). М., 1915.
20. Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства. СПб., 2004.
21. Шевцов И., протодиак. Писания малых пророков. М., 2011.

Bibliography

1. Augustine the Blessed. About the city of God. Book. I–XII. Saint Petersburg.; Kiev, 1998.
2. Alekseev N.N. Essays on the general theory of the state. Moscow, 1918.
3. Alekseev N.N. Russian people and state. Moscow, 2003.
4. Berdyaev N. Spirit and reality. Moscow, 2011.
5. Berdyaev N. Russian idea. Moscow, 2007.
6. Vasiliev A. State-right ideal of the Slavophiles. Moscow, 2010.
7. Ilyin I. Collected works in 10 volumes. T. I. Moscow, 1993–2000.
8. Kartashev A. Church. History. Russia. Moscow, 1996.
9. URL: <http://www.orthedu.ru/news/print:page,1,5626-cerkov-i-gosudarstvo-istoricheskaya-retrospektiva-i-sovremennaya-situaciya.html>.
10. Cortez H.D. Compositions. Saint Petersburg, 2006.
11. Mike Y. Social teaching of the Catholic Church. Lublin, 1994.
12. Maltsev G. Cultural traditions of law. Moscow, 2013.
13. Meyendorf I. History of the Church and Eastern Christian mysticism / comp. and total. ed. I.V. Mamaladze. Moscow, 2003.
14. Musin A. Church. Society. Power. The experience of pathological research. Petrozavodsk, 1997.
15. Ovchinnikov A., Ovchinnikova S. Eurasian legal thinking N.N. Alekseeva. Rostov-on-Don, 2002.
16. Legal and cultural foundations of the study of state power: theoretical-methodological, historical-legal and value-normative aspects. Moscow, 2014.
17. Wright K. An Eye for an Eye. Ethics of the Old Testament. Cherkasy, 2011.
18. Ratzinger J. (Benedict XVI). Values in an era of change. On Compliance with the Challenges of Time. Moscow, 2007.
19. Spektorskiy E. Nominalism and realism in social sciences // Legal Bulletin. Book. IX (I). Moscow, 1915.
20. Trubetskoy E.N. Religious and social ideal of Western Christianity. Saint Petersburg, 2004.
21. Shevtsov I., protodiac. The Scriptures of the Lesser Prophets. Moscow, 2011.

Келеберда Нина Григорьевна
Keleberda Nina Grigorievna

доцент кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России
кандидат философских наук, доцент.

Associated Professor of the Department of Foreign Languages of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associated Professor.
E-mail: kng07@mail.ru

К ВОПРОСУ О «ВИЗАНТИЗМЕ» КАК МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ

To the issue of «byzantism» as a model of state church relationships

В статье рассматриваются некоторые пути теоретического моделирования государственно-религиозных отношений в условиях социокультурной трансформации публичного пространства. Автор показывает изменение смыслового содержания концепта «византизм» как принципа, реализуемого в секулярном контексте общественных отношений, поэтому идеальная модель византизма, воспринимаемая, скорее, как богословская норма, не может быть реализована в настоящее время.

Ключевые слова: государство, церковь, государственно-религиозные отношения, византизм, секуляризм.

In the article some ways of theoretical modeling of state-religious relationships in modern situation of sociocultural transformation of public area are reviewed. The author comes to the conclusion that changing the sense content of concept «Byzantism» as an implemented in secular context of public relations principle, thus the ideal model of byzantism apprehended as theological standard cannot be currently actualized.

Keywords: state, church, state-church relationships, byzantism, secularism.

Отношения между религией и государством стало важной темой междисциплинарных исследований за последние тридцать лет в России и в рамках европейского контекста. На сегодняшний момент существует большое количество теоретических моделей указанных отношений, которые могут восприниматься под углом зрения как различных дисциплин, например, права, истории, социологии, политологии, религиоведения и т. д., так и личной мировоззренческой позиции самого исследователя.

Личные мировоззренческие установки исследователей данной проблематики провоцируют нескончаемые дебаты между учеными и теологами, среди которых также нет единого мнения по вопросу того, какая модель государственно-религиозных отношений может считаться наиболее соответствующей православию. Русские религиозные мыслители, наиболее яркой среди которых К. Леонтьев, а также современные исследователи «принципа византизма», в частности, Д.С. Кунильская [6], Н.В. Козловская, Е.В. Сергеева [4] и другие,

полагают, что современный либеральный принцип разделения государства и религии противоречит принципу *византизма*, предполагающему гармонию и единство целей обоих институтов общества.

Противники же этой концепции напротив считают, что византизм, представляя собой культ государственности, характеризующийся господством государства над церковью, тормозит развитие российского государства и ограничивает способность российского общества развивать демократию. Например, Николай Бердяев считал, что в России произошла подмена христианства византизмом. Он пишет: «Дух Византии – дух государственного абсолютизма. В Византии произошло какое-то роковое омертвление христианства, динамика остановилась, дух жизни угас, и остались лишь иконы, лишь темные лики, лишь статика» [1]. Бердяевская позиция часто сочетается с обвинениями в адрес православных в попытке доминирования православной церкви в общественном пространстве.

Однако в России в двадцатом столетии «дух государственного абсолютизма» принял

конфигурацию *противостояния* религии, свойственную крайне левому либерализму. Такая модель была реализована в Советском Союзе, Конституцией [5] которого был закреплён научный атеизм в качестве государственной идеологии, полностью исключавшей иное мировоззрение. Религиозная политика советского государства колебалась от попыток «окончательного решения религиозного вопроса» до включения Церкви в систему государственной идеологии путем создания и тотального контроля специфической церкви «живоцерковников» в русле леволиберальной идеологии.

Принципиальное изменение характера государственно-религиозных отношений произошло в 1990 г., когда был принят Закон «О свободе совести и религиозных организациях» [10], согласно которому регистрация религиозной организации государственными органами приняла уведомительный, а не обязательный характер. Но поддерживая традиционные религии и признавая в преамбуле Закона «О свободе совести» особую роль православия, государство, возможно, тем самым провозглашает религиозное превосходство, а, следовательно, нарушает принцип светскости, что вызывает опасения А. Пчелинцева и других [8]. На наш взгляд, мнение о предпочтении православия другим религиям основано, по-видимому, на опасении возрождения государственной религии и является реакцией на действия государства по регламентации вероисповедной сферы, что воспринимается либеральными критиками как нарушение демократических принципов общества. Между тем, клерикализация в оценках государственно-религиозных отношений присутствует преимущественно именно в либеральных кругах и является скорее реакцией на актуализацию «русской симфонии» в современной научной и философской мысли.

Отправной точкой отмеченных дебатов является вопрос о степени разделения церкви и государства в общественном пространстве. На центральное значение концепта «публичное пространство» для определения характера государственно-религиозных отношений в свое время обратил внимание Ю. Хабермас [11]. Именно в публичном пространстве проходят линии демаркации между государством и церковью (в широком смысле) как разграничение публичных и частных отношений и

противопоставление светской и религиозной областей жизни. Д. Аугенштейн [13] полагает, что эволюция светской общественной сферы и сопутствующее увеличение разнообразных религиозных практик способствовали завершению религиозных войн в Европе. Это отчасти объясняет те опасения либеральной части общества, которые связываются с возможностью возвращения религии в публичную сферу: считается, что усиление влияния религии ставит под угрозу права и свободы, гарантируемые светским государством. Светское понимание публичного пространства оправдывается либеральным нейтралитетом, при котором граждане, лишённые религиозных различий, могут взаимодействовать друг с другом, что обеспечивает религиозный мир как всеобщее достояние.

Приоритет светского начала над религиозным юридически закреплён во многих странах и означает минимизацию запретов со стороны государственной власти при решении вопросов свободы совести, обеспечении прав личности. Государство при этом не отождествляется ни с одной из существующих на его территории религий: оба института общества взаимно уважают суверенитет принадлежащих им сфер ответственности.

Можно предположить, что упоминание термина «традиционные религии» и признание особой роли православной церкви в истории России в преамбуле Закона – это лишь дань уважения и признания особой заслуги православных граждан России в деле государственного строительства. В тексте Закона нет определения термина «традиционная религия», хотя такая дефиниция могла бы ограничить деятельность псевдорелигиозных экстремистских организаций.

Между тем, начавшаяся социокультурная трансформация публичного пространства требует более определенного представления о будущем характере государственно-религиозных отношений в стране, где исторически традиционно основное место занимает православная церковь, поскольку новая реальность с иными по отношению к традиции ценностными установками меняет образ жизни и генерирует иные принципы управления обществом.

Современный вектор социокультурных изменений характеризуется сверхскоростной трансформацией традиционных организационных

отношений в публичном пространстве, где системообразующим началом становятся публичные коммуникации в виде сетевого электронного взаимодействия. Следовательно, сложившиеся прежде модели взаимоотношений между государством и церковью безнадежно устарели и требуют поиска моделей, адекватных новым реалиям. В этой связи снова становится актуальным вопрос о моделях государственно-религиозных отношений, а также то, с какой моделью будет коррелировать Федеральный Закон «О свободе совести и религиозных объединениях».

С точки зрения православных специалистов наилучшей моделью церковно-государственных отношений остается «византийская» модель, понимаемая не как «цезарепапизм», раскритикованный Н. Бердяевым, а как «симфония», сущность которой сформулирована Юстинианом в Шестой Новелле [3].

«Византизм» – не просто отношения между государством и церковью как общественными институтами в современном смысле, но скорее единство между *sacerdotum* и *imperium*, существование которых не подлежит правовому регулированию. Фактически симфония является принципом не политическим, а духовным устройением Царства Бога на земле. Поэтому она не подходит для определения церкви как института общества, действующего в границах государства, но определяется как сообщество верующих (как тела Христа). Поэтому содержание понятия «православная церковь» не тождественно только Московскому Патриархату или иной поместной православной церкви. Византийская симфония – это принцип взаимного проникновения гражданского и священного, при котором светская власть в лице императора получила право или даже привилегию созывать соборы и утверждать их процедуру для решения догматических вопросов [3].

В византийской модели государство обладает особой властью над церковью, поскольку византийский император, по мысли Евсевия [2], является «внешним епископом», ответственным за организацию Царства Божиего на земле. Тем самым император получил особые права на церковное управление и передал их своим преемникам на константинопольском престоле. Именно император получил особую привилегию созывать Вселенские соборы.

В свою очередь в церкви устанавливается особый чин помазания государя с утверждением его особого священнического достоинства: оставаясь мирянином, он получает конкретные «богослужебные права». Фактически византийские императоры, участвуя в богословских дебатах, редко имели действительное влияние на принятие тех или иных догматов. В отличие от римо-католической модели государственно-церковных отношений, при которой власть Понтифика установлена как над церковью, так и над государством, византийская симфония, дифференцируя роли церкви и государства, обеспечивает более серьезное влияние христианского мира на дела государственные, чем есть у Папы Римского. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что и в Византии принцип симфонии неоднократно оспаривался, например, императорами-иконоборцами, пытавшимися установить полный контроль над церковью. Противоположностью является деятельность патриарха Фотия, который, воспринимая новокрещенные государства, например Русь, Болгарию как части Царства Божиего на земле, на этом основании пытался установить свою власть над ними. Иначе говоря, новокрещенные страны могли только подражать Константинополю, обладавшему симфонией как уникальной привилегией. Русь смогла заменить Византию как единственную христианскую империю на земле, когда последняя перестала быть жизнеспособной, что реализовалось в идее «Москва – третий Рим».

Однако в России сложился специфический принцип византизма, который не следует рассматривать как подражание Константинополю. Можно сказать, что византизм как особая модель отношений двух властей, выраженная в способности функционировать в духе христианской империи, в российской истории никогда в полной мере воплощена не была, поскольку русское православие не допускало решение доктринальных вопросов в светские руки. Русские государи, хотя и оказывали давление на административные и экономические сферы церковной жизни, все же не стали главами русской церкви, как это произошло в протестантском мире, поэтому и модель цезарепапизма у нас не стала определяющей. Следовательно, применение термина «цезарепапизм» в определении характера отношений русской

православной церкви и государства в некоторые периоды их истории, например, в эпоху синодального периода, когда было упразднено патриаршество, не корректно, поскольку термин «цезарепапизм» имеет свое собственное философско-политическое содержание, восходящее к конкретным богословским доктринам Реформации. Модель цезарепапизма предполагает, что глава государства также является и главой церкви.

В нашей стране в результате некоторых исторических обстоятельств была попытка обоснования идеи государственной церкви Феофаном Прокоповичем, однако ни канонически, ни догматически эта идея не была развита. Более того, в церковной среде эта попытка расценивалась как отступление от православного богословия и канонического права. В частности, на Поместном Соборе 1917 г. было предложено изменить формулировку статьи 42 «Основных законов Российской империи» с «Император есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры» на такую формулировку: «Император как Православный Государь является верховным покровителем Православной Церкви и охранителем ее благочиния» [7]. Данная формулировка умалила власть государя над Церковью, т. е. российский император в отличие от византийского не мог созывать и руководить Соборами, не мог назначать членов Священного Синода, хотя имел право потребовать отчет о внутренних делах Церкви. В целом характер отношений Церкви и государства определялся принадлежностью государя к Церкви.

Очевидно, что сложившаяся в Византии модель церковно-государственных отношений с ее богословско-политическими импликациями не была полностью перенята ни в России, ни в других славянских странах, а значит, византийский принцип симфонии также не может использоваться в моделировании взаимодействия власти и церкви.

В истории Русской церкви есть периоды, когда церковные иерархи выступали в качестве светских правителей, например, митрополит Московский Филарет (Романов-Юрьев) стал ближайшим советником и фактически соправителем царя Михаила Романова и носил титул «Великого Государя Святейшего Патриарха» [9].

В настоящее время понимание симфонии как принципа простого разграничения сфер компетенций Церкви и власти при взаимном невмешательстве, или иначе, обозначения сфер их сотрудничества, несостоятельно, поскольку связь между ними осуществляется в секулярном контексте, придающем секулярное значение этим институтам общества.

Современное государство – это не просто светское государство, но именно секулярное, т. е. противопоставленное религиозному, не имеющее ничего общего с понятием Царства Божиего, как это понимали в Византии. Современный глава даже православной страны, например Греции, не обладает священным достоинством и не может претендовать на него. Поэтому научные исследования принципа симфонии властей чаще всего ограничиваются межинституциональными связями. В этом смысле происходит замещение идеи «симфонии властей» идеей «гармонии властей» в значении «понимания и сотрудничества» между различными институтами общества, к которым одновременно принадлежат верующие граждане страны.

Признание в Законе «О свободе совести» первенствующей роли русской православной церкви в качестве традиционной религии касается только специфики церковно-государственного разделения и не означает особых привилегий для нее со стороны государства. Специфика обусловлена необходимостью конституционной гарантии государственного невмешательства в религиозную жизнь в условиях монополии общественного секуляризма.

Спорным является ограничение православной церкви национальными границами. С богословской точки зрения православие имеет гораздо более длинный исторический путь, чем отдельная нация, и оно открыто для всех людей любой национальности, поэтому не может быть связано только с одной нацией или этнической группой, но с определенными границами своей территориальной юрисдикции. По этой причине православные церкви называются по названию города: существует патриарх Антиохийский, патриарх Иерусалимский, также патриарх Московский. Границы поместных церквей не совпадают с политическими границами.

Сегодня все православные церкви имеют свои юрисдикции за пределами национальных

территорий государств, поэтому модель отношений между государством и церковью, с одной стороны, не может строиться только на политико-административном базисе, с другой стороны, существуя в матрице секулярных ценностей, религия меняет свою роль и функций в меняющемся публичном пространстве [12]. Новая модель постепенно переходит в элек-

тронный формат, что может означать либо полное отделение церкви от государства, либо полное слияние государственной и религиозной власти. Иначе говоря, религиозный фактор в публичном пространстве остается, но утрачивает свои традиционные контуры и под разными проявлениями все активнее включается в современную политику.

Литература

1. URL: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/homiakov/5>.
2. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija/5.
3. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/435254/>.
4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-termin-vizantizm-v-trudah-k-n-leontieva-i-v-s-solovieva>.
5. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>.
6. URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=69059.
7. URL: <https://sfi.ru/tags/pomestnyi-sobor-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi-1917-1918-godov.html>.
8. URL: <https://www.sova-center.ru/files/books/ss-block.pdf>.
9. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/547842.html>.
10. URL: <http://base.garant.ru/171640/#ixzz6yW165K6l>.
11. Хабермас Ю. Религия в общественной сфере // Европейский журнал философии. 2006. № 1–25.
12. Чекмисова Т.А. Трансформация религии как социального института в постсоветской России: автореф. ... дис. канд. социол. наук. Казань, 2007.
13. URL: <https://www.rseachgate.net/publication/276102311>.

Bibliography

1. URL: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/homiakov/5>.
2. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija/5.
3. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/435254>.
4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-termin-vizantizm-v-trudah-k-n-leontieva-i-v-s-solovieva>.
5. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>.
6. URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=69059.
7. URL: <https://sfi.ru/tags/pomestnyi-sobor-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi-1917-1918-godov.html>.
8. URL: <https://www.sova-center.ru/files/books/ss-block.pdf>.
9. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/547842.html>.
10. URL: <http://base.garant.ru/171640/#ixzz6yW165K6l>.
11. Habermas Yu. Religion in the public sphere // European Journal of Philosophy. 2006. № 1–25.
12. Chekmisova T.A. Transformation of religion as a social institution in post-Soviet Russia. Abstract for the academic degree of the k-ta sociol. n. Kazan, 2007.
13. URL: <https://www.rseachgate.net/publication/276102311>.

Рожковский Виталий Борисович
Rozhkovsky Vitaly Borisovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В УЧЕНИИ И.В. КИРЕЕВСКОГО

Russian society, church and state in the doctrine of I.V. Kireevsky

В статье на материале социально-философских работ И.В. Киреевского раскрываются его представления о социальной и государственной жизни в России. Анализируется значение учения И.В. Киреевского о духовно-нравственных основах власти и роли в их формировании Русской Православной Церкви для консервативной российской идеологии.

Ключевые слова: И.В. Киреевский, Русская православная церковь, славянофильство, православный духовный опыт, царская власть, идеологема «Православие. Самодержавие. Народность».

The article, basing on the material of the I.V. Kireevsky's socio-philosophical works, reveals his ideas about social and state life in Russia. The author analyzes the importance of I.V. Kireevsky's doctrine about the spiritual and moral foundations of power and the role of the Russian Orthodox Church in their formation for conservative Russian ideology.

Keywords: I.V. Kireevsky, Russian Orthodox Church, Slavophilism, Orthodox spiritual experience, throne, ideologeme «Orthodoxy. Autocracy. Nationalism».

В современной России в общественной мысли можно наблюдать поиск обоснования и развития элементов консервативной идеологии, связанной с опорой на традиционные духовно-нравственные ценности и социальные институты (православная церковь), признанием положительного значения духовно-исторического опыта и исторических свершений России. С этими элементами идеологии связывается консолидация общества перед «вызовами» времени и внешними угрозами государству, сохранение духовно-культурной идентичности и вообще будущее развитие единой и сильной России. Обоснование элементов консервативной идеологии неизбежно предполагает обращение в ретроспективу – к тем идеям общественного бытия, которые предлагались ранее с патриотических позиций русскими мыслителями. И здесь особенное значение имеют идеи мыслителей, стоящих у истоков обретения самобытного философского самосознания, к которым относятся «славянофилы». Действительно, именно «славянофилы» И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и др.

впервые философски отчетливо высказали важнейшие, «классические» темы русской общественной мысли. При этом следует отметить, что исследователи их творчества до сих пор в меньшей степени обращаются к воззрениям «славянофилов» об обществе, Церкви и государстве в их соотношении, чем к другим темам их учений.

И.В. Киреевский (1806–1856) прошел сложный творческий путь, заключавшийся в личном преодолении свойственной образованной части общества сознательной и подсознательной зависимости от идей и настроений западной общественной мысли, от погруженности в ценности западной цивилизации до приобщения к православному духовному опыту, характерному для истории и культуры России и попытки создания на основе этого опыта оригинального социально-философского учения.

Переломный для него период 30-х гг. XIX в. совпал одновременно с формированием двух противоположных направлений российской общественной мысли – «западничества» и «славянофильства» (И.В. Киреевский стал одним из

самых ярких представителей последнего направления), и с мировоззренческим преобразованием его сознания, выразившемся в своего рода духовной и творческой аскезе и погружении в изучение трудов восточных отцов церкви, русской истории и духовности, что стало главной причиной почти полного отсутствия его творческого самовыражения (публикаций трудов) с 1834 по 1845 гг., но отнюдь не свидетельством отсутствия его внутренней работы сознания.

Однако данный период молчания, прерванный в 1840–1850 гг., затем возобновился с 1852 по 1856 гг. Внешней причиной этих периодов молчания был тот факт, что на издание И.В. Киреевским своих произведений был фактически наложен запрет от лица государства. И если запрет издаваемого И.В. Киреевским в начале 30-х гг. известного журнала «Европеец», выдержанного в духе почтения к идеям и ценностям западной цивилизации, может быть легко объясним с точки зрения официальной государственной позиции, то запрет в 1852 г. «по высочайшему повелению <...> подавать рукописи в обыкновенные цензуры» [1, с. 133] был однозначно совершенным запретом для издания трудов авторам вполне патриотического, консервативного направления «Московского сборника», в котором была опубликована в 1852 г. статья и самого И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению в России», представляется, на первый взгляд, странным или парадоксальным. Примечательно то обстоятельство, что представители «западнического» крыла общественной мысли в России второй трети XIX в. по сравнению с патриотически настроенными «славянофилами» вызывали у официальной власти едва ли не меньше подозрений в неблагонадежности высказываемых идей. В чем же заключалось содержательное расхождение или недопонимание между взглядами «славянофилов» и официальной позиции власти на общественное состояние России в это время? И какое значение это расхождение имело для последующего развития России, общества, церкви и государства, и становления различных общественно-политических взглядов?

В работе «Записка об отношении русского народа к царской власти», написанной в 1852 г., И.В. Киреевский вынужден был оправдываться от обвинения со стороны прежнего министра

просвещения А.С. Норова в отделении в его образе мыслей «царя от России», обвинения, вызвавшего большое недоумение русского мыслителя. Дело в том, что у И.В. Киреевского в его творчестве нет и намека на отрицание трех важнейших элементов российской идеологии того времени, присутствующих в формуле «Православие. Самодержавие. Народность», высказанной министром народного просвещения правительства императора Николая I графом С.С. Уваровым

И.В. Киреевский вполне солидарен был с суждением и в целом с государственнической позицией почитаемого властью историографа Н.М. Карамзина, который говорил, что «государь – единственный законодатель, единственный источник власти», а само «самодержавие есть Палладиум России; целостность его необходима для ее счастья» [2]. Вообще И.В. Киреевский придерживался в главном той же консервативной позиции, что и Н.М. Карамзин, но при этом стремился развить ее в духе «славянофильства».

В статье «Политико-правовые представления Н.М. Карамзина и их влияние на общественно-политическую мысль в России XIX века», мы доказываем, что «после Карамзина, и отчасти под влиянием его исторических изысканий и суждений о политической организации в России, существенная философская и богословская переоценка представления о власти, как и новые философско-исторические оценки истории России и ее духовно-культурных оснований были проведены «славянофилами» А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским» [3, с. 18].

Однако при этом «славянофилы» старались избежать присущей суждениям Н.М. Карамзина попытки соединения в политико-правовой области идеи «благодетельности и традиционности монархической власти в России с идеями западного просвещения» [3, с. 18].

В отечественной истории трудно найти столь принципиальную точку оценки событий для «славянофилов», сколь личность и преобразование Петра I. «Славянофилы» критически относились к Петру I, как к тому, кто, несмотря на желание сделать Россию сильной державой, провел реформы, нарушившие сложившиеся ценности и связи социальной жизни, проведенные в жизнь ценности западной цивилизации, ограничившие влияние Русской православной церкви.

Не нарушение сложившихся внешних форм традиционного уклада жизни не могли простить ему «славянофиль», а его своеобразную «любовь к просвещению, которая была его страстью» [4, с. 73], и которая сделала его излишне поспешным в использовании достижений европейских стран в различных сферах, и главное – повлекла его иначе понимать существо и границы власти, позиционируя себя как государя в духе европейского секуляризма, способствуя расколу общества, что в итоге стало как бы неизбежным образцом правления для правителей России в XVIII в. и создало образ «сильной России». Для И.В. Киреевского, идеалом организации социальной жизни и развития государства было взаимодействие ценностей Веры (Церкви), Закона (являющегося выражением воли царя) и Отечества. При этом именно православная церковь обеспечивала в России монарху «высшую связь с народом» [1, с. 135].

Отмена патриаршества, создание Священного синода и реформы в области образования, культурной и социальной жизни при Петре I и его преемниках во власти в XVIII в. среди современных церковных историков и богословов оцениваются по-разному. В положительной оценке данные реформы позиционируются как неизбежные и принесшие не только вред для организации церковной жизни, но и создавшие новые возможности.

Однако транспонируемый западный опыт разделения государства и церкви, с точки зрения И.В. Киреевского, способствовал нарушению целостности социальной и культурной жизни и явился развитием тех негативных тенденций в жизни церкви, которые началась с поражением в ней партии «не стяжателей» (следствие спора «не стяжателей» в лице Нила Сорского и партии Иосифа Волоцкого в XIV в.). Поражение «не стяжателей» привело к искажению цельности бытия древнерусского общества, к разрушению «духовной связи», благодаря которой осуществлялась органическая спайка всего общественно-политического устройства России и неизбежной подмене этой связи связью «вещественной, формальной» [5, с. 126]. Явлениями «формальной связи» стали вначале местничество, опричнина (при Иоанне Грозном), позднее старообрядческий раскол в Русской православной церкви, еще позднее реформы «начальника партии в государстве» Петра I,

образующие «общество в обществе» [5, с. 126]. Отсюда и неизбежная подверженность исторической России простому заимствованию западных черт. При этом нарушение цельности развития общественного и государственного организма, по И.В. Киреевскому, имеющее предпосылки в более раннем периоде истории, сделалось явным и воплотилось именно в правление Петра I, чему способствовали «угнетения Петра, его презрение ко всему русскому, его раболепство перед иностранным» [1, с. 137].

«Славянофильское» переосмысление И.В. Киреевским российской истории и культуры, общественного и государственного бытия, начиналось с собственного лично-практического вхождения в пространство духовного опыта русского православия. Опыт такого вхождения должен был позволить «в себе открыть те существенные стороны духа, которые не находили себе ни места, ни пищи в западном развитии ума» [4, с. 79]. Отсюда должен был рождаться специфицирующий взгляд на русскую культуру, позволяющий преодолеть фактическое «западничество» предыдущих попыток саморефлексии образованного слоя общества (например, в лице первого оппонента «славянофилов» П.Я. Чаадаева, оставшегося чуждым православному духовному опыту) и обрести адекватное историческое самосознание.

В древнерусской культуре (времени Киевской и большей части Московской Руси) И.В. Киреевский находит наиболее естественное и всецелое, «всеобъемлющее» воплощение православно-христианских начал, образовавших «особенный склад русского ума, стремящегося к внутренней цельности мышления» [6, с. 181]. В этом «складе ума», а не в каких-либо «природных преимуществах славянского племени» (как думали некоторые другие «славянофиль»), он находил специфическое и одновременно универсальное преимущество древнерусской культуры. Подобный «склад ума» был свободен от какого-либо ущемления духовного опыта человека за счет развития отвлеченного рассудка вне связи с религиозной верой (как это произошло в западной мысли, в том числе и политико-правовых теориях и на практике). С особым «складом ума» русского человека связана была, по И.В. Киреевскому, устремленность к Богу, которая вошла в коренные русские нравы, во все сферы не только

религиозной, но и политической, экономической, правовой жизни. Такой человек жил «постоянной памятью об отношении всего временного к вечному и человеческого к божественному» [6, с. 181], воплощал не только аскетические христианские практики, но и кенотические качества смирения, сострадания, жертвенности. Это выразилось в появлении в Древней Руси множества центров личной и социальной жизни русских людей в ее положительной нравственной динамике – монастырей, которые на протяжении столетий играли важнейшую воспитательную и духовно-образовательную роль. И.В. Киреевский был свидетелем на примере Оптиной Пустыни (с ее знаменитым и любимым в народе старчеством) возрождения в его время духовной жизни в монастырях, происходившей отчасти помимо и даже вопреки действиям некоторых церковных иерархов. Кенотические качества воплощались на протяжении всей отечественной истории не в раболепной любви к силе и власти самой по себе, кем бы она ни олицетворялась (в таком случае власть неизбежно вскоре теряла свою нравственную легитимность и становилась чуждой, внешней духовной жизни народа), а в способности к преодолению трудных исторических путей, сложившихся тяжелых условий жизни, в героических победах над внешними завоевателями и внутренними неурядицами.

Традиционные ценности русской цивилизации, по И.В. Киреевскому, не были безвозвратно утеряны. Живым, действенным источником этих ценностей остается Русская православная церковь с ее идеалами духовно-нравственного совершенствования личности и служащим этому действенным опытом монастырского благочестия. Однако для полноценного возрождения, по И.В. Киреевскому, необходимо сформировать пространство общественного единомыслия, здорового русского самосознания, выработка которого в критическом диалоге с западными идеями и практиками, становилась в его время возможной благодаря воплощению каждым представителем образованной части общества, определяющих качеств православного духовного опыта. Русская религиозная философия, по мысли И.В. Киреевского, именно в православном духовном опыте должна найти точки опоры и надежные ориентиры развития, чтобы

затем взять на себя функции «проводника» к духовным смыслам русской истории, социальной и культурной жизни, стать ее критически-рефлексивно «очистительной» сферой.

И, действительно, за И.В. Киреевским дорого к «университету русского народа», которым называли в XIX в. монастырь Оптина Пустынь (можно отнести и ряд других духовных церковных центров) проложили такие известные русские писатели, как Н.В. Гоголь, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. Именно здесь они искали ответы на вопросы личного духовного опыта и источники вдохновения для своего творчества.

К сожалению, положительные тенденции возрождения духовного опыта православия, связанные с подъемом влияния монастырских островков церковной социальности и обращением малой части интеллигенции к христианским ценностям, не стали в XIX в., как надеялся И.В. Киреевский, началом полноценного возрождения социально-политической жизни России. Не смогли противостоять дальнейшему расколу и нравственному разложению общества, и, как следствие, будущим социальным «взрывам» в виде надвигающейся грозы русской революции.

Следует признать, что сомнение в адекватности конкретному позиционированию власти, которое предъявлялось И.В. Киреевскому в правление царя Николая I, несмотря на общую патристичность позиции и соответствие ценностям православной веры, было небеспочвенным. Позиция И.В. Киреевского состояла в фиксации смещения на практике акцентов в собственной идеологии власти: «Православие. Самодержавие. Народность» становилась идеологией «Самодержавие. Православие. Народность».

Той самой власти, которая фактически при влиятельной форме управления общественными процессами (абсолютной монархии) и общей декларации верности христианской вере, фактически действовала в лице ее монархов как в XVIII, так и в XIX вв., руководствуясь либо «модными» западными политическими настроениями, либо в духе лишь «заморожки» опасных либеральных тенденций, возникающих в сфере общественной мысли.

И.В. Киреевский же призывал исходить из идеалов такой целостности социальной жизни, которая имеет творческую опору и жизненные силы в духовном опыте русского православия

и «любить царя» прежде всего в союзе с любовью к Церкви, Законности и Отечеству, поскольку именно такая опора позволяла России стать в истории самой собой и преодолеть все исторические потрясения и слом отживших форм жизни.

«Славянофилов» слишком часто представляют лишь как идеологов социально-культурного движения, выступающего за национально-культурную самобытность России, не понимая и не принимая глубины и универсальности их философских идей, высших проникновений их мысли. В их образе видят чувствительных и мечтательных помещиков, охраняющих непосредственность живой веры и построенного на ней народного быта, и поэтому предвидят в них даже будущее «народничество». На самом деле, первый философский вдохновитель «славянофильства» И.В. Киреевский был обращен в перспективу, открывая ее универсальные ценности в категориях религиозно-духовных, что получило продолжение в традиции русской философии права и государственности в лице Л.А. Тихомирова, П.Я. Новгородцева и И.А. Ильина.

Со времени жизни И.В. Киреевского многое изменилось в общественном бытии России. Нет как таковой монархической формы правления, сословного деления общества, и вообще Россия прошла через глубокие исторические потрясения самих основ государственной, социальной и культурной жизни, трагический опыт утраты мировоззренческих ориентиров.

Однако предостережения русского мыслителя о необходимости сохранения приоритетов государственного развития, к которым следует отнести целенаправленное воспитание в обществе традиционных духовно-нравственных ценностей; преодоление «запаздывания» духовно-нравственного оздоровления общества перед формированием «сильной власти»; внешнего могущества и величия государства; развитие взаимодействия исторически и ментально свойственных России социальных институтов, и прежде всего государства и церкви, и созидание связанного с этим общественного единомыслия, как никогда актуальны.

Литература

1. Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти // Полное собрание сочинений: в 4 т. Т.1. Калуга, 2006.
2. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_o_drevney_i_novoy_rossii.html.
3. Рожковский В.Б. Политико-правовые представления Н.М. Карамзина и их влияние на общественно-политическую мысль в России XIX века // Философия права. 2021. № 3.
4. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Полное собрание сочинений: в 4 т. Т.1. Калуга, 2006.
5. Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову // Избранные статьи. М., 1984.
6. Киреевский И.В. Отрывки // Полное собрание сочинений: в 4 т. т.1. Калуга, 2006.

Bibliography

1. Kireevsky I.V. A note on the attitude of the Russian people to the tsarist government // Complete works: in 4 vol. Vol. 1. Kaluga, 2006.
2. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_o_drevney_i_novoy_rossii.html.
3. Rozhkovsky V.B. N.M. Karamzin's political and legal ideas and their influence on sociopolitical thought in Russia of the XIX century // Philosophy of Law. 2021. № 3.
4. Kireevsky I.V. On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia // Complete works: in 4 vol. Vol. 1. Kaluga, 2006.
5. Kireevsky I.V. In response to A.S. Khomyakov // Selected articles. Moscow, 1984.
6. Kireevsky I.V. Excerpts // Complete works: in 4 vol. vol.1. Kaluga, 2006.

Рыбалка Елена Александровна
Rybalka Elena Alexandrovna

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России
доктор философских наук, профессор.

Professor of the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Law Institute of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor.

Кузнецова Лилия Николаевна
Kuznetsova Liliya Nikolaevna

доцент кафедры «Аудит» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
кандидат экономических наук.

Associate Professor of the audit Department of the Rostov State University of Economics (RSUE), PhD in Economics.

РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЯ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Development of regulatory regulation and tools of corporate control in the context of digitalization

---

Широкое внедрение цифровых технологий стало толчком к изменению контрольной деятельности, появились предпосылки для формирования новых подходов к контролю с использованием информационных систем на основе концепции управления рисками. Статья посвящена рассмотрению состояния цифровизации в российских компаниях, определению проблемных областей корпоративного контроля, поиску путей развития нормативного регулирования корпоративного контроля и инструментов его реализации в цифровой среде.

The widespread introduction of digital technologies has become an impetus to change control activities, there are prerequisites for the formation of new approaches to control using information systems based on the concept of risk management. The article is devoted to the consideration of the state of digitalization in Russian companies, the identification of problematic areas of corporate control, the search for ways to develop regulatory regulation of corporate control and tools for its implementation in the digital environment.

Ключевые слова: корпоративный контроль, правовое регулирование, риск-ориентированный подход, цифровизация.

Keywords: corporate control, legal regulation, risk-based approach, digitalization.

Масштабное и эффективное использование цифровых технологий затрагивает все сферы человеческой деятельности, в т. ч. контроль, который, базируясь на системном правовом регулировании, должен наполниться новым содержанием, дополниться специфическими инструментами, обогатиться обновленными методиками и др. По мнению авторов «в обществе формируется новое цифровое мировоззрение» [7, с. 33], что определяет дополнительный вектор развития контроля и предопределяет специфические требования к его регулированию. Отметим, что одним из значимых видов контроля, имеющим большой потенциал цифрового развития, является корпоративный контроль.

Широкое использование информационных технологий (в структуре ВВП двадцати ведущих стран цифровая экономика составляет более 4 %) создает все возможности для перехода к новой парадигме контроля на основе данных информационных систем и систем управления рисками – контроль должен иметь превентивный принцип действия, на платформе использования технологий больших данных и искусственного интеллекта.

Концептуально трансформация корпоративного контроля должна базироваться на современных подходах объединяющих:

– формирование полноценного правового поля;

- партнерской модели в коммуникациях;
- широкое использование цифровых платформ.

В связи с этим закономерно возникает вопрос изменения и дополнения действующих контрольных регулятивов.

Очевидно, что все виды контроля – государственный, корпоративный, общественный и др. подлежат трансформации. Наиболее сложно провести трансформацию корпоративного контроля в субъектах малого и среднего бизнеса, не входящего в сетевые компании, прежде всего из-за недостатка ресурсов и отсутствия доступного инструментария.

Оценить существующий уровень цифровизации компаний можно на основе индекса цифровизации бизнеса (Business Digitalization Index, BDI). Общий индекс BDI определяется на основе среднего арифметического значения пяти частных индексов:

- использование цифровых каналов передачи и хранения информации (интернет, облачные сервисы и т. д.);
- человеческий капитал (включает вовлечение менеджмента компании в саморазвитие и развитие персонала в сфере цифровых технологий;
- информационная безопасность;
- использование интернет-инструментов;
- интеграция цифровых технологий (CRM-системы, электронный документооборот и т. д.).

Индекс цифровизации бизнеса в 2019 г. в России составил 32 %, что для европейских стран является невысоким показателем (лидеры корпоративной цифровизации имеют следующие индексы: Финляндии 52 %, Дании 50 %, Латвии 34 %). Доступ к Интернету бизнес-единиц в таких странах, как Финляндия, Дания, Франция составляет 100 %, в России – 90 % [8, с. 43–46]. Подключение к Интернету является критически важной потребностью. Отсутствие доступа к Интернету представляет непосредственный риск для способности компании продолжать свою деятельность, а для работников сохранять источники средств к существованию, что критически проявилось в период пандемии COVID-19.

Для характеристики уровня цифровизации корпоративного сектора используются такие показатели как:

- наличие веб-сайта в организациях (в России 49 %, в Финляндии 96 %) [8, с. 49];

- использование RFID-технологий в организациях (в России 8 %, в Южной Корее 46 %) [8, с. 57]. Контроль основан на радиочастотной идентификации объекта контроля;

- использование ERP-систем в организациях (в России 23 %, в Южной Корее 49 %) [8, с. 60];

- использование CRM-систем в организациях (в России 19 %, в Германии 44 %) [8, с. 60].

Таким образом, выборочный анализ уровня корпоративной цифровизации в России и в странах-лидерах демонстрирует отставание российского бизнеса от показателей стран с более развитой инфраструктурой цифровых технологий, что обязывает рассматривать вопросы цифровизации отечественных компаний в первоочередном порядке, включая контрольные процессы.

Корпоративный контроль неотделим от общих процессов цифровизации субъектов бизнеса. Прямое императивное воздействие на российские компании о расширении деятельности и коммуникаций в цифровом пространстве может привести только к формальному исполнению таких требований, а не качественному изменению деятельности. Целесообразно стимулировать расширение деятельности в цифровом поле на основе доступности цифровых инструментов, введения предпочтений для компаний, их использующих.

Основа эффективного функционирования корпоративного контроля – это достаточное, но не избыточное регламентирование его организации и осуществления. Особенностью областей, имеющих бурное развитие, является отставание регулятивов от фактического положения дел, поэтому законодатель должен максимально сократить разрыв. Другой особенностью развития цифровизации может стать сосредоточение за законодателем только основных положений, максимально предоставив возможности корпоративного регулирования и утверждения технических регламентов, имеющих в некоторых случаях рекомендательный характер.

Наряду с развитием технологий изменилась сущность контроля – на протяжении веков все виды контроля базировались на историческом подходе, т. е. проверялись уже свершившиеся события. Нарушения установленного порядка ведения дел, отклонения от принятых правил совершения чего-либо определя-

лись на основе сравнения установленных норм и произошедшего факта. Современный уровень ведения бизнеса предъявляет дополнительные требования к контрольной деятельности: инвесторов больше интересует информация о существующих потенциальных рисках, увеличился спрос на прогнозную или стратегическую информацию со стороны всех заинтересованных лиц, в том числе государственных органов.

Заинтересованный инвестор (акционер, участник и т. п.) предъявляет к объекту инвестиций не только требование высокой доходности, но и безопасности, составной частью обеспечения которой является действенная система контроля, его эволюции от исторических проверок к новой модели организации и практической реализации, получившей название риск-ориентированного подхода (рис. 1).

Традиционный подход к контролю включает такие этапы, как обнаружение нарушения и осуществление санкций, предусмотренных за такое нарушение. Некоторое время на контроль возлагалась профилактическая функция, когда вместе с обнаружением отклонений, на-

рушений и т. п., предлагались меры для предотвращения аналогичных правонарушений в будущем.

Риск-ориентированный подход к организации контроля предполагает превентивность контрольных действий и предупреждение проявления рисков в деятельности корпорации. Прогрессивная модель проактивного контроля в общем виде включает три этапа:

- мониторинг контрольной среды по выявлению рисков;
- оценка и анализ рисков;
- выявление отклонений, нарушений, мошенничеств и др.

Концепция риск-ориентированного подхода становится приоритетной во всех направлениях контрольной деятельности. Использование цифровых технологий предполагает возможность совмещения объектов контроля с контрольными механизмами, что позволяет своевременно выявлять отклонения от установленных законодательством норм или принятых в конкретном обществе, корпорации правил. Такая технология контроля позволяет реагировать на «возникающие риски, не позволяя

Рис. 1. Сравнение концепций контроля: исторической и риск-ориентированной

выполнять действия, ведущие к нарушениям, либо предупреждая о возможности совершения нарушения» [1].

Современные средства автоматизации допускают возможность построения системы управления, содержащую элементы контроля. В этом случае при принятии решений уже каждое действие определено, проверено на соответствие заданным параметрам и подтверждено в автоматическом режиме. Для интеграции контролируемых систем в бизнес-процессы подходят существующие и перспективные цифровые технологии. На их основе создаются конкретные инструменты, например,:

– RFID-метки – это миниатюрные устройства для дистанционного цифрового определения (идентификации) объектов, промаркированных подобной меткой, при помощи радиочастотного канала связи;

– штриховые коды – приспособленные для конвейерного производства оптические метки, содержащие информацию (как правило, крайне небольшого объема) об объекте, к которому привязаны;

– QR-коды – вид матричных штриховых кодов, допускающий бесконтактное считывание, и отличающийся сравнительно большим объемом запаасаемой информации;

– IoT-датчики – датчики «интернета вещей», т. е. физические устройства, предназначенные для мониторинга и передачи разнообразных показаний датчиков (от освещенности в помещении или состояния сигнализации до потокового видео) в реальном времени через беспроводные каналы связи.

Для моделирования и оценки рисков в редких ситуациях применяются более сложные, и даже комплексные технологии, например, «цифровой двойник» – «развивающийся цифровой профиль исторического и текущего поведения физического объекта или процесса» [2, с. 102] и др. Перспективным направлением являются технологии блокчейн, дополненной реальности.

RFID-метки, штриховые коды, цифровые двойники, математические модели и иные инструменты позволяют достичь нового уровня корпоративного контроля, что представлено на рис. 2.

Использование цифровизации в организации и проведении контроля создает дополнительные риски потери информации, совершения

противоправных действий, создаются принципиально новые механизмы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, иных незаконных действий. Причем масштаб и урон от этих преступлений огромный, преступления могут тиражироваться и иметь массовый характер.

В России в мае 2017 г. были атакованы ряд министерств и телекоммуникационных компаний, в июне того же года вирус-вымогатель Petya атаковал нефтяные компании «Роснефть», «Башнефть» и др. На Украине данный вирус заразил системы управления «Ощадбанка», «Укргазбанка» [6] и многих других. Кибератаки вредоносной программы были также произошли в Великобритании, Германии, Дании, США.

Как было отмечено ранее, развитию корпоративного контроля препятствует недостаток ресурсов у компаний, поэтому необходим поиск бюджетных инструментов, позволяющих развивать корпоративный контроль в условиях цифровизации. Инструментом по распространению лучшего опыта использования инноваций стал бенчмаркинг, который применим также для распространения практики освоения цифровых инструментов корпоративного контроля. Бенчмаркинг основан на обмене информацией, что является ограничивающим фактором. Отечественные руководители считают, что риски потери информации с негативными последствиями являются значительными и 37 % из них не готовы его использовать, согласны предоставлять информацию только 56 % опрошенных и только при ограничениях ее использования [5, с. 163].

Л.Н. Кузнецовой предложен специальный протокол обмена информацией на основе решения криптографической задачи с нулевым разглашением, [4, с. 124–127], что позволяет снизить риски потери информации. В России активно развиваются биометрические идентификации субъектов контроля, что актуализирует защиту их биометрических данных, проблему позволяет снизить создание «защищенной мультимодальной системы» [3, с. 575].

Цифровые технологии позволяют выстроить не только систему непрерывного мониторинга работы, но и обеспечить равные возможности заинтересованных лиц к результатам мониторинга, иным результатам контрольных процедур, независимо от различий между

Рис. 2. Преимущества использования цифровых технологий корпоративного контроля

ними, не создающих преимуществ, обеспеченных законодательством. Использование цифровых технологий при организации и проведении контроля позволит обеспечивать его непрерывность, максимальный охват и прозрачность всей деятельности объектов контроля, а также прозрачность полученных результатов. Как следствие, этот подход снизит нагрузку на объект контроля и обеспечит оперативное реагирование на риски реализации нарушений.

Таким образом, уровень цифровизации деятельности российских компаний отстает от самых передовых стран, и это требует различных мер реагирования. К таковым, в первую очередь, следует отнести изменение нормативного регулирования положений цифровизации и корпоративного контроля. Сосредоточение за законодателем только основных вопросов позволит как заложить фундамент для инноваций, так и высвободить ресурсы для оперативного реагирования на нарушения права. Остальные вопросы разумно возложить на комитеты по стандартизации и саморегулируемые организации, предоставив им широкие регуляторные возможности, что позволит не допустить появления правового вакуума даже в небольших нишах. Детальная регламентация контрольных процедур в компаниях завершит процесс формирования правового поля. Малые

и средние организации должны иметь возможность использовать в своей деятельности типовые регламенты.

Наиболее востребованными типовыми регламентами при внедрении в деятельность компаний могут стать различные цифровые инструменты, такие как построение и обслуживание веб-сайта, страниц в социальных сетях, ERP-систем и CRM-систем, и различного современного инструментария, включающего RFID-системы, штриховые и QR-коды, IoT-датчики, системы контроля и управления на основе искусственного интеллекта, а также иные инновации в организациях.

Корпоративный контроль затрагивает не только корпоративные, но общественные и государственные интересы, что предполагает более широкое участие государства в его регулировании и разработке доступных инструментов реализации контрольных действий. Своевременное реагирование законодателя на вопросы цифровизации корпоративного контроля, способно повысить эффективность бизнеса, что в конечном итоге приведет к сокращению недобросовестных действий со стороны хозяйствующих субъектов, расширению коммуникаций в глобальном экономическом пространстве, повышению конкурентоспособности российских компаний.

Так как цифровизация вместе с благами несет и значительные риски потери информации, необходимо принимать меры к ее защите.

Все больше востребованы предварительный, предупредительный, входной контроль. Результатом контроля должно стать решение возникающих (или проблем, которые могут возникнуть) раньше, чем время, когда рис-

ки станут реальными, а проблемы необратимыми.

Цифровые технологии стали толчком к изменению контрольной деятельности, созданы предпосылки для формирования новых подходов к контролю с использованием информационных систем на основе концепции управления рисками.

Литература

1. URL: <http://bujet.ru/article/376994.php>.
2. Кокорев Д., Юрин А. Цифровые двойники: понятие, типы и преимущества для бизнеса // COLLOQUIUM-JOURNAL, 2019. № 10–2 (34).
3. Кузнецов В.В. Защищенная мультибиометрия: основные направления и актуальные проблемы // Обозрение прикладной и промышленной математики. Т. 19. № 4. 2012.
4. Кузнецова Л.Н. Совершенствование бухгалтерского учета на основе бенчмаркинга с нулевым разглашением информации // TERRA ECONOMICUS / 2011. Т. 9. № 3–4.
5. Кузнецова Л.Н. Совершенствование бухгалтерского учета с применением инструментария бенчмаркинга: монография. Ростов н/Д, 2012.
6. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4369892>.
7. Рыбалка Е.А., Кузнецова Л.Н. Развитие нормативно-правового регулирования аудиторской деятельности в цифровой среде // Юристы-Правоведь. № 4 (95). 2020.
8. Цифровая экономика: 2021: краткий статистический сборник. М., 2021.

Bibliography

1. URL: <http://bujet.ru/article/376994.php>.
2. Kokorev D., Yurin A. Digital twins: concept, types and benefits for business // COLLOQUIUM-JOURNAL, 2019. № 10–2 (34).
3. Kuznetsov V.V. Protected multibiometrics: main directions and current problems // Review of applied and industrial mathematics. Т. 19. № 4. 2012.
4. Kuznetsova L.N. Improving accounting based on benchmarking with zero information disclosure // TERRA ECONOMICUS / 2011. V. 9. № 3–4.
5. Kuznetsova L.N. Improving accounting using benchmarking tools: monograph. Rostov n/D. 2012.
6. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4369892>.
7. Rybalka E.A., Kuznetsova L.N. Development of legal regulation of auditing in the digital environment // Yurist-Pravoved. № 4 (95). 2020.
8. Digital economy: 2021: a short statistical collection. Moscow, 2021.

Овчинников Алексей Игоревич
Ovchinnikov Alexey Igorevich

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор.

The Head of the Department of Theory and History of State and Law, the Southern Federal University, Professor of the Department of Theory of Law and State of the South-Russian Institute of Management of RANEPA under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.
E-mail: k_fp3@mail.ru

Фальшина Нелли Александровна
Falshina Nelly Alexandrovna

доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University PHD in Law.
E-mail: nelli.falshina@yandex.ru

Фатхи Валентина Игоревна
Fatkhi Valentina Igorevna

начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Head of the Department of Civil Law Disciplines the Rostov Law Institute of the Ministry of International Affairs of Russia PHD in Law.
E-mail: v.i.fatkhi@gmail.com

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ
ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ***

**Legislative regulation of processes digitalization of public administration
and problems of ensuring information security**

В настоящей статье исследуются основные тенденции развития и трансформации современных общественных отношений, в условиях интенсивного развития цифровых технологий. Влияние развития цифровых технологий в области национального налогообложения на правовой статус налогоплательщика в современных российских реалиях обусловило актуальность выбранной темы.

Ключевые слова: налогообложение, права и свободы, общественные отношения, налоговые правоотношения, принципы налогового права, реформирование, цифровые и информационные ресурсы, эффективная налоговая система, национальное налоговое законодательство.

This article examines the main trends in the development and transformation of modern social relations, in the conditions of intensive development of digital technologies, while the main analytical emphasis is placed, on the realization of rights and freedoms. A striking example, in modern legal relations, is the institution of taxpayer rights in the Russian Federation. Thus, the impact of the development of digital technologies in the field of national taxation on the institution of the rights and freedoms of the taxpayer in modern Russian realities, led to the relevance of the chosen topic.

Keywords: taxation, rights and freedoms, public relations, tax legal relations, principles of tax law, reform, digital and information resources, effective tax system, national tax legislation.

На протяжении последних 30 лет система государственного управления в Российской Федерации претерпела существенные изме-

нения, вызванные как сменой парадигм общественно-политического развития, так и развитием цифровых технологий. Изменилось

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а).

кардинально и законодательное обеспечение государственного управления, один из сегментов которого связан с обеспечением информационного обмена между государственными органами. Кроме того трансформация проявилась и в модификации национального законодательства, регулирующие возникающие и ранее неизвестные отечественной правовой системе правоотношения. Как следствие, видоизменяется система государственных органов, осуществляющих администрирование, надзор и контроль в соответствующих областях.

Для обеспечения эффективной деятельности органов государственной власти важно использовать инструменты, с помощью которых у государства появится возможность адекватно реагировать на вызовы цифровой реальности, выполнять свои основные функции в сфере обеспечения национальной безопасности. Одним из условий обеспечения должного качества современной системы администрирования, надзора и контроля в государстве, безусловно, является создание цифрового пространства, которое и образует зону, где все участники обладают исключительными возможностями, что предполагает внедрение принципиально иных взаимоотношений личности с государством.

Мировой опыт показывает, что почти 40 % атак вредоносных программ и в целом киберугроз, которым подвергались государственные органы, направлены против организаций государственного сектора, даже больше, чем в отношении финансовых активов, которые традиционно считались главными целями [16].

Проблемы кибератак в секторе управления в основном связаны с защитой конфиденциальных данных, например, информация, относящаяся к министерствам и ведомствам, электронное голосование, информация, связанная с обороной страны.

На сегодняшний день самыми уязвимыми считаются механизмы авторизации пользователей и облачные технологии. Возрастают риски атак на государственный сектор: кибертерроризм направлен на то, чтобы парализовать систему противника или украсть важные и конфиденциальные правительственные данные. Согласно Агентству США по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (CISA), критическая инфраструктура включает следующие секторы: химическая промышленность,

коммерческие объекты, связь, критическое производство, плотины, оборонная промышленная база, аварийные службы, энергетика, финансовые услуги, продовольствие и сельское хозяйство, государственные учреждения, здравоохранение и общественное здравоохранение, информационные технологии, ядерные реакторы, материалы и отходы, транспортные системы, системы водоснабжения и канализации, а также отраслевые агентства. Эти секторы могут быть совершенно разными, если учитывать применяемые технологии, их социальную роль и заинтересованные стороны.

В литературных источниках существует множество классификаций угроз информационной безопасности. Ситуации, угрожающие безопасности в учреждениях государственного управления, могут возникать во многих аспектах, в том числе:

- природные угрозы, связанные со стихийными бедствиями, например, наводнения, в ходе которых происходит утрата важной информации;

- традиционные информационные угрозы, связанные с деятельностью, направленной на получение информации, например, шпионаж;

- угрозы, исходящие из киберпространства, охватывающие атаки на информацию в системах ИКТ, например, атака «человек посередине» (MITM);

- угрозы, связанные с надежностью ИТ-систем, например, программные ошибки (пробелы), целенаправленные действия сотрудников учреждения, например, кража информации;

- угрозы, возникающие из-за неправильной организации и внутренних процедур учреждения, например, неподготовленные сотрудники создают реальную угрозу из-за уязвимости к атакам социальной инженерии;

- угрозы нарушения гражданских прав, например, нарушение личных данных, передача информации неавторизованным лицам, кража личных данных.

Уже более 5 лет назад на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2016 г. было заявлено о переходе в четвертую промышленную революцию через цифровизацию и переход в глобальную сеть Интернет всех сфер жизни общества. А сейчас сообщается о планах по переходу к Индустрии 5:0, как пятой промышленной революции, которая позволит

в будущем объединить потенциал искусственного интеллекта «цифры» и человека.

Современная цифровая среда динамично пронизывает все сферы жизнедеятельности человека, формирует новую сферу правотворчества и разрабатывает новые технологии государственного управления, формирует новый правовой категориальный аппарат, имеющий техническую основу.

Нам представляется целесообразным в рамках настоящего исследования обратиться к опыту налоговых органов Российской Федерации, поскольку именно они стали «пионерами» в освоении цифрового пространства, в целях внедрения информационной составляющей в свою профессиональную деятельность. Важно отметить, что уже с момента формирования налоговой системы Российской Федерации возникла объективная потребность информационного сопровождения практически всех функций налоговых органов. Возрастающие объемы обрабатываемой информации, ее идентификация, повышение качества налогового администрирования, целесообразность проведения процедур налогового контроля на новом современном уровне обусловили возникновение и широкое использование цифровых систем, электронных ресурсов и разных форм искусственного интеллекта, многие из которых были оформлены национальным российским законодательством.

Цифровизация налоговых органов началась более 20 лет назад. Еще в 1998 г. компания «Авионт» разработала цифровую программу под названием «НИСТ» и программу «Кольцо», в 2002 г. внедряется автоматизированная информационная система (далее – АИС) «Налог-2», в 2004 г. налоговые органы Российской Федерации внедряют информационную систему «ЕГАИС» и «СЭОД» [3, с. 3]. Однако возрастающие потребности налоговых органов в обработке и хранении соответствующей информации, развитие и обновление экономических отношений, развитие государства обусловили проведение первой глобальной реформы цифровой среды, в которой реализовывали свои функции налоговые органы Российской Федерации. Произошло это в 2006 г. [8, с. 6]. Началась реализация проекта «Модернизация архитектуры информационной системы Федеральной налоговой службы Российской Федерации» [5, с. 7]. Уже к 2009 г. были разработаны прикладные подсистемы

АИС налоговой службы России, которые стимулировали формирование и развитие цифрового законодательства, закрепляющего использование искусственного интеллекта в сфере взаимоотношений государства и налогоплательщиков.

Наибольшее внимание в процессе разработки информационных технологий налогообложения вызвали вопросы обеспечения защиты сведений персонального характера. При этом сведения касались персональных данных налогоплательщика и сотрудников налоговых органов. В 2009 г. был принят Федеральный закон № 318-ФЗ, который внес существенные изменения в процессы налогового администрирования, в части особенностей налогообложения при перемещении товаров через таможенную границу Российской Федерации, при отсутствии таможенного контроля и таможенного оформления, права на применение заявительного порядка возмещения налога на добавленную стоимость [9, с. 4]. В 2009 г. был принят Федеральный закон № 352-ФЗ, и Приказ Министерства финансов Российской Федерации № 114 внес изменения в процесс регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также в процесс постановки на учет налогоплательщиков [6, с. 3]. В 2010 г. принимается Федеральный закон № 229-ФЗ, расширивший возможности взаимодействия налогоплательщиков с государством в рамках электронного взаимодействия.

В 2012 г. был разработан и принят важный документ – Приказ Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 13.01.2012 «Об утверждении концепции информационной безопасности Федеральной налоговой службы» [6, с. 9]. Указанная концепция, прежде всего, определяет понятие информационной безопасности и представляет собой систему взглядов на проблему обеспечения безопасности информации, которую обрабатывает Федеральная налоговая служба Российской Федерации, ее территориальные органы и подведомственные организации, а также при осуществлении информационного взаимодействия налоговых органов с органами государственной власти, при оказании услуг физическим и юридическим лицам. Концепция позволяет понять не просто принципы, на которых строится информационная безопасность, как выглядит режим защиты, обрабатываемой

налоговыми органами информации, но и общую парадигму цифровых правоотношений в налоговой сфере. Концепция содержит правила, которые позволяют эффективно организовать процесс обеспечения безопасности информации, это регламент, предназначенный для исполнения и использования в работе различными категориями работников Федеральной налоговой службы Российской Федерации. При этом еще раз подчеркнем, что именно данные правила формируют политику информационной безопасности налоговых органов России. Концепция является документом, который отражает официально принятую в Федеральной налоговой службе Российской Федерации систему взглядов на обеспечение безопасности информации и пути ее решения. Концепция предоставляет возможность выработки стратегической линии, долгосрочных подходов к комплексному решению задач информационной безопасности, учитывающих прогнозы развития информационных технологий, появления новых рисков, связанных с реализацией общей концепции информационной безопасности, тенденций развития, методов и средств защиты информации, которые позволяют адаптировать разработанную систему отечественной информационной безопасности к любой сложной ситуации. Все нормативные, организационно-распорядительные документы налоговых органов разрабатываются не просто с учетом положений данной Концепции, но и в полном согласии с ней [1, с. 9].

Базовым нормативным материалом для налоговых органов в области обеспечения информационной безопасности служит Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.06.2006 № 149-ФЗ и Закон Российской Федерации от 21.06.1993 «О государственной тайне» № 5485-1 [8, с. 5]. Указанные законы устанавливают необходимость защиты информации от неправомерного доступа, от ее уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления иным лицам, неправомерного распространения и использования указанной информации.

Налоговый кодекс Российской Федерации вводит и регулирует правоотношения, связанные с понятием налоговой тайны. Смысл этого термина в том, что она представляет собой

сведения, полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами или таможенным органом о налогоплательщике [2, с. 19].

Особое место в вопросе обеспечения правовой защиты информационного взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками занимает Федеральный закон, принятый 27.06.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и положения нормативно-методических документов по обеспечению безопасности информации в ключевых системах информационной структуры.

Внимания заслуживает еще действующее в настоящее время постановление Правительства Российской Федерации от 03.11.1994 № 1233 «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти». Этот документ регулирует правоотношения, которые связаны с использованием и предоставлением информации, представляющей служебную тайну, а также содержит понятие. Термин включает любую информацию, которая касается деятельности органов государственной власти, ограничение на распространение которой диктуется служебной необходимостью. Должностные лица и работники налоговых органов могут иметь доступ к производственной, т. е. коммерческой, тайне налогоплательщика. Указанный документ отсылает к гражданскому законодательству [8, с. 12].

При координации процесса электронного взаимодействия с органами государственной власти, а также оказанием государственных услуг налогоплательщикам, наряду с нормативными документами, регламентирующими технические аспекты защиты телекоммуникационной инфраструктуры системы межведомственного электронного взаимодействия, административными регламентами необходимо обратить внимание на статьи Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», обеспечивающего юридическую значимость электронных документов. При этом необходимо учитывать, что одним из приоритетных направлений современной государственной политики нашего государства в сфере цифровых технологий является формирование и защита информационного ресурса государства как национального

достояния [4, с. 16]. В постановлении Правительства Российской Федерации от 25.01.2009 № 1088 «О единой вертикально интегрированной государственной автоматизированной информационной системе «Управление» предусмотрена законодательная норма об обеспечении единства методологической основы для всех информационных ресурсов государственной власти, в частности, стандартов, технологий, форматов и протоколов взаимодействия, обеспечения комплексной безопасности информационных ресурсов.

Цифровизация не могла не затронуть и способы взаимодействия субъектов налоговых отношений, вводя возможность осуществления документооборота между ними, получения консультации и передачи сведений в электронной форме посредством использования такого информационного ресурса, как «личный кабинет налогоплательщика», иных online сервисов, предоставляемых ФНС России, а также с использованием специальных приложений. Одним из способов цифровизации отношений налогоплательщиков и налоговых органов сегодня выступает налоговый мониторинг, который в соответствии с Налоговым Кодексом признается одной из форм налогового контроля. Налоговый мониторинг сегодня заключается в предоставлении налоговым органам online доступа к базам данным бухгалтерского и налогового учета, что позволяет инспекторам вместо проведения камеральных и выездных проверок контролировать расчет налогов в режиме реального времени. Документы и пояснения ИФНС может потребовать от организации в любое время [14].

В рамках Федерального проекта «Цифровое государственное управление» Федеральная налоговая служба планирует реализовать 8 направлений цифровизации налогового администрирования, среди которых можно выделить развитие удостоверяющего центра ФНС России (УЦ ФНС России), а дистанционного УЦ, в целях обеспечения юридически значимого документооборота юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и нотариусов для бесперебойного выпуска квалифицированной электронной подписи, а также в целях реализации возможности создания, хранения КЭП и обеспечение создания электронной подписи документов по поручению владельца при использовании онлайн-сервисов на официальном

сайте ФНС. Ответственным исполнителем данного направления выступает Управление информационной безопасности [15].

Остается по-прежнему актуальным вопрос обеспечения информационной безопасности в ходе интегрирования цифровых технологий в комплексную работу налоговой службы Российской Федерации. Так, в частности, переход на АИС «Налог-3» [9, с. 13]. Это информационная система Федеральной налоговой службы Российской Федерации, которая обеспечивает автоматизированную деятельность налоговой службы по всем выполняемым функциям, в соответствии с действующим налоговым законодательством. Указанная цифровая система была создана с целью повышения эффективности реализации полномочий и решения основных целей и задач налоговых органов. Система сумела обеспечить не просто открытость работы налоговых органов для налогоплательщика, но и упростить процедуры взаимодействия налогоплательщика с налоговой службой путем перевода указанных взаимоотношений в цифровое пространство.

Также система законодательно закрепила и регулирует создание единого информационного массива. Наибольшую опасность вызывает создание информационного ресурса «Досье налогоплательщика». Концентрация основных персональных данных в одном регистре требует особого внимания как со стороны служб информационной безопасности, так и со стороны сотрудников налоговой системы.

Новые технологии позволяют автоматизировать процессы налогового администрирования и контроля, налоговый орган получает большой объем информации о налогоплательщике, что неизбежно сопряжено с определенными рисками и требует особой нормативной и технологической защиты персональных данных со стороны налоговых органов использования усиленных стандартов защиты информации, сохранения режима налоговой тайны.

Внедрение прогрессивных цифровых форм работы, которые сопровождают процедуры профессиональной деятельности государственных органов, сегодня явились неотъемлемым элементом нынешних общественных отношений. Использование цифрового контента в работе органов государственной власти, их развитие и совершенствование существенно повысило

эффективность деятельности указанных органов. Это доказало, что создание полноценной экономической, политической и социальной основы государства и общества невозможно без создания эффективного правового института цифровых технологий, безусловно, только формирующегося.

Цифровые ресурсы в постиндустриальных странах активно привлекаются для обеспечения интересов государства, с одной стороны, и интересов личности – с другой. При этом важно осуществлять следующие меры: внедрять новые решения по мониторингу безопасности в реальном времени по мере развития цифровых технологий и использовать механизмы, полностью обособленные от человеческого фактора, которые обнаруживают или предотвращают опасную ситуацию и смягчают ее последствия; государственные органы должны регулярно повышать квалификацию госслужащих на предмет осведомленности о цифровой безопасности и обмена важной информацией; проводить

регулярную оценку рисков при обмене информацией; разработать единую Систему управления информационной безопасности государства. Она включает в себя планирование, процедурные, организационные, физические, технические и социальные решения, которые включают управление рисками информационных угроз и обязанности, определенные в нормативных актах. Данная система должна интегрировать методы оценки угроз уязвимости учреждений, методы управления рисками информационных угроз, методы обучения сотрудников учреждений государственного управления, методы выбора мер безопасности, методы аудита, методы интеграции системы менеджмента качества государственных услуг с системой менеджмента информационной безопасности, программы, включая практические советы для органов государственного управления в целях внедрения системы, направления сотрудничества, обмена опытом и передовой практикой между учреждениями.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст. 29 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть I) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 31.10.2019). Ст. 102. Налоговая тайна // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 (ред. от 01.08.2020) «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 08.07.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ ФНС РФ от 28.12.2010 № ММВ-7-6/773@ (утратил силу) // СПС «Гарант».

6. Приказ Минфина России от 05.11.2009 № 114. Об утверждении порядка постановки на учет, снятия с учета в налоговых органах российских организаций по месту нахождения их обособленных подразделений, принадлежащих им недвижимого имущества, транспортных

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020), art. 29 // LRS «ConsultantPlus».

2. Tax Code of the Russian Federation «Tax Code of the Russian Federation (part one)» dated July 31, 1998 № 146-FL (as amended on 09/29/2019, as amended on 10/31/2019) (as amended and supplemented, entered into force 2019) Art. 102. Tax secret // LRS «ConsultantPlus».

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.09.2004 № 506 (revised from 01.08.2020) «On approval of the Regulation on the Federal Tax Service» // LRS «ConsultantPlus».

4. Decree of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 № 313 (revised from 08.07.2020) «On approval of the state program of the Russian Federation» Information Society // LRS «ConsultantPlus».

5. Order of the Federal Tax Service of the Russian Federation of December 28, 2010 № ММВ-7-6/773 @ (invalidated) // LRS «Garant».

6. Order of the Ministry of Finance of Russia dated 05.11.2009 № 114. On approval of the procedure for registering, deregistering with the tax

---

средств, физических лиц, а также индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения на основе патента // СПС «КонсультантПлюс».

7. Приказ ФНС России от 13.01.2012 № ММВ-7-4/6 @ «Об утверждении Концепции информационной безопасности Федеральной налоговой службы» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приказ ФНС России от 13.01.2012 № ММВ-7-4/6@ «Об утверждении Концепции информационной безопасности Федеральной налоговой службы» // СПС «Гарант».

9. Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах».

10. Приказ Федеральной налоговой службы от 14.03.2016 № ММВ-7-12/134@ «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС “Налог-3”)» // СПС «Гарант».

11. Федеральный закон от 17.12.2009 № 318-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Приказ ФНС России от 13.01.2012 № ММВ-7-4/6@ «Об утверждении Концепции информационной безопасности Федеральной налоговой службы» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

14. Письмо ФНС от 17.12.2014 № ЕД-4-2/26194 // СПС «КонсультантПлюс».

15. План деятельности ФНС России на 2021 год (утв. Минфином России 19.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Nowak T.W. et al., Verticals in 5G MEC-Use Cases and Security Challenges, in IEEE Access, vol. 9, 2021, doi: 10.1109/ACCESS.2021.3088374.

authorities of Russian organizations at the location of their separate subdivisions, their real estate, vehicles, individuals, as well as individual entrepreneurs applying the simplified system of taxation based on a patent // LRS «ConsultantPlus».

7. Order of the Federal Tax Service of Russia dated 13.01.2012 № ММВ-7-4/6@ «On Approval of the Concept of Information Security of the Federal Tax Service» // LRS «ConsultantPlus».

8. Order of the Federal Tax Service of Russia dated January 13, 2012 № ММВ-7-4/6@ «On Approval of the Concept of Information Security of the Federal Tax Service» // LRS «Garant».

9. Order of the Government of the Russian Federation of 25.10.2005 № 1789-r (revised from 10.03.2009) «On the Concept of Administrative Reform in the Russian Federation in 2006–2010».

10. Order of the Federal Tax Service of March 14, 2016 № ММВ-7-12/134@ «On Approval of the Regulations on the Automated Information System of the Federal Tax Service (AIS “Tax-3”)» // LRS «Garant».

11. Federal Law of 17.12.2009 № 318-FL «On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

12. Federal Law of 27.07.2006 № 149-FL (as amended on 03.04.2020) «On information, information technology and information protection»; Order of the Federal Tax Service of Russia of 13.01.2012 № ММВ-7-4/6@ «On Approval of the Concept of Information Security of the Federal Tax Service» // LRS «ConsultantPlus».

13. Federal Law «On Commercial Secrets» dated July 29, 2004 № 98-FL // LRS «Consultant Plus».

14. Letter of the Federal Tax Service dated 17.12.2014 № ED-4-2/26194 // LRS «ConsultantPlus».

15. Plan of activities of the Federal Tax Service of Russia for 2021 (approved by the Ministry of Finance of Russia 02.19.2021) // LRS «ConsultantPlus».

16. Nowak T.W. et al., Verticals in 5G MEC-Use Cases and Security Challenges, in IEEE Access, vol. 9, 2021, doi: 10.1109/ACCESS.2021.3088374.

Усова Юлия Викторовна
Usova Yuliya Viktorovna

профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Пятигорского государственного университета доктор политических наук, профессор.

Professor of the Department of International Relations, Political Science and World Economy of Pyatigorsk State University, Doctor of Political Sciences, Professor.
E-mail: usova_yv@mail.ru

Куцаенко Екатерина Игоревна
Kutsaenko Ekaterina Igorevna

старший преподаватель кафедры информационно-коммуникационных технологий, математики и информационной безопасности Пятигорского государственного университета.

Senior Lecturer of the Department of Information and Communication Technologies, Mathematics and Information Security of Pyatigorsk State University.
E-mail: kutsaenkoei@gmail.com

**РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
С СОЦИАЛЬНЫМИ МЕДИА**

Development of strategies for interaction of political elites with social media

Распространение социальных медиа заставляет элиты корректировать свои стратегии взаимодействия с ними с целью защиты информационных привилегий, что актуализирует исследования, посвященные данным процессам. В своей работе, опирающейся на положения современной теории политической коммуникации и теории медиатизации политики, авторы приходят к выводу, что сегодня можно выделить три поколения стратегий, применяемых элитами для снижения информационных угроз, исходящих от социальных медиа: первое поколение – деактивация социальных медиа, второе поколение – выборочная цензура постов, третье поколение – кооптация возможностей социальных медиа. Доказательством адаптации стратегий третьего поколения служит, в частности, использование элитами возможностей социальных медиа для политической контрмобилизации (например, для организации прорегимных митингов) и имитации широкой общественной поддержки, так называемого онлайн-астротурфинга.

Ключевые слова: элита, социальные медиа, политическая коммуникация, медиатизация политики, цензура, политическая мобилизация, политическая контрмобилизация, онлайн-астротурфинг.

The spread of social media forces elites to adjust their strategies of interaction with them in order to protect information privileges, which is updated by research on these processes. In this work, based on the provisions of the modern theory of political communication and the theory of mediatization of politics, the authors conclude that today three generations of strategies used by elites to reduce information threats emanating from social media can be distinguished the following ways: the first generation is the deactivation of social media, the second generation is a selective censorship of posts, the third generation is the co-optation of social media opportunities. Proof of the adaptation of third-generation strategies is, in particular, the use of social media opportunities by elites for political counter-mobilization (for example, for organizing pro-regime rallies) and imitation of broad public support, the so-called online astroturfing.

Keywords: elite, social media, political communication, mediatization of politics, censorship, political mobilization, political counter-mobilization, online astroturfing.

Первые работы, посвященные политологическому осмыслению социальных медиа, концентрировались на возможностях, которые открывались перед оппозицией в условиях резкой дестабилизации политической обстановки. Авторы этих работ, в частности, под-

черкивали, что посредством социальных медиа оппозиции удастся повышать уровень информированности граждан и более эффективно организовывать акции протеста. Так, З. Туфекчи и К. Уилсон, опросив участников протестов на каирской площади Тахрир,

---

показали, что социальные медиа стали для них источником информации, оказавшим важное влияние на принятие индивидуальных решений присоединиться к массовым акциям, на логику и успешность таких акций. Большинство из тех, кто принимал участие в тех протестах, узнавали о месте и времени их проведения, их результатах через межличностные коммуникации, используя Facebook [1, p. 363].

Однако оппозиция – это не единственный актор, который использует социальные медиа в политических целях, а острый политический кризис – не единственное время, когда они могут быть эффективно задействованы. Сегодня граждане ежедневно общаются друг с другом посредством социальных медиа, поэтому политические элиты заинтересованы в том, чтобы установить над ними контроль, структурировать ведущиеся в них дискуссии, исходя из своих собственных политических соображений [2, с. 311]. Как справедливо замечает С. Гунитски, социальные медиа становятся для политических элит не столько проблемой, препятствующей их правлению, сколько еще одним потенциальным средством для сохранения выгодного им политического режима [3, p. 42]. Развитие социальных медиа заставляет элиты корректировать свои коммуникационные стратегии с целью защиты своих информационных привилегий. Параллельно возрастает актуальность научных исследований, посвященных соответствующим процессам.

Цель работы заключается в исследовании стратегий взаимодействия политических элит, стремящихся сохранить свои информационные привилегии, с социальными медиа.

Для реализации поставленной цели использовались следующие теоретико-методологические инструменты: положения классического элитизма, современной теории политической коммуникации (Г. Волфсфельд) [4] и теории медиатизации политики (Й. Стрембэк и Ф. Эссер) [5], а также такие методы научного познания, как классификация, анализ конкретных случаев, контент-анализ новостных сообщений и аккаунтов социальных медиа.

На настоящий момент можно выделить три поколения стратегий политических элит по снижению угроз, порождаемых социальными медиа: первое поколение – деактивация социальных медиа; второе поколение – выборочная цензура постов; третье поколение – кооптация возможностей социальных медиа.

Стратегии первого поколения сконцентрированы на ограничении доступа к социальным медиа, на их полной блокировке. Попытки блокировки социальных медиа предпринимаются в самых различных случаях: когда они широко используются для антирежимной пропаганды, когда возникают угрозы национальной безопасности, имиджу политических лидеров, культурной и религиозной морали [6, p. 216] и пр. В июне 2016 г. в Турции были внесены изменения в законодательство, давшие Управлению по информации и коммуникационным технологиям право в военное время или в случае угроз национальной безопасности частично или полностью блокировать доступ к интернет-ресурсам без согласования с другими правительственными органами. Уже в августе, в ночь с 25 на 26, опираясь на данное законодательство, надзорный орган заблокировал примерно на 7 часов доступ к таким популярным социальным медиа, как Facebook, Twitter, YouTube, чтобы помешать распространению негативной информации о начавшейся днем ранее операции «Щит Евфрата», предполагавшей введение турецких вооруженных сил на север Сирии с целью разрушения так называемого курдского коридора от Ирака к Средиземному морю. В ноябре 2019 г. во время одного из наступлений турецкой армии на севере Сирии на курдских ополченцев провайдер Turk Telekom, частично принадлежащий правительству, заблокировал на 48 часов доступ жителей трех южных областей, Газиантепа, Шанлыурфы и Хатая, к популярным социальным медиа. В феврале 2020 г., как только стало известно о гибели более 30 военнослужащих в Сирии, Турция при помощи Turk Telekom и других ведущих провайдеров вновь заблокировала доступ граждан к социальным медиа более чем на 16 часов [7].

Стратегии второго поколения подразумевают уже не простую блокировку социальных медиа, а цензуру некоторых типов информации, размещаемой пользователями. Г. Кинг, Д. Пан и М. Робертс, проанализировав миллионы постов в доступных для китайских граждан социальных медиа, установили, что китайская элита предпринимает наиболее масштабные усилия по выборочной цензуре высказываний и мнений. В Китае, как они показывают, цензуре подвергаются не столько посты с критикой государства, лидеров или

проводимой политики, сколько посты, призывающие к политической мобилизации. Большая часть государственных программ цензуры направлена на то, чтобы предотвратить коллективные действия, которые могут иметь место в самое ближайшее время или в более отдаленное будущее [8]. Стратегии первого и второго поколения довольно сильно отличаются друг от друга как по технической сложности своей реализации, так и по своей эффективности. Полная блокировка социальных медиа применяется многими элитами по всему миру. Однако, как показывает египетский случай, использование такой стратегии может привести к противоположным результатам. Блокировка социальных медиа в ходе народных восстаний 2011 г., предпринятая правительством Х. Мубарака, привела не к спаду, а, наоборот, к усилению революционной мобилизации [9; 10]. Таргетированная же цензура определенного типа постов, в частности, тех, что призывают к коллективным действиям, может быть более эффективной, однако она доступна не всем правительствам [11, p. 819]. По мнению Д. Пан, такая стратегия в полном объеме доступна только Китаю и Ирану, поскольку на их интернет-рынках доминируют отечественные компании [12, p. 170]. В других государствах, например, в Венесуэле, ведущую роль в этой сфере играют американские или мультинациональные компании, которым нельзя просто так диктовать условия ведения бизнеса и навязывать правила размещения постов.

Стратегии третьего поколения заключаются в кооптации политическими элитами предоставляемых социальными медиа возможностей. Участвовавшие случаи использования социальных медиа для распространения антирежимной информации и призывов к протестной активности заставили элиты найти способы для их блокировки и цензуры. Параллельно с работой по сокращению информационного воздействия социальных медиа политические элиты взяли на вооружение и другие методы. В последние несколько лет наблюдаются постоянно усиливающиеся тенденции использования политическими элитами всех возможностей социальных медиа в своих собственных политических интересах, а также в целях сохранения режимной стабильности. Сегодня с помощью социальных медиа они

легко собирают ранее труднодоступную информацию о характере и объемах общественного недовольства, отслеживают переписку и круг контактов представителей оппозиции, формируют общественный дискурс, способствующий легитимизации режима, а также мобилизуют сторонников, составляющих их базу социальной поддержки. В результате реактивные стратегии блокировки и цензуры дополняются проактивными стратегиями кооптации возможностей социальных медиа, предполагающими их широкое использование для выполнения целого спектра функций в интересах сформированного режима.

Об адаптации стратегий третьего поколения говорят факты использования элитами возможностей социальных медиа для политической контрмобилизации и для онлайн-астротурфинга. Если оппозиционные лидеры эксплуатируют социальные медиа для устранения препятствий к коллективным действиям и призывам к протестам, то элиты – для организации митингов своих сторонников, которые должны продемонстрировать мощную общественную поддержку, другими словами, так называемой контрмобилизации. Через социальные медиа осуществляется расширение аудитории контрмобилизации: участниками прорежимных митингов становятся не только лица, состоящие в различных клиент-патронских отношениях с представителями элиты, но и обычные граждане, мотивированные патриотизмом, идеологией, экономическими успехами, укреплением национальной безопасности, обсуждаемыми на страницах, которые контролируют власти. Как показывает практика, контрмобилизация, чаще всего проявляющаяся в проведении прорежимных митингов, позволяет политическим элитам противостоять кросс-национальной диффузии антирежимных движений, а также удерживать оппозицию от крайних форм протестной активности [13, p. 78–81].

Социальные медиа используются элитами не только для мобилизации своих сторонников, но и для имитации широкой общественной поддержки онлайн-астротурфинга. В политологии под онлайн-астротурфингом понимается деятельность политического актора, направленная на создание искусственной общественной поддержки, позволяющей скрыть реальное положение дел. В пространстве социальных медиа подобное достигается через

искусственное увеличение числа подписчиков, просмотров, лайков и комментариев определенных аккаунтов, для чего привлекаются «коммерческие сторонники» и создаются «марионетки», профили не существующих в реальной жизни людей. Как правило, часть процесса применения «марионеток» автоматизирована: ложные профили создаются вручную, но впоследствии обслуживаются ботами.

С момента свержения президента О. аль-Башира в апреле 2019 г. суданские военные, захватившие власть в стране, активно применяли онлайн-астротурфинг, пытаясь легитимизировать свое правление.

В июне 2019 г., спустя несколько дней после подавления продемократических протестов, две компании с практически идентичным названием, египетская New Wave и эмиратская Newave, видимо, по договоренности с новыми суданскими руководителями начали размещать сообщения в разнообразных социальных медиа, восхваляющие установившееся в Судане военное правление.

Львиная их доля содержала идею, что порядок в сложившихся условиях могут обеспечить только военные, тогда как все недовольные подобным сеют хаос, требуя опасного и преждевременного возвращения к гражданскому правлению. При этом в этих сообщениях поднимались близкие темы для дискуссии, маркировавшиеся одинаковыми хэштегами. Как выяснилось впоследствии, руководство

указанных компаний обещало платить по 180 долларов в месяц сотрудничающим с ними людям за создание фейковых аккаунтов и последующее их использование для преувеличения общественной поддержки суданского военного режима. Только в Facebook, согласно заявлению его представителей, компаниям New Wave и Newave удалось создать более 360 ложных аккаунтов, охватывающих собой почти 14 млн человек как в самом Судане, так и за его пределами [14].

Можно выделить две реактивные стратегии взаимодействия политической элиты с социальными медиа: полная блокировка ресурса и цензура отдельных постов. В последнее время к ним добавились и стратегии кооптации возможностей социальных медиа, предполагающие широкую эксплуатацию политическими элитами этих коммуникационных каналов для реализации и защиты своих политических интересов. Социальные медиа используются политическими элитами для контрмобилизации, для организации прорежимных митингов, позволяющих удерживать оппозицию от крайних форм протестной активности. Вместе с тем социальные медиа используются и для имитации широкой общественной поддержки, онлайн-астротурфинга, заключающегося в искусственном увеличении числа подписчиков, просмотров, лайков и комментариев на подконтрольных аккаунтах.

Литература

1. Tufekci Z., Wilson C. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square // *Journal of Communication*. Vol. 62. 2012. № 2.
2. Ключников Д.Д. Особенности социальных медиа в современных политических процессах // *Социально-гуманитарные знания*. 2021. № 1.
3. Gunitsky S. Corrupting the Cyber-Commons: Social Media as a Tool of Autocratic Stability // *Perspectives on Politics*. Vol. 13. 2015. № 1.
4. Wolfsfeld G. *Making Sense of Media and Politics: Five Principles in Political Communication*. Abingdon, 2011.
5. Stromback J., Esser F. *Mediatization of Politics: Towards a Theoretical Framework* //

Bibliography

1. Tufekci Z., Wilson C. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*. Vol. 62. 2012. № 2.
2. Kliuchnikov D.D. Some Features of Social Media in Modern Political Processes. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2021. № 1.
3. Gunitsky S. Corrupting the Cyber-Commons: Social Media as a Tool of Autocratic Stability. *Perspectives on Politics*. Vol. 13. 2015. № 1.
4. Wolfsfeld G. *Making Sense of Media and Politics: Five Principles in Political Communication*. Abingdon, 2011.
5. Stromback J., Esser F. *Mediatization of Politics: Towards a Theoretical Framework*. In F. Esser, J. Stromback (eds). *Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western*

Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies / Ed. by F. Esser, J. Stromback. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.

6. Howard P.N., Agarwal S.D., Hussain M.M. When Do States Disconnect Their Digital Networks? Regime Responses to the Political Uses of Social Media // *The Communication Review*. Vol. 14. 2011. № 3.

7. URL: <https://netblocks.org/reports/social-media-blocked-in-turkey-as-idlib-military-crisis-escalates-r8VWGXA5>.

8. King G., Pan J., Roberts M.E. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression // *American Political Science Review*. Vol. 107. 2013. № 2.

9. Hassanpour N. Media Disruption and Revolutionary Unrest: Evidence from Mubarak's Quasi-Experiment // *Political Communication*. Vol. 31. 2014. № 1.

10. Сургуладзе В.Ш. Социальные медиа – инструмент социально-политической дестабилизации общества: уроки, тенденции, перспективы // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020. № 1.

11. Munger K. et al. Elites Tweet to Get Feet Off the Streets: Measuring Regime Social Media Strategies During Protest // *Political Science Research and Methods*. Vol. 7. 2019. № 4.

12. Pan J. How Market Dynamics of Domestic and Foreign Social Media Firms Shape Strategies of Internet Censorship // *Problems of Post-Communism*. Vol. 64. 2017. № 3–4.

13. Hellmeier S., Weidmann N.B. Pulling the Strings? The Strategic Use of Pro-Government Mobilization in Authoritarian Regimes // *Comparative Political Studies*. Vol. 53. 2020. № 1.

14. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/06/world/middleeast/sudan-social-media.html>.

Democracies. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2014.

6. Howard P.N., Agarwal S.D., Hussain M.M. When Do States Disconnect Their Digital Networks? Regime Responses to the Political Uses of Social Media. *The Communication Review*. Vol. 14. 2011. № 3.

7. URL: <https://netblocks.org/reports/social-media-blocked-in-turkey-as-idlib-military-crisis-escalates-r8VWGXA5>.

8. King G., Pan J., Roberts M.E. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression. *American Political Science Review*. Vol. 107. 2013. № 2.

9. Hassanpour N. Media Disruption and Revolutionary Unrest: Evidence from Mubarak's Quasi-Experiment. *Political Communication*. Vol. 31. 2014. № 1.

10. Surguladze V.Sh. Social Media as a Tool Socio-Political Destabilisation of Society: Lessons, Trends, Prospects. *Humanities and Social Science. Bulletin of the Financial University*. 2020. № 10.

11. Munger K. et al. Elites Tweet to Get Feet Off the Streets: Measuring Regime Social Media Strategies During Protest. *Political Science Research and Methods*. Vol. 7. 2019. № 4.

12. Pan J. How Market Dynamics of Domestic and Foreign Social Media Firms Shape Strategies of Internet Censorship. *Problems of Post-Communism*. Vol. 64. 2017. № 3–4.

13. Hellmeier S., Weidmann N.B. Pulling the Strings? The Strategic Use of Pro-Government Mobilization in Authoritarian Regimes. *Comparative Political Studies*. Vol. 53. 2020. № 1.

14. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/06/world/middleeast/sudan-social-media.html>.

Лихтер Павел Леонидович
Likhter Pavel Leonidovich

доцент кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета
кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Private and Public Law of the Penza State University, PhD in Law.
E-mail: lixter@mail.ru

АНТИЧНАЯ ЭСТЕТИКА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Antique aesthetics and methodological holism in legal science

Поиск эстетических оснований при моделировании нормативных актов позволяет понять право как цельное явление, выражающее требования определенной стадии развития государства. Взгляд в прошлое поможет приблизиться к холистическому мировосприятию, в котором все связано, но целое всегда больше части. Такой подход не свойственен современному миру с его последовательным отчуждением и отделением человека от природы, человека от труда, человека от общества, человека от человека. Переоценка ценностей, актуальные вызовы в системе «человек-государство» требуют от юридической науки новых инструментов осмысления сущностных проблем права.

Ключевые слова: холизм, эстетика, досократики, Платон, методология права, конституционное моделирование.

The search for aesthetic foundations in the modeling of constitutional acts allows us to understand law as an integral phenomenon expressing the requirements of a certain stage of state development. A look into the past will help to get closer to a holistic worldview, in which everything is connected, but the whole is always more than a part. Such approach is not characteristic of the modern world with its consistent alienation and separation - man from nature, man from labor, man from society, man from man. The reassessment of values, the actual challenges in the «person-state» system require from legal science new tools for understanding the essential problems of law.

Keywords: holism, aesthetics, pre-Socratics, Plato, methodology of law, constitutional modeling.

Принято приравнивать эстетические проблемы юриспруденции к вопросам стиля, адекватности формы закрепления в норме границ дозволенного поведения. Но можно понимать эстетику и в более широком смысле – как методологическую основу взвешивания ценностей и принципов права с точки зрения определенных целей. В этом случае выделяется два аспекта эстетики:

- 1) формальный – качество и адекватность юридического текста;
- 2) содержательный – методология выстраивания ценностей и адекватности из отражения в реальных правоотношениях.

Эстетическая составляющая нормативно-регулирующего обладает значением еще и потому, что с ее помощью расширяется правовое воздействие, в том числе за счет перемещения фокуса на субъект отношений, на его восприятие текста формализованного акта (рецептивная эстетика). Эстетические модифика-

ции систематизируют и облегчают понимание информации субъектами правоотношений. Образы нагляднее и целостнее передают суть явлений, снижая вероятность искажения информации в коммуникативных процессах.

Первой эстетической теорией европейской цивилизации была числовая гармония пифагорейцев. Суть ее заключалась в мышлении о пропорциях реальных и идеальных объектов не механически, но органически; восприятию их как *нечто целого*. Для досократиков свойственна чрезвычайно интенсивная интуиция универсальной упорядоченности и структурности, пронизывающей все элементы бытия [1, с. 349]. Позднее подобное мировосприятие будет классифицировано как холизм (от древнегреч. «ὅλος» – целый, цельный).

Второй важный аспект эстетического познания у досократиков связан с вопросом, поставленным в свое время Парменидом о том, что неустойчивые ощущения не могут стать

основой понимания окружающего мира; для фиксации и конституирования его элементов требуются рациональные усилия.

Важное достижение элеатов для науки нашего времени связано с провозглашением недопустимости постоянного разъединения и дробления. Элеаты отрицали множественность, предполагающую изоляцию ее составных частей. Знаменитые апории Зенона можно понимать и в том смысле, что нельзя пройти путь, разделенный на автономные отрезки. Потому Ахилл не может догнать черепаху, что его целый путь был разделен на отдельные куски без достаточных к тому оснований. В ряде подобных апорий («летающая стрела», «дихотомия») можно увидеть предостережение от чрезмерного увлечения анализом и другими дедуктивными методами познания.

По теории Гераклита, основой эстетического является логос, находящий воплощение в соразмерных и ритмичных движениях, которые наблюдаются как в природе, так и в сфере общественных отношений. «Расходящееся сходится, и из различных [тонов] образуется прекраснейшая гармония, и все возникает через борьбу» [2, с. 8]. Все здесь воспринимается как совокупность разнонаправленных противоположностей, но эта совокупность, сохраняющая единство. Так Гераклитом вводятся важные эстетические категории периодических мер и *гармонии целого*.

Восприятие прекрасного у древних греков менялось со временем, порождая новые мировоззренческие концепции. В период Сократа и софистов происходит первый «антропологический поворот», определенный отказ от уравновешенной и соразмерной космологии. Однако Платон возвращает прекрасное в центр внимания, делая важный шаг вперед – фокусируясь на каталоге насыщенных эстетических принципов в душе человека и в обществе, не только в природе. Особенностью понимания Платоном красоты в обществе является иерархичность эстетического сознания, предполагающая нисхождение от вечных эйдосов к объектам окружающего мира. Этот переход имеет важнейшее значение для эстетической составляющей конституционно-правового моделирования. Правовые институты, явления и факты подлежат сравнению с эйдосами высших принципов справедливости и блага, соответственно, всякий объект правоотношений

приобретает некую ценность. Следовательно, такой объект неизбежно предполагает оценку.

По мнению А.Ф. Лосева, «эстетический принцип у Платона есть неразличимый синтез внутреннего и внешнего, а значит, субъективного и объективного, данный в виде одухотворенной структуры, в которой также неразлично совпадает идея и материя и, в частности, разумность и удовольствие, а также чисто созерцательная ценность и производственно-жизненная утилитарность» [3, с. 327]. В подобной перспективе следует предположить многоуровневое функционирование данного синтеза, на предельной стадии которого материя истончается до степени смешения с идеей, а идея материализуется до полного растворения в материи. Вот почему совершенно несправедливыми выглядят обвинения Аристотеля по отношению к Платону в операции по «удвоению мира». Для Платона мир един, просто эстетика так называемого феноменального мира, который дается нам в виде хаотического потока восприятий, требует некой эстетической основы и упорядоченности.

Платон много места уделяет различным видам искусства в своих сочинениях, однако высшим считает не рисование или музыку, но совершенствование государственного устройства: «дело в том, что гражданину достаточно владеть тем искусством, которое одновременно нуждается в упражнении и во многих познаниях, это – умение поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство. Гражданин не может этим заниматься так, между прочим» [4, с. 301]. Далее он уточняет, что «истинное искусство государственного правления печется не о частных, но об общих интересах – ведь эта общность связует, частные же интересы разрывают государство – и что как для того, так и для другого, т. е. для общего и для частного, полезно, если общее устроено лучше, чем частное» [4, с. 332].

Таким образом, высшей формой искусства, по Платону, выступает конструирование государственных институтов с учетом оптимального баланса частного и общего, устроенное с помощью холистической методологии.

Платон выделяет несколько эстетических модификаций (глубинных связей идеи и образа), которые имеют значение применительно к общественным отношениям:

- 1) мера;

- 2) число;
- 3) ритм;
- 4) гармония;
- 5) соразмерность.

Перечисленным модификациям посвящено несколько диалогов философа. Важное рассуждение по вопросу меры содержится в «Политике»: «...если относить природу большего только к меньшему, то мы никогда не найдем его отношения к умеренному, не так ли? Но таким образом не погубим ли мы и сами искусства, а, заодно, не уничтожим ли мы и политику, и ткацкое искусство, о котором шла речь? Ведь все они остерегаются того, что превышает умеренное или меньше него: сохраняя меру, они совершают все благое и прекрасное» [5, с. 35–36]. Исследование этого отрывка позволяет сделать вывод о том, что категория меры применима не только для геометрических или математических измерений, но и для тех ситуаций, когда объекты подлежат измерению с точки зрения их подлинной сущности или назначения. Так происходит разделение всех объектов или явлений на две категории: нейтральные и аксиологизированные, т. е. имеющие значение для определенной сферы общественных отношений (например, для торговли или юриспруденции).

Термины «мера» и «соразмерность» используются Платоном как противоположность всему хаотическому и небытийственному. В «Законах» содержатся следующие слова: «какой же образ действий любезен и соответствует богу? Только один: подобное любезно подобному, если оно сохраняет меру; несообразные же вещи не любезны как друг другу, так и вещам соразмерным» [4, с. 168]. И, наоборот, в «Софисте» указано: «безобразия есть ли что-нибудь иное, как не род несообразности (греч. «αμετρία»), везде лишенный вида? Никоим образом не иное» [6, с. 290]. Для Платона основой эстетических модификаций, связанных с категорией меры, становится «золотая середина», для которой губительны как недостаток, так и избыток. В продолжение этой мысли Платон формулирует следующую максиму, заигравшую новыми красками в эпоху нейромаркетинга, культа брендов и других проявлений общества потребления: «в целом мире нельзя найти ничего столь неумеренного по природе как наслаждение и буйная радость, и ничего столь проникнутого

мерой, как ум и знание» [7, с. 76]. Из этого отрывка можно сделать вывод о том, что соразмерность представляет собой единство ума (отражающего беспредельные вечные идеи) и удовольствия (отражающего предельные чувства). Принципами объединения рационального и чувственного, по Платону, выступает соразмерность красоты и справедливости.

Таким образом, категория «соразмерности» имеет важную холистическую направленность: она объединяет разум и удовольствие, беспредельное и конечное, идеальное и реальное, объективное и субъективное в одно целое. Именно этот индуктивный процесс А.Ф. Лосев называет «принципом соразмерности и прекрасного» [3, с. 451]. Особое значение для конституционного права имеет понимание красоты в «Филебе» как нераздельное единство внутреннего и внешнего. В теории конституционного регулирования соотношение идеальных ценностей и воплощенных в реальном мире институтов государства и права остается центральным вопросом доктринального и прикладного изучения. Соответственно в платонической перспективе основной задачей науки о праве является исследование и корректировка аксиологического разрыва между провозглашенными в законах идеями и сложившимися в реальности государственными институтами. Преодоление подобного разрыва предполагается с помощью ряда эстетических модификаций, привнесенных в гносеологию права.

Одной из таких модификацией у Платона выступает тот вид гармонии прекрасного, рассуждения о которой касаются согласия в душе отдельного человека и мега-душе целого государства. Расстройство же их из-за чрезмерной плеонексии влечет соответственно личную и конституционную деградацию. «Всего справедливее было бы назвать самой большой мудростью прекраснейшую и величайшую гармонию. Ей причастен тот, кто живет сообразно с разумом, а кто ее лишен, тот разрушитель своего дома и никогда не будет спасителем государства, но как невежда вечно все будет делать наоборот» [4, с. 141]. В описании гармонии души развиваться методологический холизм, ведь душа представляет собой единство противоположностей, которые неизбежно связаны с целым и соприсутствуют друг в друге.

Так с помощью холизма в теории идеального государства у Платона неразрывно переплетаются гармония и справедливость: «мы еще вначале, когда основывали государство, установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так вот это целое и есть справедливость или какая-то ее разновидность» [8, с. 204]. Когда Платон проповедует гармонию, сложно проследить переход от эстетической теории к этической. Для него справедливость («δικαιοσύνη») а priori является разновидностью гармонии и мерности. Ведь именно с помощью справедливости достигается равновесие трех основных добродетелей человека как животного политического «ζῷον πολιτικόν»: мудрость, мужество и умеренность.

Для Платона этика как учение о добродетелях является частью эстетики, т. к. идеальное поведение человека неизбежно совершенно, а, следовательно, прекрасно. Платон, описывая идеального человека, часто возвращается к каталогу добродетелей и неоднократно наделяет их такими характеристиками, как соразмерность, целостность, гармония, музыкальность. Вот почему учение Платона о внутренней жизни человека следует называть эстетикой.

Эстетика Платона неразрывно связана с его этикой – с одной стороны, и его теорией справедливости, с другой. Платон всегда ставит прекрасное рядом с благим и справедливым. В диалоге «Филеб» древнегреческий мыслитель выстраивает следующую иерархию верховных идей: если мы не можем удержать благо в одной единственной идее, то можем подвести его под три идеи: идеи прекрасного, пропорции и справедливости. С этой точки зрения прекрасное становится сестрой справедливости и пропорциональности, но все они остаются дочерями блага. Другими словами, благо – это субстанция, а прекрасное, соразмерность и справедливость – его атрибуты.

Внимание современной юриспруденции к описанной выше эстетике поможет расширить восприятие институтов права за счет приближения к их сущности (эйдосам). Что потенциально обладает инструментальным значением, в том числе, для разрешения коллизии ряда противоречивых конституционных принципов. При определенной степени отвлечения все конституционно-правовые нормы и конструкции подлежат оценке через призму эстетиче-

ских категорий – простота, соразмерность, стройность и др. Основной целью такой оценки с точки зрения объективного идеализма будет установление адекватности формы воплощения определенной конституционно-правовой идеи.

Как мы видим, эстетические модификации в античности имеют очевидную холистическую и индуктивную направленность. Обратный процесс происходит в эпоху потребления, где он связан с последовательным отчуждением – человека от труда и человека от общества. Здесь следует поставить вопрос о различии в базовой методологии миропонимания – для античного восприятия свойственно сопряжение ряда сфер, которые современный человек привык рассматривать автономно. Так, человек в Древней Греции еще не провозглашен «венцом природы», не выделяет себя из окружающей среды, но воспринимается ее частью. И если, начиная с Нового времени целью человечества было подчинение природы, то античная философия выросла из интереса к пониманию природы как таковой и осознанию места в ней индивида и социальных институтов. Подобная концепция сохраняет актуальность в условиях глобальных вызовов современности и, следовательно, при поиске оптимальной модели конституционного развития.

Методологический холизм в свете античного подхода к эстетике может обладать инструментальным значением при построении целостного мировоззрения для ряда сфер. Преимущество холизма как методологии для права состоит в следующем:

- 1) возможность многоуровневого применения (от разрешения конкретных судебных дел до изучения целых правовых систем);
- 2) системность и иерархичность моделей исследования (возможность построения правовых норм и ценностей по степени их значимости для развития общества);
- 3) конгруэнтность юридической науки (терминологии и др.) при разнообразии объектов регулирования;
- 4) интегративность [9, с. 35].

Особым значением для современной юридической науки обладают такие признаки холистической методологии, как приоритет общественных интересов над индивидуальными и отказ от узкоотраслевого решения проблем

правового противодействия глобальным рискам. Эстетика в таком случае помогает сохранять целостный фокус наблюдателя, что, в свою очередь, необходимо для оптимально-

го структурирования элементов правовой системы, которые могли изначально представляться автономными.

Литература

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики в 8 т. Т. 1. М., 2000.
2. Гераклит. Фрагменты. Цит. по: Маковельский А. Досократики. Минск, 1999.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики в 8 т. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон. М., 2000.
4. Платон. Законы // Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М., 1990–1994.
5. Платон. Политик // Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М., 1990–1994.
6. Платон. Софист // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., 1990–1994.
7. Платон. Филеб // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., 1990–1994.
8. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., 1990–1994.
9. Лихтер П.Л. Холизм Платона и конституционно-правовая аксиология. М., 2019.

Bibliography

1. Losev A.F. History of antique aesthetics in 8 volumes. Vol. 1. Moscow, 2000.
2. Heraclitus. Fragments. Cit. Quoted from: A. Makovelsky. Pre-sokratiki. Minsk, 1999.
3. Losev A.F. History of ancient aesthetics in 8 volumes. Vol. 2. The Sophists. Socrates. Plato. Moscow, 2000.
4. Plato. Laws // Collected works in 4 volumes. Vol. 4. Moscow, 1990–1994.
5. Plato. Politician // Collected works in 4 volumes. Vol. 4. Moscow, 1990–1994.
6. Plato. Sophist // Collected works in 4 volumes. Vol. 2. Moscow, 1990–1994.
7. Plato. Fileb // Collected works in 4 volumes. Vol. 3. Moscow, 1990–1994.
8. Plato. Republic // Collected works in 4 volumes. Vol. 3. Moscow, 1990–1994.
9. Likhter P.L. Plato's holism and constitutional axiology. Moscow, 2019.

Абисова Кристина Сергеевна
Abisova Kristina Sergeevna

преподаватель-методист группы профессионального обучения учебного отдела Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России.

Lecturer-methodologist of professional training group of the training department of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, post-graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: abisova@inbox.ru

О НЕСИСТЕМНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Antique aesthetics and methodological cholism in legal science

В статье анализируется качество законодательства Российской Федерации в сфере противодействия террористической деятельности с точки зрения его системности. Автор рассматривает конкретные аспекты несистемности законодательства посредством анализа положений Федерального Закона от 06.04.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, законодательство, террористическая деятельность, противодействие, системность, совершенствование.

The article analyzes the quality of the legislation of the Russian Federation in respect of counter-terrorist activities from the point of view of its systemacity. The author considers specific aspects of the non-systemic legislation through the analysis of the regulations of the Federal Law of 06.04.2006 № 35-FL «On Counter-Terrorism» and the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Criminal Code, legislation, terrorist activity, counteraction, systemacy, development.

Совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов именуется системой, согласно постулатам базовой аксиоматики, мир выразим в понятиях системного представления. Законодательство, являясь неотъемлемым элементом жизнеобеспечения общества, обязано быть сформировано согласно принципу системности, который предполагает внутреннюю согласованность всех положений, норм и институтов, отсутствие коллизий и несоответствий между ними. Законодательное регулирование общественных отношений путем установления уголовной ответственности должно носить системный характер и быть взаимосвязанным не только в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ), но и по отношению к базовому закону.

Законодательство в сфере противодействия террористической деятельности является наглядным примером отсутствия системного подхода как на стадии принятия законодательства, так и на стадии внесения изменений и

дополнений. Например, согласно данным статистического исследования динамики законодательства, Уголовный кодекс, являясь единственным нормативным актом, устанавливающим преступность и наказуемость деяний на территории Российской Федерации, показывает позитивную динамику в сторону увеличения количества изменений. Средний срок стабильности (условный период, в течение которого не вносятся изменения) Уголовного кодекса в период с 31.12.2010 по 31.12.2020 составил 39 дней, что во временной проекции составляет: на 31.12.2010 – 54 дня стабильности; 31.12.2017 – 36 дней; 31.12.2018 – 35 дней; 31.12.2019 – 34 дня, 31.12.2020 – 34 дня [2, с. 8]. Российский уголовный закон сегодня весьма динамичен, о чем свидетельствуют изменения, внесенные в правовую основу противодействия террористической деятельности [3, с. 119]. Безусловно, совершенствование законодательства – это постоянный процесс, однако происходящие в последние годы хаотичные, несистемные внесения изменений ситуационного

характера разрушают структуру и вносят разногласия в действующие нормы, что приводит к конкуренции общих и специальных составов преступлений. Динамика правотворческой деятельности в первую очередь предопределяется изменениями системы Особенной части УК РФ.

Для демонстрации несистемности законодательства в сфере противодействия террористической деятельности нами был проведен анализ Федерального Закона от 06.04.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4] и исполнения положений вышеуказанного ФЗ в УК РФ.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 06.04.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», террористическая деятельность в указанном ФЗ определяется путем указания перечня конкретных действий. Проанализируем отдельные группы конкретных действий с учетом их уголовно-правовой оценки в законодательстве Российской Федерации.

I. В соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 3 ФЗ, террористической деятельностью являются организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта.

1. Организация террористического акта. Так, ответственность за организацию террористического акта предусмотрена ч. 4 ст. 205.1 УК РФ.

2. Планирование террористического акта. Планирование как интеллектуальная сторона реализации процесса приготовления к преступлению, согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ, может выражаться в приискании средств или орудий совершения преступления, приискании соучастников совершения преступления, сговоре на совершение преступления и т. д. Действия по приготовлению к преступлению, приведенные в ч. 1 ст. 30 УК РФ, не являются исчерпывающими, ввиду чего все возможные формы приготовления не отражены в уголовном законе. Законодательная формулировка «иное умышленное создание условий для совершения преступлений» подразумевает любые виды интеллектуальной и физической деятельности, благоприятствующие совершению преступления. Квалификация планирования террористического акта осуществляется через ч. 1 ст. 30, ч. 1. ст. 205 УК РФ.

3. Подготовка террористического акта. Термин «подготовка» используется законодателем в УК РФ применительно к преступлениям

террористического характера и экстремистской направленности, однако сам термин не раскрывается и какие-либо определенные деяния, составляющие, по мнению законодателя, «подготовку», не выделяются. Возможно предположить, что «планирование» является интеллектуальной составляющей приготовления, а «подготовка» подразумевает практическую (физическую) сторону реализации приготовления. По отношению к другим видам преступлений законодателем используется термин «приготовление», понятие которого закреплено в ч.1 ст. 30 УК РФ.

Действия (бездействие) по «подготовке» террористического акта необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ, т. е. законодатель отдельно не устанавливает ответственность за «подготовку террористического акта» и не выделяет его как самостоятельное преступление, квалификация в УК РФ происходит посредством использования нормы о приготовлении к преступлению.

4. Финансирование террористического акта. Ответственность за финансирование террористического акта предусмотрена ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, однако ч. 4 ст. 205.1 УК РФ предусматривает ответственность уже за организацию финансирования терроризма, что создает проблемы при квалификации (разграничение финансирования (ч. 1) и организацию финансирования (ч. 4)).

5. Реализация террористического акта. УК РФ предусматривает ответственность за совершение террористического акта (совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями) в ч. 1 ст. 205 УК РФ.

II. В соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 3 ФЗ, террористической деятельностью является также подстрекательство к террористическому акту.

В соответствии с ч. 4 ст. 33 УК РФ, под подстрекательством понимаются любые

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

действия, направленные на склонение к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

В рамках ст. 205.1 УК РФ подстрекатель является исполнителем содействия террористической деятельности. Однако, при анализе ст. 33, 205.1 УК РФ выявлено, что способы осуществления подстрекательства не ограничены, ввиду чего существование специальной нормы, предусматривающей подстрекательство к совершению преступлений террористического характера (ч. 1, 1.1, 2 ст. 205.1 УК РФ), с нашей точки зрения, не обосновано.

III. Согласно п. «в» ч. 2 ст. 3 ФЗ, террористическая деятельность включает в себя организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно, участие в такой структуре.

1. Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования предусмотрена ч. 1 ст. 208 УК РФ.

2. Ответственность за организацию преступного сообщества предусмотрена ст. 210 УК РФ. Преступное сообщество, согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ, представляет собой структурированную организованную группу (организацию) или объединение организованных групп, действующих для совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

УК РФ помимо форм соучастия, указанных в ст. 35, содержит также специальные нормы, а именно ст. 205.4, 205.5 УК РФ, однако в ст. 35 УК РФ ставится знак равенства между указанными понятиями, а в ст. 205.4 УК РФ и ст. 205.5 УК РФ они противопоставляются, ввиду чего логичным является вопрос о том, что является собой террористическое сообщество согласно ФЗ и где грань между террористической организацией, указанной в ст. 24 указанного ФЗ. УК РФ, напротив, в ст. 205.4 оговаривает понятие террористического сообщества, но опускает определение террористической организации (ст. 205.5 УК РФ), указывая лишь на признак законодательной запрещенности такой организации. Стоит ли применять в уголовном законе формулировки «террористическая организация», «террористическое сообщество» лишь потому, что иным законом принято решение о том, что организация является террористической. Фактически происходит искусственное превращение сообщест-

ва в организацию ввиду того, что такая формулировка оговорена в законе.

Определение указанных выше форм соучастия в преступлениях террористического характера, содержащиеся в УК РФ и профильном ФЗ, разнятся или вообще отсутствуют, что вызывает трудности правоприменения и теоретические споры.

При этом в целях предотвращения разночтения необходимо избегать вариативности при составлении дефиниций понятий и прибегнуть к использованию исключительно одного термина «сообщество» или «организация».

IV. В соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 3 ФЗ, террористической деятельностью является вербовка, вооружение, обучение и использование террористов.

1. Вербовка террористов. Часть 1 ст. 205.1 УК РФ предусматривает ответственность не только за вербовку лица, но и за склонение, иное вовлечение в целях совершения определенных преступлений террористического характера, выделенных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, что, по сути, является подстрекательством к выделенным преступлениям. Чрезмерная конкретизация и дифференциация форм вовлечения в террористическую деятельность, а также смешение с другими видами соучастия (в части вооружения, подготовки лица, а также финансирования терроризма) не обоснованы и не целесообразны [5, с. 57].

2. Вооружение террористов. Вооружение является физическим (материальным) пособничеством по предоставлению средств и орудий совершения преступлений, ввиду чего выделение «вооружение террористов» как отдельного вида пособничества не является необходимым. Квалифицировать вооружение террористов необходимо через общую часть УК РФ, а именно ч. 5 ст. 33 УК РФ.

3. Обучение террористов. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности предусмотрена ст. 205.3 УК РФ. Обучение же лица навыкам террористической деятельности в целях последующего совершения им преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, является подготовкой, ответственность за которую предусмотрена в этой же норме.

4. Использование террористов. УК РФ не содержит такой формулировки как «использование террористов», ввиду чего, если под «использованием террористов» понимать организа-

ционные действия к совершению определенных преступлений, то необходимо такое деяние квалифицировать через ч. 4 ст. 205.1 УК РФ. Однако необходимо вернуться к вопросу о том, что ст. 205.1 УК РФ в ч. 1.1., 1, 2, 3, 4 содержит разное понимание террористической деятельности, ввиду чего не все случаи «использования террористов» будет возможно вообще квалифицировать.

V. Согласно п. «д» ч. 2 ст. 3 ФЗ, террористической деятельностью является информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта.

Общая часть УК РФ в ч. 5 ст. 33 УК РФ содержит определение понятия «пособник», деяния которого включают в себя и предоставление информации (информационное пособничество) без выделения его как отдельного вида пособничества. Ответственность пособника, предусмотренная также ч. 3 ст. 205.1 УК РФ (в качестве исполнителя содействия террористической деятельности), фактически дублирует положения ч. 5 ст. 33 УК РФ.

В отличие от ч. 5 ст. 33 УК РФ примечание 1.1. к ст. 205.1 УК РФ под пособничеством признает любое пособничество, не только заранее обещанное, но и оказанное после. Подобный подход уравнивания соучастия и прикосновенности к преступлению вызывает противоречия в рамках института соучастия, что осложняет объективную оценку характера и степени прикосновенности к преступлению, которые отличны от характера и степени опасности пособничества.

VI. В соответствии с п. «е» ч. 2 ст. 3 ФЗ, террористической деятельностью также является пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Публичные заявления о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, запрещены УК РФ под угрозой наказания (ч. 1 ст. 205.2 УК РФ предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или его пропаганду). Однако, законодатель в ст. 205.2 УК РФ не оговаривает, что следует понимать под публичны-

ми призывами к осуществлению террористической деятельности, а дает разъяснение таким деяниям, как «публичное оправдание терроризма», «пропаганда терроризма» и «террористическая деятельность».

Несоответствие уголовно-правового отражения содержания террористической деятельности, закрепленного в ФЗ № 35-ФЗ, позволяет прийти к выводу о том, что законодатель в УК РФ при установлении ответственности за террористическую деятельность не ограничился ответственностью за деяния, указанные в ФЗ № 35-ФЗ, а расширил понимание террористической деятельности путем конкретизации перечня соответствующих преступлений. ФЗ № 35-ФЗ по сути предусматривает в качестве террористической деятельности совершение террористического акта, различные формы и виды соучастия при его совершении, а также пропаганду терроризма. В свою очередь, УК РФ, напротив, излишне широко определяет перечень данных преступлений – это обусловлено стремлением законодателя охватить максимально широкий круг деяний. Но на практике такой подход порождает трудности при определении соответствующего перечня деяний.

Несистемность законодателя также отражена в попытке ввести ограниченный перечень преступлений, составляющих террористическую деятельность. В ст. 205.1, 205.2, 205.3 УК РФ дано различное понимание террористической деятельности. Законодательное решение о наполнении диспозиций статей закрытыми перечнями альтернативных составов, разнящихся от состава к составу, приводит исключительно к путанице и невозможности выведения базового понятия. Например, в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ под террористической деятельностью понимается совершение деяний, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ; ч. 1, 2 ст. 206 УК РФ; ст. 208 УК РФ; ч. 1, 2, 3 ст. 211 УК РФ; ст. 220, 221, 277, 278, 279, 360 УК РФ. В примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ под террористической деятельностью следует понимать совершение деяний, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ. В ч. 1 ст. 205.4 УК РФ террористическая деятельность противопоставляется преступлениям, предусмотренным ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ, как часть целому, нарушая при этом формальные законы логики и юридическую технику, что свидетельствует о том, что законодателю не удалось в УК РФ установить

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

перечень преступлений, подпадающих под террористическую деятельность.

Законодатель пошел дальше разнообразия толкования понятия террористической деятельности в соответствии с его закреплением в ст. 205.1 и 205.2 УК РФ и противопоставил цель осуществления террористической деятельности цели совершения одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, альтернативно указав на нее в диспозиции ст. 205.3 УК РФ посредством использования союза «либо». Такая «альтернативность» является логически не обоснованной и абсолютно недопустимой. Чем обоснован выбор именно данных составов преступлений террористического характера, также не понятно [6, с. 82].

Основной причиной несистематичности законодательства в сфере противодействия террористической деятельности является отсутствие базового понятия террористической деятельности в профильном ФЗ, а также использование расплывчатых формулировок и не уголовно-правовых категорий, таких как «использование террористов», «информационное со-

действие», «реализация террористического акта» и т. п., ввиду чего дать уголовно-правовую характеристику указанным деяниям в ФЗ № 35-ФЗ иногда не представляется возможным.

Возможной мерой по обеспечению систематичности законодательства в сфере противодействия террористической деятельности является введение родового определения террористической деятельности в базовом ФЗ, приведение перечня практических деяний, составляющих террористическую деятельность, в соответствие с уголовно-правовыми категориями. Модернизация базового закона позволит систематизировать уголовное законодательство и нивелировать разнообразие в определении сущности и видов террористической деятельности. Преступления террористического характера и преступления экстремистской направленности необходимо систематизировать аналогичным путем, т. е. установить четкий перечень «безусловно террористических» преступлений и иных преступлений, совершаемых в целях осуществления террористической деятельности, закрепив указанное положение в ч. 1. ст. 63 УК РФ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Ткаченко Н.В. Статистическое исследование динамики законодательства // Вести Гаранта. 2021. № 3.
3. Иванцов С.В., Бадамшин С.К. Отдельные вопросы предупреждения преступлений террористической направленности в контексте международной стратегии предупреждения терроризма // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7.
4. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии терроризму».
5. Игнатов А.Н. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сборник материалов международной научно-практической конференции. Симферополь, 2018.
6. Игнатов А.Н. Понятие террористической деятельности и его уголовно-правовое закрепление // Вестн. Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2018. № 2 (43).

Bibliography

1. Criminal code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL // SZ RF 1996. № 25. Art. 2954.
2. Tkachenko N.V. Statistical research of the dynamics of legislation // Vesti Garanta. 2021. № 3.
3. Ivantsov S.V., Badamshin S.K. Certain issues of the prevention of terrorist crimes in the context of the international strategy for the prevention of terrorism / S.V. Ivantsov, S.K. Badamshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 7.
4. Federal Law «On Countering Terrorism» dated 06.03.2006 № 35-FL (as amended on 18.12.2020).
5. Ignatov A.N. Problems of legislative regulation of criminal liability for facilitating terrorist activity // Problems of application of criminal and criminal procedural legislation: coll. of papers of the intern. sci. and practical conf. Simferopol, 2018.
6. Ignatov A.N. The concept of terrorist activity and its fixing in criminal law // Bull. of Far Eastern Law Institute of Russian MIA. 2018. № 2 (43).

Илиджев Александр Алексеевич
Ilidzhev Alexander Alekseevich

доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД
Казанского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management
of Internal Affairs Bodies of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law,
Associate Professor.
E-mail: ilidsasha@yandex.ru

Шкуринский Евгений Александрович
Shkurinsky Evgeny Alexandrovich

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.

Adjunct of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Третьяков Юрий Владимирович
Tretiakov Yury Vladimirovich

доцент кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета
кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Procedural Law and Criminalistics of the Volgograd State University PhD in Law.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАЖЕНИЯ ВИДОВ
МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ**

**Actual problems of reflecting the types of crimes multiplicity under the criminal
legislation of the Russian Federation**

Статья посвящена исследованию вопросов уголовно-правового регулирования различных видов множественности преступлений. В работе анализируются некоторые уголовно-правовые подходы к определению как общепринятых видов множественности, так и тех, выделение которых вызывает острую дискуссию. С учетом материалов судебной практики, а также различных теоретических взглядов анализируются соответствующие положения уголовного, уголовно-процессуального законодательства и определяются виды множественности преступлений, а также место их отражения в системе УК РФ.

Ключевые слова: *подход, совокупность, приговор, самостоятельный, совершение, судимость, множественность.*

The article is devoted to the study of the issues of criminal law regulation of various types of multiple crimes. The paper analyzes some criminal law approaches to the definition of both generally accepted types of plurality and those whose isolation causes acute discussion. Taking into account the materials of judicial practice, as well as various theoretical views, the relevant provisions of criminal and criminal procedure legislation are analyzed and the types of multiplicity of crimes are determined, as well as the place of their reflection in the system of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: *approach, totality, sentence, independent, commission, criminal record, multiplicity.*

Несмотря на то, что понятие «множественность преступлений» в УК РФ не содержится, оно уже стало традиционным для теории и практики.

В современной уголовно-правовой литературе выделение видов (форм) множественности преступлений отличается многообразием

подходов. В определенной степени таковое объясняется, на наш взгляд, неодинаковыми решениями о самой множественности преступлений. При этом нельзя не иметь в виду соответствующие нормативные предписания, в которых прямо или косвенно речь идет о нескольких единичных преступлениях.

В.В. Мальцев полагает, что в УК РФ сохранена лишь одна форма множественности преступлений – это совокупность преступлений в двух ее видах: реальной и идеальной [14, с. 459]. Возразить ученому, думается, довольно просто. При таком положении в категории множественности преступлений теряется всякий смысл. Если имеется только совокупность преступлений, зачем ее обозначать еще иным образом? Правда, подобный вопрос может быть адресован и законодателю. Он стоит, например, применительно к ч. 4 ст. 35 УК РФ, в которой преступное сообщество именуется еще преступной организацией. В литературе обоснованно отмечается, что в последнее время возникла существенная потребность в формировании учения о противодействии расследованию преступлений, связанных, в том числе, с активизацией организованных групп и преступных сообществ [6, с. 139].

Куда интереснее понять причину отождествления В.В. Мальцевым совокупности и множественности преступлений. Он исходит, прежде всего, из того, что как не могут быть элементами одной совокупности общественно опасное деяние, содержащее состав преступления, и преступление, воплощенное в виде и размере наказания по приговору суда, так не образует такое сочетание и множественность преступлений [14, с. 454]. Правда, то, что отсутствует в каком-либо элементе любой множественности преступлений, думается, еще не означает обязательное отсутствие его и в самой множественности, ибо вполне может иметь место в другом элементе той же самой множественности.

На первый взгляд, более серьезный аргумент В.В. Мальцева заключается в том, что множественность преступлений отсутствует, если один из ее предполагаемых элементов (преступлений) уже квалифицирован в качестве единичного преступления, которое в качестве такового уже подверглось отрицательной оценке судом (государством) [14, с. 457–458]. Между тем опять с множественности преступлений, по существу, акцент переносится на совокупность преступлений. Причем автор не видит, что и совокупность преступлений неоднородна: при реальной совокупности в действительности совершается несколько действий (бездействий), а при идеальной – одно (ч. 1 и 2 ст. 17 УК РФ). Совокупностью преступлений последняя становится только вследствие предусмотренности одного действия (бездействия) несколькими статьями Особенной части уголовного законодательства России, что в конечном счете и порождает соответствующую квалифи-

кацию преступления. Выходит, что от нее совокупность преступлений в определенной мере все-таки зависит. Почему же множественность преступлений не может зависеть от квалификации преступления?

Последний аргумент В.В. Мальцева заключается в том, что включение в множественность преступлений одиночных преступных деяний, по которым уже состоялся приговор, будет ничем иным, как грубым нарушением принципа справедливости – никто не может нести дважды уголовную ответственность за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ) [14, с. 458]. Поскольку речь зашла о принципе справедливости, стоит отметить, что, как правильно отмечает А.В. Варданян, «опыт криминализации лжепредпринимательства в первоначальной редакции Уголовного кодекса РФ 1996 г. показал неудачность конструкции данной нормы, по сути, предусматривающей двойное вменение за единое деяние» [7, с. 57].

В любом случае, о двойной уголовной ответственности в аргументации В.В. Мальцева, при которой один элемент множественности подвернут квалификации и наказанию, речи не идет ни на законодательном, ни на теоретическом уровнях. Уголовной ответственности в такой ситуации лицо подвергается лишь за другое преступление.

К изложенной позиции примыкает мнение Г.С. Досаевой, прямо отказывающей в статусе множественности преступлений рецидиву [9, с. 259]. При этом нельзя не видеть, что в тексте ст. 18 УК РФ речь идет минимум о двух умышленных преступлениях: первое – то, которое имеется судимость; второе – которое только совершено. Поэтому мы рецидив преступлений все-таки относим к видам множественности.

После исключения из Общей части уголовного законодательства России ст. 16, посвященной неоднократности преступлений, видами множественности преступлений часто считаются совокупность преступлений и рецидив преступлений [3, с. 13].

Правда, следует иметь в виду, что в связи с изъятием ст. 16 неоднократность преступлений полностью не исчезла из УК РФ. В немалом числе статей его Особенной части неоднократность преступлений все-таки сохранилась. Вместе с тем она образует сложные преступления, а не их множественность.

Выделение в качестве видов множественности преступлений лишь совокупности и рецидива преступлений в учебной литературе, на наш взгляд, критиковать непродуктивно. Очевидно, что обучать следует пониманию главным

образом самого УК РФ. В то же время уголовно-правовая теория не может быть связана законодательной догмой. Науке следует обращать внимание не только на форму и содержание, но и на смысл права.

Имеется довольно много специалистов, которые не ограничиваются двумя названными ранее видами множественности преступлений. К их перечню добавляются: совершение двух или более преступлений, предусматриваемых статьями Особенной части Уголовного кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание; совокупность приговоров; совершение преступления при наличии непогашенной и неснятой судимости, не учитываемой при признании рецидива преступлений (В.П. Малков и др.) [13, с. 36]; систематичность (Р.А. Санинский) [17, с. 20]; совершение умышленного преступления в отношении двух или более лиц (С.Г. Спивак и др.) [19, с. 9]; преступный промысел (Н.Н. Коротких и др.) [12, с. 44]; совершение преступления, если после вынесения по нему приговора становится известным о том, что до этого лицо совершило еще одно или несколько преступлений (Г.С. Досаева и др.) [9, с. 11]; специальный рецидив (Д.М. Семенова и др.) [18, с. 11]; сочетание свыше одной разновидности совершения нескольких преступлений; совокупность приговоров, вступивших в законную силу.

Некоторые ученые пополняют список видов множественности преступлений вдобавок совершением: преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, если хотя бы одно из них неосторожное; умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление небольшой тяжести; умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное в несовершеннолетнем возрасте умышленное преступление; умышленного преступления лицом, имеющим судимости за умышленные преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если они не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы [2, с. 132–149, 158–159; 10, с. 75–79].

Е.Г. Васильева оценила приведенные последними авторами ситуации как не считающиеся множественностью преступлений по действующему уголовному законодательству [3, с. 9]. Мы с ней солидарны, но с уточнением. Они, на наш взгляд, не являясь самостоятельными видами множественности преступлений, противостоят рецидиву и совокупности пре-

ступлений (ч. 1 и 4 ст. 18, ч. 1 и 2 ст. 17 УК РФ), и тем самым вполне вписываются в такой, называемый некоторыми учеными вид множественности преступлений, как совершение преступления при наличии непогашенной и неснятой судимости, не учитываемой при признании рецидива преступлений. Его же не выделять нельзя, ибо отличие от рецидива преступлений здесь лишь в характере судимости, а не в наличии единичного преступления. Мы согласны, что данный вид множественности кратко допустимо именовать повторностью преступлений [1, с. 145].

По нашему мнению, некоторые выделяемые в уголовно-правовой литературе виды множественности преступлений признать таковыми нельзя. Так, в случаях совершения двух или более преступлений, предусматриваемых статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, речь должна идти о составных преступлениях. Та же ситуация с совершением преступления в отношении двух или более лиц: совершение преступления в отношении каждого из них представлено самостоятельными деяниями (например, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1), а составные преступления – единичные [10, с. 75; 20, с. 78–79].

Систематичность преступлений в УК РФ образует либо составное, либо иное сложное преступление. Однако в любом случае она остается в рамках единичного преступления.

Преступного промысла вообще нет в УК РФ. Поэтому ставить вопрос о нем в плане *de lege lata* в любом качестве беспредметно. Другое дело в плане *de lege ferenda*, но целью нашего исследования это не охватывается.

Специальный рецидив, с одной стороны, хотя и обнаруживается лишь в Особенной части УК РФ, он все равно – рецидив преступлений, с другой стороны, если он специальный, то является исключительно видом рецидива, а никак ни самостоятельным видом множественности.

Совершение преступления лицом, ранее совершившим преступление, если не обращать внимания на частности, на наш взгляд, во многом есть сама множественность преступлений. А она не может быть и самой собой, и своим видом.

Нам представляется, что выделение остальных, дополняющих совокупность и рецидив видов множественности преступлений находит подтверждение в соответствующих положениях УК РФ.

В ч. 5 ст. 69 УК РФ предусмотрена ситуация, когда «после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу». Такое сочетание деяний нередко называют совокупностью преступлений (Г.С. Досаева и др.) [9, с. 251–252]. Если это действительно так, то, на наш взгляд, выделять в данном случае самостоятельный вид множественности неправомерно.

Схожесть сочетания преступлений, описанного в ч. 5 ст. 69 УК РФ, с совокупностью преступлений, конечно, имеется. В то же время сочетание преступлений, предусмотренное в ч. 5 ст. 69 УК РФ, обладает спецификой: одно преступление отражено в уже вынесенном приговоре, а другое установлено после его вынесения. При таких условиях, думается, основание к признанию наличия совокупности преступлений отсутствует.

В самом деле, признание сочетания преступлений, названного в ч. 5 ст. 69 УК РФ, совокупностью преступлений, на наш взгляд, противоречит ч. 1 ст. 17, ибо в соответствии с законом при ней ни за одно из преступлений лицо не должно быть осуждено. Отсюда осуждение лица хотя бы за одно из совершенных преступлений уже не позволяет признавать наличие их совокупности.

Правда, об осуждении лица в ч. 5 ст. 69 УК РФ ничего не говорится. В законе сказано о виновности лица в другом преступлении.

Понятие осуждения – не уголовно-правовое, а уголовно-процессуальное [21, с. 475]. Оспаривание данного обстоятельства на том основании, что УПК РФ не использует данный термин для обозначения этапа уголовно-процессуального производства [12, с. 42], по нашему мнению, не выдерживает никакой критики. Из анализа норм УПК РФ (п. 28 ст. 5, ч. 2 ст. 47) следует, что виновный – тот, кто осужден. Примечательно в данном контексте, что некоторые ученые правильно, на наш взгляд, полагают, что содержание соответствующих норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства оказывают влияние на объекты других наук, в частности, криминалистики [5, с. 4].

Следовательно, применительно к ч. 5 ст. 69 УК РФ присутствует осуждение лица за одно из преступлений, что, естественно, исключает наличие совокупности преступлений. Причем следует иметь в виду, что несколько преступлений, из которых одно установлено после осуждения за другое, имеет место с момента вынесения приговора по первому делу, т. е. еще до вступления его в законную силу.

Приверженцы критикуемого взгляда пытаются обосновывать или усилить свою позицию. Причем они делают это различным образом:

– в одних случаях утверждают, что совокупность подразумевает отсутствие осуждения за любое из преступлений на момент их совершения, а не на момент назначения наказания за одно из них [12, с. 74–75];

– в других случаях предлагают ч. 5 ст. 69 УК РФ дополнить положением, признающим совокупностью преступлений также «совершение преступления (преступлений) до вынесения приговора за другое преступление» [19, с. 15]. На наш взгляд, подход *de lege ferenda* с очевидностью приводит к противоположному в сравнении с желаемым эффекту, ибо предложение о дополнении закона практически прямо признает, что *de lege lata* несколько преступлений, из которых одно установлено после осуждения за другое, совокупностью преступлений не являются.

В отмеченном плане то, что назначение наказания и по совокупности преступлений, и при нескольких преступлениях, из которых одно установлено после осуждения за другое, регулируется в одной и той же статье – 69 УК РФ – на сделанные выводы, по нашему мнению, совершенно не влияет. Законодатель аналогичным образом поступает с близкими уголовно-правовыми положениями не так уж и редко (ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 21 и 22, ч. 5 – 7 ст. 35, ч. 2 ст. 40 УК РФ). Причем это, думается, вовсе не свидетельство правильности подобных решений.

Имеется еще один довод в пользу самостоятельности сочетания преступлений, отраженного в ч. 5 ст. 69 УК РФ. Он заключается в наличии специальных уголовно-правовых последствий, связанных с особенностями назначения наказания. Так, по совокупности преступлений наказание назначается сначала – за преступления, в нее входящие, а потом – окончательное (ч. 1–4 ст. 69 УК РФ). В соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ наказание назначается иным образом. В этой связи следует отметить, что в более ранних трудах мы, исследуя вопросы дифференциации наказания за участие в преступлении, подчеркивали, что законодательные пределы назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, в том числе при совокупности преступлений, регулируется и специальными правилами его назначения (ст. 69 УК РФ) [11, с. 98].

В каком-то смысле против выделения нескольких преступлений, из которых одно установлено после осуждения за другое, в качестве вида множественности преступлений

выступает то, что оно не регулируется в УК РФ, а лишь предусмотрено в связи с назначением наказания.

В ст. 70 УК РФ предусмотрено назначение наказания по совокупности приговоров. Как отмечалось, в теории уголовного права совокупностью приговоров считается и один из видов множественности преступлений.

В то же время некоторые авторы (Г.С. Досаева и др.) не видят совокупность приговоров в числе видов множественности преступлений [9, с. 251]. Понять их можно. Во-первых, совокупность приговоров в УК РФ представлена только в связи с особенностями назначения наказания (ст. 70). Во-вторых, термин «совокупность приговоров» с позиции русского языка не означает ничего другого, как наличие в отношении лица не одного, а двух или более приговоров, говоря иначе, уголовно-процессуальных актов [20, с. 77]. Нам кажется, что данная проблема снимется, если совокупность приговоров назвать, как предлагается, кумуляцией преступлений [18, с. 11].

Н.Н. Коротких сочетание преступлений, влекущее наказание на совокупности приговоров, предлагает именовать неоднократностью преступлений [12, с. 46, 112]. Мы с этим не согласны. И дело не в том, что мы не хотим в старом термине увидеть новое содержание. Иначе мы бы не пришли к выводу о возможности называть сочетание некоторых деяний повторностью преступлений. Дело в том, что неоднократность присутствует в Особенной части УК РФ совсем в другом значении.

В ходе анализа ч. 1 ст. 70 УК РФ становится очевидным, что речь идет, прежде всего, о совершении двух преступлений: одно из них установлено в предыдущем приговоре, другое – в последнем. Первое ярко свидетельствует о наличии множественности преступлений. Второе неопровержимо подчеркивает специфику сочетания преступлений, влекущих назначение наказания по совокупности приговоров.

Иногда при постановлении второго приговора выявляется, что «осужденный виновен еще и в других преступлениях, одни из которых совершены до, а другие – после вынесения первого приговора». В п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 в отношении таких случаев разъяснено, что «наказание по второму приговору назначается вна-

чале по совокупности преступлений, совершенных до вынесения первого приговора, после этого – по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ, затем по совокупности преступлений, совершенных после вынесения первого приговора»*.

Достаточно очевидно, что назначение наказания является следствием соответствующей квалификации преступлений. При ней же необходимо все деяния «рассматривать в сочетании с другим (или другими) с точки зрения соотношения времени их совершения»; «если они были совершены до осуждения за любое из них, то налицо совокупность преступлений; преступления, совершенные после осуждения за предыдущее (предыдущие), соотносятся между собой тоже как совокупность преступлений, однако их соотношение с преступлениями, за которые виновный был осужден и отбывал наказание, представляет собой совокупность приговоров»** [16, с. 934].

Сказанное обуславливает выделение еще одного самостоятельного вида множественности преступлений, ибо приведенное их сочетание характеризуется не встречающейся в других случаях упорядоченностью деяний. В уголовно-правовой науке его правильнее упрощенно обозначать как интеграция преступлений*** [15, с. 249]. В целом следует подчеркнуть, что указанная категория имеет теоретико-прикладное значение не только в области уголовного права. Так, правильно, по нашему мнению, отмечают А.В. Варданян и О.В. Айвазова: «с точки зрения интеграции соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации... формируется совокупность методико-криминалистических приемов...» [4, с. 21].

В соответствии с п. 10 ст. 397 УПК РФ решается вопрос «об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, если это не решено в последнем по времени приговоре в соответствии со ст. 70 Уголовного кодекса Российской Федерации». Возможность обособленного решения приведенного вопроса основывается на «определенной самостоятельности, относительной независимости той части приговора, которая определяет размер наказания по совокупности», поскольку исходит из выводов «не только данного приговора, но и других, ранее вынесенных приговоров» [8, с. 228]. В теории уголовного права описанное в п. 10 ст. 397 УПК РФ

* Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2. С. 26.

** Здесь совокупностью преступлений ошибочно, как отмечено ранее, рассматривается и то, что предусмотрено в ч. 5 ст. 69 УК РФ.

*** Интеграл буквально – целая величина, рассматриваемая как сумма своих бесконечно малых частей.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

обозначается как совокупность приговоров, вступивших в законную силу.

Практика, разрешая вопрос об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, руководствуется не только ст. 70 УК РФ, но и ч. 5 ст. 69. Конечно, п. 10 ст. 397 УПК РФ не содержит указания на ч. 5 ст. 69 УК РФ. Вместе с тем, на практике возникают ситуации, при которых второй приговор должен быть вынесен в отношении преступления, совершенного еще до вынесения первого приговора. Данное сочетание преступлений предусмотрено именно в ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Отсюда совокупность приговоров, вступивших в законную силу, в принципе должна включать назначение окончательного наказания по правилам и ст. 70 УК РФ, и ч. 5 ст. 69. В то же время следует иметь в виду, что соответствующие предписания закона не в полной мере рассчитаны на решение вопроса, сформулированного в п. 10 ст. 397 УПК РФ.

Сочетание преступлений, входящих в совокупность приговоров, вступивших в законную силу, не сводится к ситуациям, описанным в ст. 70 и ч. 5 ст. 69 УК РФ. При рассматриваемой совокупности осуждение происходит не менее чем по двум приговорам, а такового не предусмотрено ни в ст. 70 УК РФ, ни в

ч. 5 ст. 69, что и предполагает допустимость вычленения отдельного вида множественности преступлений.

Правда, именно совокупность приговоров, вступивших в законную силу, сама по себе не способна претендовать на роль вида множественности преступлений. Между тем последняя не может не учитывать сочетание преступлений, охватываемое первой. Тем самым непосредственно видом множественности преступлений, по нашему мнению, необходимо рассматривать несколько преступлений, осуждение за которые не привело к назначению окончательного наказания.

В целом, как представляется, нами выявлены все виды множественности преступлений, включенные в УК РФ. Они имеют соответствующее отражение в Общей его части.

Таким образом, из всех выявленных в УК РФ видов множественности преступлений в Особенной части получили фактическое отражение, на наш взгляд, только совокупность, рецидив и повторность преступлений. Дело в том, что последние было не сложно сформулировать в качестве самостоятельных преступлений, поскольку в отличие от остальных видов множественности они не зависят от уголовно-процессуального регулирования.

Литература

1. Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М., 2009.
2. Благов Е.В. Уголовный закон и преступление: лекции. М., 2011.
3. Васильева Е.Г. Формы множественности преступлений по действующему уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005.
4. Варданян А.В., Айвазова О.В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 1. Ч. II.
5. Варданян А.В., Варданян Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. Вып. 1.
6. Варданян А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96).

Bibliography

1. Blagov E.V. Qualification when committing a crime. M., 2009.
2. Blagov E.V. Criminal law and crime: lectures. M., 2011.
3. Vasilyeva E.G. Forms of a plurality of crimes under the current criminal legislation: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. Stavropol, 2005.
4. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Principles of the formation of private forensic techniques: current state and ways of improvement // Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2016, Iss. 1. P. II.
5. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectic structure of the object of forensic science as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. Issue 1.
6. Vardanyan A.V. Counteraction to preliminary investigation: in continuation of scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (96).
7. Vardanyan A.V. Fictitious organizations as specific criminal means of committing crimes in

7. Варданян А.В. Фиктивные организации как специфические криминальные средства совершения преступлений в сфере экономики: правовые и криминальные аспекты // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85).
8. Горелик А.С. Назначение наказания по совокупности. Красноярск, 1975.
9. Досаева Г.С. Уголовно-правовой институт множественности преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
10. Зацепин М.Н. Дополнительная квалификация преступлений: общие и специальные вопросы: монография. М., 2016.
11. Илджев А.А. Правовое регулирование дифференциации наказания за соучастие в преступлении по УК РФ // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 2 (11).
12. Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: монография. М., 2016.
13. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды и правовое значение. Казань, 2006.
14. Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть: в 4 т. Т. 3, кн. 1: Преступление. М., 2017.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 4-е изд., доп. М., 2006.
16. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008.
17. Санинский Р.А. Теоретико-законодательные и практические аспекты множественности преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
18. Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019.
19. Спивак С.Г. Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
20. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Кемерово, 2007.
21. Энциклопедия уголовного права. Т. 3: Понятие преступления / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб., 2005.
- the economic sphere: legal and criminal aspects // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (85).
8. Gorelik A.S. Cumulative punishment. Krasnoyarsk, 1975.
9. Dossaeva G.S. Criminal law institute of plurality of crimes: dis. ... doctors of law. sciences. M., 2017.
10. Zatsepin M.N. Additional qualification of crimes: general and special issues: monograph. M., 2016.
11. Ilidzhev A.A. Legal regulation of the differentiation of punishment for complicity in a crime under the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2009. № 2 (11).
12. Korotkikh N.N. Theoretical and applied problems of the doctrine of the plurality of crimes: criminal law and criminal executive research: monograph. M., 2016.
13. Malkov V.P. The plurality of crimes: essence, types and legal significance. Kazan, 2006.
14. Maltsev V.V. Russian Criminal Law Course. General part: in 4 volumes. Vol. 3, book. 1: Crime. M., 2017.
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian language. V.V. Vinogradov, 4th ed., Add. M., 2006.
16. A complete course in criminal law. In 5 volumes. Vol. 1: Crime and Punishment / ed. A.I. Korobeeva. SPb., 2008.
17. Saninsky R.A. Theoretical, legislative and practical aspects of the plurality of crimes: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. SPb., 2004.
18. Semenova D.M. The basis and limits of the differentiation of criminal responsibility in the context of a plurality of crimes: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. Samara, 2019.
19. Spivak S.G. Appointment of punishment for the aggregate of crimes and the aggregate of sentences: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2007.
20. Chernenko T.G. The plurality of crimes under Russian criminal law. Kemerovo, 2007.
21. Encyclopedia of Criminal Law. T. 3: The concept of crime / V.B. Malinin. SPb., 2005.

**Каршика Анатолий Григорьевич
Karpika Anatoly Grigorievich**

доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел Ростовского юридического института МВД России кандидат технических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Information Support of Internal Affairs Bodies of the Rostov Law Institute of the Interior of the Russian Federation, PhD in Engineering, Associate Professor.

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ,
СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ
МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ**

**Problems of effective counteraction to crimes committed
using machine learning technology**

В статье проанализированы направления использования технологий машинного обучения применительно к созданию фальшивого синтетического контента. Предложены способы его выявления в интересах противодействия совершению преступлений с использованием этой технологии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, дипфейк, синтетический контент, кибернетическое влияние, правоохранительная деятельность.

The article analyzes the directions of using machine learning technologies in relation to the creation of fake synthetic content. The methods of its detection in the interests of countering the commission of crimes using this technology are proposed.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, deepfake, synthetic content, cybernetic influence, law enforcement.

Эффективность развития современного общества все больше зависит от процессов цифровизации большинства областей человеческой деятельности, цифровой трансформации протекающих в них социальных, экономических и политических процессов. Частная и общественная жизнь граждан, их социальные модели поведения в рамках межличностного общения и трудовой деятельности все больше мигрируют в цифровую сферу, включая способы доступа к финансам и их использования.

В этих условиях развитие таких технологий, как искусственный интеллект (ИИ), в сочетании с формами взаимодействия безличного присутствия несут с собой потенциал для получения преступной прибыли, затрудняя отслеживание преступников.

Проанализируем криминальный потенциал одного из видов технологий, использующих ИИ, а именно – технологию «машинного обучения» для создания «синтетического контента» (Deepfake).

Технология создания «дипфейк контента» (далее – дипфейка) предполагает применение

машинного обучения, использующего реальный контент, например изображения. Типичный процесс создания дипфейка включает в себя ветвь искусственного интеллекта – «machine-learning» – ML («машинное обучение» – МО), с помощью технологии, использующей составительную сеть (ГСС). В процессе используются две нейронные сети, которые обучены работать совместно, но друг против друга.

Например, в систему вводится набор данных реальных изображений. Первая сеть «Генератор» используется для создания ложных данных, например фотографий, видео и аудио, которые воспроизводят характеристики реальных данных. Вторая сеть «Дискриминатор» призвана идентифицировать ложные данные. В зависимости от результатов вывода генераторная сеть продолжает вносить корректировки, чтобы улучшить свой вывод до такой степени, что дискриминаторная сеть не может отличить настоящие данные от ложных.

До недавнего времени дипфейки использовались исключительно в развлекательных целях, качество создаваемого ими синтетического контента не представляло непосредственной

угрозы правопорядку, стабильности социальных отношений, финансовой системе государства. С повышением качества и скорости обучения систем МО в настоящее время и несомненным дальнейшим их развитием необходимо принимать в расчет потенциальную угрозу использования рассматриваемой технологии в преступных целях, например, использования ее для получения незаконного доступа к цифровым активам граждан, нанесения целевого ущерба публичным личностям, организациям вплоть до оказания воздействия на значимые функции, выполняемые государством.

Например, публикация глубоких фейковых видеороликов, в которых государственные должностные лица, политические деятели, руководители крупных компаний «допускают» оскорбительные комментарии, «демонстрируют» ненадлежащее поведение, «дают» финансовые прогнозы или советы, может вызвать недоверие общественности, панику на биржах, дезориентацию граждан в политическом, социальном и финансовом поле их жизни и деятельности.

Данную мысль подтверждает анализ публикаций на эту тему в зарубежной прессе. Так, Агентство перспективных исследовательских проектов (США) еще в 2016 г. запустило две программы: Media Forensics (MediFor) и Semantic Forensics (SemaFor), с целью проведения перспективных исследований в интересах развития цифровой криминалистики, связанных с обнаружением дипфейков.

Первая программа (MediFor) состояла в разработке алгоритмов для оценки целостности видео и изображений с целью получения представления о том, как был создан поддельный контент. Цель программы состояла в исследовании методов криминалистического выявления несоответствий в глубоких подделках, таких как несоответствия в пикселях (цифровая целостность), с законами физики (физическая целостность) и с другими источниками информации (семантическая целостность).

Вторая программа (SemaFor) направлена на дальнейшее продвижение работы, выполненной в рамках MediFor. SemaFor фокусируется на поиске и каталогизации семантических несоответствий человеческого облика, таких как несовпадение украшений, неправильные черты лица, фон [1].

В конце 2019 г. Хао Ли, один из лучших в мире создателей дипфейков для кинематографа и эксперт в этой области, объяснил, что технология «дипфейк» быстро развивается и имеет открытый исходный код, поэтому она довольно легко доступна и при этом постоянно совершенствуется. По его словам, дипфейки могут легко создать что-то, что на 90 % не увидеть невооруженным глазом, а оставшиеся 10 % можно замаскировать с помощью алгоритмов или «шума», чтобы скрыть несоответствие реальному объекту.

В марте 2021 г. Центр рассмотрения жалоб на интернет-преступления (США) выпустил Уведомление для частной отрасли, в котором предупреждал, что «злоумышленники почти наверняка будут использовать синтетический контент для операций по оказанию кибернетического влияния в период 2021–2022 гг. [2].

На этом фоне ожидается, что ложный контент в указанный период будет все чаще использоваться «криминальными киберсубъектами» для целевого фишинга и социальной инженерии в связи сповышением качества производимого ложного контента.

По оценкам аналитической группы Price waterhouse Coopers (PWC), продолжающийся рост безналичных транзакций во всем мире в период с 2018 по 2020 гг. вырос на 14,1 % с перспективой роста на 200 % до 2030 г. [3]. Это наряду с массовым переходом к онлайн-банкингу и альтернативным цифровым активам, размещаемым на новых финансовых платформах, работающих в том числе с использованием технологии блокчейн, несомненно, стимулирует злоумышленников на поиск и использование высокотехнологичных инструментов совершения преступлений. Это особенно актуально в условиях агрессивного продвижения финансовыми организациями своих товаров и услуг по схеме «Продукт, услуга, транзакция, канал доставки» удаленно, т. е. без личного присутствия потенциального их потребителя.

В качестве подтверждения того, что преступное сообщество осуществляет поиск и апробацию любых доступных технологий для содействия планируемыми преступлениям, можно привести факт использования голосовой технологии на основе МО в целях введения в заблуждение генерального директора одной из британских энергетических компаний.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В 2019 г. его обманули на 243 000 \$. Мошенник с помощью указанной технологии смог убедить должностное лицо в том, что он разговаривает со своим коллегой из головной организации компании в Германии. При этом подделка была выполнена с учетом характерного немецкого акцента и обертонов голоса. Злоумышленники при этом пойманы не были [4].

Анализ доступных документов [2], [3], [4], [5] позволяет сформулировать вероятные преступные сценарии угроз с использованием технологии МО для создания ложного синтетического контента.

Коммерческим организациям, а также государственным организациям, в том числе правоохранительным органам, целесообразно проактивно (упреждающе) рассматривать потенциальные риски, которые ожидаемо возникнут в процессе цифровизации и цифровой трансформации их деятельности, с целью снизить эффективность либо противодействовать преступным сценариям угроз.

Любой сценарий, предполагающий использование ложного контента, должен реализовываться посредством какого-либо средства коммуникации (в отношении конкретного лица), либо средства массовой информации, рассчитанного на широкую либо узкую (целевую) аудиторию, поэтому целесообразно выделить три категории средств доставки ложного контента:

1. Персональные средства коммуникации (целевая аудитория – отдельные лица).
2. Узконаправленные СМИ (узкая целевая аудитория).
3. Широковещательные СМИ (неопределенная аудитория).

В качестве вероятных сценариев угроз со стороны злоумышленников и наиболее ожидаемых соответствующих им категорий средств можно выделить следующие:

- кража личных данных для совершения мошенничества в отношении жертвы (1) или доступа к корпоративной информации (1, 2);
- выдача себя за государственных служащих или членов семьи жертвы для совершения мошенничества (1, 2);
- вымогательство посредством шантажа жертвы (1, 2);
- мошенничество с переводом денежных средств путем выдачи себя за сотрудника финансовой организации (1);

– манипулирование активами с помощью сфабрикованных событий с целью нанесения ущерба репутации руководства компании, создания ложного одобрения продукта с целью введения в заблуждение инвесторов (3);

– вредоносные слухи – распространение ложных слухов с целью инициирования массового изъятия средств из финансовой организации (3);

– сфабрикованные действия руководства страны – создание ложного впечатления о возможном изменении политики, процентной ставки, наложение санкций и т. п. (3);

– регулирующий астротурфинг – создание ложного впечатления о взглядах общественности на предлагаемые изменения в политической, экономической, социальной сферах целью оказания влияния на предлагаемые изменения.

Достижения в области технологий сделали достаточно сложную процедуру различения дипфейков и реальных изображений или видео невооруженным глазом, поэтому в ряде стран ведется работа по созданию технологий, направленных на их обнаружение. К сожалению, одной только технологии явно недостаточно, во-первых, потому что само «машинное обучение» в принципе может обойти эти технологии за счет более долгого «обучения» генератора дипфейка, во-вторых, она может быть недоступна для использования в некоторых условиях, поэтому совместно с ней в обнаружении дипфейков главным будет оставаться «человеческий» фактор.

Так, эффективным подходом в обнаружении дипфейков видео, фото в отсутствии компьютерных средств, гарантирующих 100 % результат в современных условиях, целесообразно проводить работу, направленную на то, чтобы не только сотрудники, но и обычные граждане были обучены распознавать дипфейки голоса, изображений и видео.

В этой связи для решения задачи распознавания ложного фото- и видеоконтента экспертами в 2020 г. предложен набор характерных маркеров [6]:

- неестественные движения глаз или тела, окраска или мимика;
- нереалистичное расположение черт лица, частей тела или его положения;
- отсутствие эмоций;
- нереалистичные волосы, зубы;

– размытие или несовпадение изображения и звука;
– странный шум или неподходящий звук;
– изображение выглядит при замедлении неестественно.

Обобщая результаты анализа, можно предложить следующие направления проактивной деятельности, которые целесообразно включить в виде конкретных мероприятий в План мероприятий по обеспечению безопасности организации. Данные мероприятия при несомненном их выполнении позволят если не предотвратить совсем, то значительно снизить количество преступлений, совершающихся с использованием технологии машинного обучения:

1. Информирование сотрудников о подобных типах вредоносной активности, обязывать их реагировать на необычное поведение собеседника в телефонном разговоре или голосовом сообщении.

2. Внедрение практики многофакторной аутентификации сотрудников.

3. Отслеживание фактов наличия программ для создания дипфейков на компьютерах сотрудников, попыток поиска этих приложений в глобальной сети, проведение в их отношении внутренних проверок.

4. Минимизация числа каналов коммуникации организации, мониторинг каналов.

5. Обеспечение согласованного распространения информации.

6. Ограничение фото- и видеоконтента с участием руководства организации, разработка плана реагирования на дезинформацию.

7. Для связи с сотрудниками применять практику введения устных паролей, кодовых слов или контрольных вопросов, ответ на которые известен только двум сторонам.

Внедрение предложенных направлений деятельности в практику государственных и коммерческих организаций позволит снизить влияние ложного контента на деятельность организации и повысит эффективность проведения органами внутренних дел оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий при расследовании подобных преступлений за счет привлечения большего числа сотрудников организации, понимающих механизм создания и распространения ложного контента, в качестве свидетелей по перспективным уголовным делам, связанным с инцидентами информационной безопасности.

Литература

1. URL: <https://www.arachnys.com/deep-fakes-ghosts-in-machines-and-their-effect-on-the-financial-world>.

2. URL: <https://www.ic3.gov/Media/News/2021/210310-2.pdf>.

3. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/pwc-future-of-payments.pdf>.

4. URL: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402>.

5. URL: <https://translate.google.ru/?hl=ru&sl=en&tl=ru&text=Deepfakes%20and%20Synthetic%20Media%20in%20the%20Financial%20System%3A%20Assessing%20Threat%20Scenarios&op=translate>.

6. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Deepfakes-as-a-information-security-threat#part4/.

Bibliography

1. URL: <https://www.arachnys.com/deep-fakes-ghosts-in-machines-and-their-effect-on-the-financial-world>.

2. URL: <https://www.ic3.gov/Media/News/2021/210310-2.pdf>.

3. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/pwc-future-of-payments.pdf>.

4. URL: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402>.

5. URL: <https://translate.google.ru/?hl=ru&sl=en&tl=ru&text=Deepfakes%20and%20Synthetic%20Media%20in%20the%20Financial%20System%3A%20Assessing%20Threat%20Scenarios&op=translate>.

6. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Deepfakes-as-a-information-security-threat#part4/.

Ильяшенко Екатерина Алексеевна
Ilyashenko Ekaterina Alekseevna

старший специалист отдела обеспечения судопроизводства по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции.

Senior Specialist of the Criminal Proceedings Support Department of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction.

E-mail: katyail99@mail.ru

ОБЪЕКТ СОСТАВА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

Object of composition knowingly false reports of an act of terrorism

В статье излагаются результаты исследования вопросов понимания признаков объекта состава преступления, предусмотренного ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации. Выявлено влияние тенденций развития современного информационного общества на содержательные аспекты объекта состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Сделан вывод о нарушении по преступлениям общественной информационной безопасности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, объект преступления, терроризм, общественная безопасность, информационная безопасность.

The article presents the results of a study of the issues of understanding the signs of the object of the corpus delicti provided for in Art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation. The influence of trends in the development of modern information society on the content aspects of the object of the deliberately false message about an act of terrorism was revealed. The conclusion was made about the violation of public information security by this crime.

Keywords: criminal liability, crime, object of crime, terrorism, public safety, information security.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма как преступление, закрепленное в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», является весьма уникальным с позиции его места в российском уголовном законе. Вполне очевидно, что содержание соответствующего уголовно-правового запрета является отличным от многих других смежных предписаний, в том числе в разрезе родовой и видовой принадлежности. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма, как это следует из самого наименования преступления, подразумевает его взаимосвязь не с реальной террористической деятельностью, а с вымышленными событиями, обладающими признаками преступлений террористической направленности.

Статья 207 УК РФ размещена в ряду преступлений террористической направленности, но предусмотренное ею преступление таковым не является [1], как и не относится оно к террористической деятельности. Представляется, что данные обстоятельства позволяют выдвинуть

гипотезу о потенциально иной характеристике родового и видового объекта данного преступления, по сравнению со смежными (в структуре УК РФ) общественно опасными деяниями.

Зачастую деяние, запрещенное ст. 207 УК РФ, относят к категории преступлений против общей безопасности вместе с иными преступлениями террористической направленности [2, с. 34–39]. Другие авторы называют данную группу преступлений посягательствами на основы общественной безопасности [3, с. 471]. Самой распространенной точкой зрения на понимание непосредственного объекта состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма является признание таковым общественной безопасности. В теории уголовного права отмечается, что из-за совершения этого преступления «нарушается нормальная деятельность учреждений, органов, организаций, отвлекаются значительные силы и средства правоохранительных органов, причиняется вред интересам конкретных граждан» [4].

На наш взгляд, вывод о родовой принадлежности состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма к числу преступлений против общественной безопасности и общественного порядка делается, как правило, в результате констатации месторасположения рассматриваемой нормы уголовного закона, не подвергая данный вопрос тщательному анализу и перепроверке. Между тем актуальной задачей науки уголовного права является своевременная ревизия законодательных положений на предмет их соответствия исходным правилам построения уголовно-правовых предписаний, порядка их нормативного закрепления и изложения.

Принято считать, что под общественной безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Совершенно очевидно, что указанное состояние подвергается серьезному нарушению вследствие террористической деятельности. Однако обоснованные сомнения возникают в части возможности такого же вывода в случаях заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Ведь в действительности обозначенное состояние защищенности не подвергается какому-либо негативному воздействию. И даже ошибочное восприятие соответствующего ложного заявления об акте терроризма неопределенным кругом лиц не позволяет констатировать нарушение общественной безопасности в классическом ее понимании, которая фактически остается неизменной.

Вместе с тем объектом преступления традиционно считаются не только такие общественные отношения, которым преступлением причиняется вред, но и отношения, поставленные под угрозу вреда. По нашему мнению, заведомо ложное сообщение об акте терроризма не создает и угрозы нарушения общественной безопасности. Думается, что можно провести аналогию с преступлениями против здоровья: какие-либо магические обряды, заговоры не в силах причинить вред здоровью и не создают угрозу такого вреда. Так и с ложными заявлениями о террористических актах – они действительной угрозы общественной безопасности не создают.

Следует отметить, что в уголовно-правовой литературе предпринимаются попытки пересмотра подходов к определению видового

объекта преступлений против общественной безопасности. Например, Р.В. Закомолдин полагает, что данные деяния посягают на общественное спокойствие [5]. Конечно же, понятие общественной безопасности нередко вызывает нарекания, прежде всего, в части отсутствия четких формальных границ, позволяющих отграничить общественную безопасность от смежных правовых категорий. Оно, безусловно, неидеально, но лучшей альтернативы найти ему непросто. С уверенностью можно утверждать, что замена общественной безопасности термином «общественное спокойствие» еще менее оправданно. Преступление, запрещенное ст. 207 УК РФ, общественное спокойствие, очевидно, нарушает, но это не повод поддержать такую идею. Общественное спокойствие не только чрезвычайно широкое, но и весьма аморфное понятие. Кроме того, например, обозначить таким образом объект террористического акта будет в корне неверным. Представляется, что суть и других преступлений террористической направленности находится далеко за пределами общественного спокойствия. И здесь уместнее говорить об общественной безопасности.

В то же время в уголовно-правовой науке объектом состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма обозначают не только общественную безопасность. По мнению ряда авторов, непосредственным объектом рассматриваемого «преступления является общественный порядок, т. е. система общественных отношений, обеспечивающая обстановку спокойствия, защищенности личности в сфере труда, быта и отдыха» [6; 7]. Причем некоторые авторы настаивают на том, что объектом состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, является именно общественный порядок, а никак не общественная безопасность. Объясняют это иной мотивацией, чаще всего хулиганскими побуждениями, а также неиспользованием оружия и взрывных устройств [8, с. 28].

Имеются основания полагать, что общественный порядок зачастую нарушается в результате совершения преступления, регламентированного ст. 207 УК РФ. И в этом ракурсе уместно упомянуть и общественное спокойствие, и упорядоченное функционирование государственных органов, различных организаций и учреждений. В случае совершения

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

анализируемого преступления из хулиганских побуждений вопросы нарушения общественного порядка выдвигаются на первый план. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма в этой ситуации предполагает выражение волеизъявления виновного нарушить общественные устои и уклады, противопоставить себя окружающим, не принимая во внимание возможные последствия от подобного поступка.

И, кстати сказать, отсутствие подобной мотивации может служить основанием для вывода об отсутствии состава преступления, установленного ст. 207 УК РФ. В юридической литературе приводится следующий пример: «В январе 2018 г. в г. Воронеже мужчина пришел в ночной клуб, где при входе находилась частная охрана, которая не впустила его в помещение заведения, аргументируя тем, что он не прошел фейсконтроль. Посетитель обратился к администратору за разъяснениями и получил ответ, что клуб с рестораном – это частное заведение, и они сами решают, кого пускать, а кого нет, без объяснения причин. Обидевшись на это, мужчина позвонил в правоохранительные органы и сообщил, что клуб заминирован. Для устранения данного правонарушения были привлечены сотрудники правоохранительных органов, федеральной службы безопасности, саперы, заведение было вынуждено приостановить работу, эвакуировать перепуганных посетителей, однако виновник всего этого остался безнаказанным. По данному факту была проведена проверка, в результате которой было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления, т. к. в деянии вышеуказанного гражданина не усматривалось хулиганских побуждений, его поведение характеризовалось личным неприязненным отношением к администрации данного заведения» [9, с. 129–137].

На наш взгляд, в данном случае действительно можно усмотреть конфликт между двумя сторонами – клубом и его посетителем. Общественные интересы в этой ситуации если и нарушены, то крайне незначительно.

Однако в действующем законодательстве хулиганские побуждения закреплены в качестве составообразующего признака заведомо ложного сообщения об акте терроризма, предусмотренного ч. 1, 2 и 4 ст. 207 УК РФ. А вот для

деяний, запрещенных ч. 3 и 4 ст. 207 УК РФ, установление хулиганских побуждений не требуется. Данные преступления подразумевают наличие цели дестабилизации деятельности органов власти.

В то же время наличие цели дестабилизации деятельности органов власти вряд ли может безоговорочно свидетельствовать о нарушении общественной безопасности. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма в современных условиях едва ли способно дестабилизировать деятельность органов власти. Ведь в последние годы общество и государство уже в целом относительно спокойно воспринимают факты заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Конечно же, наличие указанной цели в совершенном лицом деянии отнюдь не требует фактической дестабилизации деятельности органов государственной власти. В этих условиях в результате совершения исследуемого преступления также не будут усматриваться признаки нарушения общественной безопасности. Все это в большей мере свидетельствует о посягательстве на общественный порядок, на сложившиеся в обществе уклады повседневной жизнедеятельности.

Весьма интересный аспект затрагивается П.Э. Жигоцким и Н.А. Чесноковым, которые обращают внимание на то, что норма об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма представляет собой инструмент защиты от информации [10, с. 35–42].

По нашему мнению, изложенный момент является узловым в плоскости определения объекта состава преступления, регламентированного ст. 207 УК РФ. Вследствие заведомо ложного сообщения об акте терроризма в первую очередь страдает состояние информационной защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Иными словами, рассматриваемое деяние посягает на информационную безопасность неопределенного круга лиц, т. е. на общественную информационную безопасность. Полагаем, что такое общественное благо в современных реалиях условно можно признать компонентом общественной безопасности.

Следует заметить, что указанный компонент общественной безопасности актуализируется именно в свете гиперинтенсивного развития современного информационного общества. При этом он отчетливо обособляется и

обладает собственными уникальными характеристиками.

В уголовно-правовой науке обращается внимание на схожесть составов заведомо ложного сообщения об акте терроризма и заведомо ложного доноса. Объединяет их ложная информация, которая передается компетентным государственным органам. Как пишет В.В. Макаров, ст. 207 УК РФ выступает специальной нормой по отношению к ст. 306 УК РФ, «т. к. заведомо ложное сообщение об акте терроризма является по своей сути заведомо ложным сообщением о преступлении лишь с той разницей, что объектом данного преступления будут являться общественные отношения в сфере общественной безопасности» [11, с. 10–12]. Примечательно, что к аналогичному выводу приходят и другие авторы [12, с. 14].

В разрезе изучения признаков объекта преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, такое соображение означает, что объект анализируемого преступления охватывает своим содержанием отношения в сфере правосудия. Однако, на наш взгляд, какие-либо формально-юридические основания для такого вывода отсутствуют, поскольку это совершенно разные сферы общественных отношений. В действительности могут иметь место признаки нарушения одного или другого объектов, одновременное их нарушение одним деянием сложно представить даже теоретически. И тогда могут быть выявлены критерии разграничения данных преступлений, что исключает наличие конкуренции между ними.

В юридической литературе обосновываются тезисы о наличии в составе преступления, регламентированном ст. 207 УК РФ, дополнительных объектов. Так, по утверждению В.П. Степалина, «дополнительным непо-

средственным объектом этого состава преступления являются отношения собственности (материальный ущерб, состоящий из затрат органов правопорядка на проверку сообщения об акте терроризма, упущенная выгода предприятий в результате приостановления работы), права и интересы граждан, нормальная деятельность организаций, учреждений, предприятий, где якобы будет совершен акт терроризма. В некоторых случаях может быть нанесен вред здоровью людей, например в результате возникшей паники, давки» [13].

В подобном ключе высказываются и некоторые другие специалисты, признавая дополнительным непосредственным объектом исследуемого преступления «порядок управления, собственность предприятий и организаций, в том числе правоохранительных органов, понесших убытки от преступления. В некоторых случаях может быть нанесен вред здоровью людей в результате страха, возникшей паники и т. д.» [7].

Анализ законодательных предписаний, сформулированных в ст. 207 УК РФ, позволяет согласиться с данными выводами. Объясняется это, в частности, тем, что рассматриваемый состав преступления характеризуется такими признаками, как причинение крупного ущерба (ч. 2 ст. 207 УК РФ), смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 4 ст. 207 УК РФ).

Таким образом, состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной информационной безопасности. В качестве дополнительных объектов данного преступления могут выступать жизнь и здоровье человека, собственность, порядок управления и т. д.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4. (ред. от 03.11.2016).
2. Маршакова Н.Н. Преступления террористической направленности в системе уголовного законодательства: теоретическое исследование // Российский следователь. 2015. № 24.

Bibliography

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 dated 09.02.2012 «On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 4. (ed. from 03.11.2016).
2. Marshakova N.N. Crimes of a terrorist orientation in the system of criminal legislation: a theoretical study // Russian investigator. 2015. № 24.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

---

3. Боков А.В. Преступления против общественной безопасности // Уголовное право России. Практический курс: учебно-практическое пособие. М., 2004.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). М., 2015.
5. Закомолдин Р.В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности: монография. Тольятти, 2013.
6. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам. М., 2007.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2008.
8. Тришева А. Преступление террористического характера // Законность. 2008. № 8.
9. Густова Э.В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы конструирования и применения // Журнал российского права. 2018. № 11.
10. Жигоцкий П.Э., Чесноков Н.А. Проблемы информационной безопасности (защита от информации, распространение которой запрещается) // Российский следователь. 2015. № 4.
11. Макаров В.В. Общие и частные вопросы заведомой лжи в УК РФ // Российский следователь. 2009. № 16.
12. Цепелев К.В. Уголовно-правовая характеристика заведомо ложного доноса как преступления, посягающего на формирование доказательств в уголовном процессе // Российский следователь. 2009. № 2.
13. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. М., 2009.
3. Bokov A.V. Crimes against public safety // Criminal law of Russia. Practical course: educational and practical. Moscow, 2004.
4. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 vol. (article by article). Moscow, 2015.
5. Zakomoldin R.V. Criminal violations of special rules and security requirements: monograph. Togliatti, 2013.
6. Isakov G.A., Rarog A.I. Chuchaev A.I. Handbook of judges in criminal cases. Moscow, 2007.
7. Commentary on the Criminal code of the Russian Federation (itemized). Moscow, 2008.
8. Trisheva A. Crime of a terrorist nature // Legality. 2008. № 8.
9. Gustova E.V. Novelties of criminal legislation: problems of construction and application // Journal of Russian Law. 2018. № 11.
10. Zhigotsky P.E., Chesnokov N.A. Problems of information security (protection from information whose dissemination is prohibited) // Russian investigator. 2015. № 4.
11. Makarov V.V. General and private questions of deliberate lies in the Criminal Code of the Russian Federation // Russian investigator. 2009. № 16.
12. Tsepelev K.V. Criminal-legal characteristics of deliberately false denunciation as a crime encroaching on the formation of evidence in the criminal process // Russian investigator. 2009. № 2.
13. Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook. Moscow, 2009.

Назаров Сергей Николаевич
Nazarov Sergei Nikolaevich

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной работы Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент.

Professor, the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Doctor of Law, Associate Professor.

ПРОБЛЕМА ОПТИМИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

The problem of optimizing the authority of the prosecutor at the pre-trial stages criminal proceedings

В статье обосновывается общность форм предварительного расследования. Сохранение дифференциации полномочий прокурора в отношении дознания и следствия определяется как необоснованное. Эффективной формой деятельности прокуратуры рассматривается взаимодействие с органами расследования.

Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, формы предварительного расследования, руководство расследованием, взаимодействие.

The article substantiates the generality of the forms of preliminary investigation. Preservation of the differentiation of the powers of the prosecutor in relation to inquiry and investigation is defined as unjustified. Interaction with the investigating authorities is considered an effective form of activity of the prosecutor's office.

Keywords: prosecutor, prosecutor's powers, forms of preliminary investigation, investigation management, interaction.

Проблема повышения эффективности деятельности прокурора в сфере расследования уголовных дел до настоящего времени полностью не решена.

Законодательное лишение прокурора Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ права самостоятельно отменять незаконные правовые акты следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении и прекращении уголовного дела, а также права давать указания следователю и руководить расследованием не было достаточно обоснованным.

Моделью указанных изменений, как известно, послужила «общенадзорная» компетенция, согласно которой прокурор не имеет властных полномочий, его реагирование на нарушение закона носит рекомендательный характер. При необходимости прокурор обращается в суд.

Введенное в 2007 г. положение, предусматривающее возможность отмены вышеперечисленных процессуальных решений при их незаконности путем обращения в орган расследования, согласуется с «общенадзорным» полномочием прокурора, предусмотренным ст. 23 ФЗ

«О прокуратуре РФ», согласно которому принесение прокурором протеста на незаконный правовой акт не обладает императивностью.

О намерении законодателя осуществить межотраслевую унификацию полномочий прокурора, основанную на «общенадзорной» модели, свидетельствует следующее сопоставление уголовно-процессуальных и «общенадзорных» полномочий прокурора.

Согласно ч. 2 ст. 26 ФЗ «О прокуратуре РФ», согласно которой органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не вмешиваются в их деятельность. Лишение прокурора права давать обязательные для следователя указания, сохраненное по настоящее время, согласуется с положениями указанной статьи.

Частично возвращение прокурора в последующем ряда утраченных полномочий (права отменять незаконные и необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении и прекращении уголовного дела) актуализирует необходимость исследования в дальнейшей оптимизации полномочий

прокурора в сфере расследования уголовных дел.

Обновленное правовое регулирование прокурорских проверок и доступа прокурора к материалам расследуемого уголовного дела ориентировано на инцидентные основания их проведения, что соответствует положениям ч. 2 ст. 21 Закона «О прокуратуре РФ» о проведении проверки исполнения законов на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором.

Попытка реализовать универсальную «общенадзорную» модель прокурорского надзора в сфере расследования уголовных дел, основанную на диспозитивном подходе к исполнению требований прокурора, как показала практика, не учитывала особенности этой сферы общественных отношений и специфику ее правового регулирования, в связи с чем не обеспечивала законность при производстве расследований уголовных дел.

Уголовный процесс характеризуется спецификой задач, в том числе сложностью деятельности по установлению фактических обстоятельств уголовного дела, что «влечет необходимость создания максимальных гарантий прав личности в уголовном процессе, законности и обоснованности всех уголовно-процессуальных действий и решений» [1, с. 61].

Внутриотраслевая унификация полномочий прокурора предшествовала изменениям полномочий прокурора в 2007 г. и существовала несколько десятилетий. Она характеризовалась наличием единых полномочий прокурора, независимо от форм расследования – дознания и следствия, и основывалась на императивном подходе исполнения предписаний прокурора. Указания прокурора были обязательны для дознавателя и следователя, прокурор вправе был руководить расследованием и отменять любые незаконные и необоснованные решения органов расследования.

Современное содержание правового регулирования полномочий прокурора характеризуется сочетанием межотраслевого и внутриотраслевого подходов к их формированию, при котором диспозитивный подход преобладает в отношении расследования в форме следствия, а императивный – в отношении расследования в форме дознания.

Надлежащее теоретическое обоснование такой дифференциации отсутствует. Принципиального различия между дознанием и следствием нет. Обе формы расследования разрешают единые для них задачи на основе единых принципов, результаты деятельности влекут единые правовые последствия.

Следует отметить законодательные новеллы, направленные на сближение со статусом руководителя следственного органа начальника органа дознания, полномочия которого расширены во введенной в 2015 г. в УПК РФ ст. 40.2, а также сближение со статусом следователя статуса дознавателя. Федеральным законом от 14.12.2015 № 380-ФЗ внесены изменения в ст. 226.8 УПК РФ, в соответствии с которыми дознаватель наделен таким же, как и следователь, правом обжалования некоторых решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным постановлением, которое ранее у дознавателя отсутствовало.

В условиях общности форм предварительного расследования дальнейшее сохранение дифференциации полномочий прокурора в отношении дознания и следствия, по нашему мнению, является необоснованным. Полагаем, что полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства должны быть унифицированы для дознания и следствия.

Предпосылками такой унификации следует рассматривать законодательные изменения полномочий прокурора в части его влияния на процесс расследования при возникновении ситуации, связанной с нарушением разумных сроков. Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в ст. 124 УПК РФ внесены изменения, в соответствии с которыми прокурор при удовлетворении жалобы на нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства в постановлении указывает процессуальные действия, осуществляемые для ускорения рассмотрения дела, и сроки их осуществления (п. 2.1).

Приведенное полномочие прокурора соответствует полномочию начальника органа дознания давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ) и аналогичному полномочию руководителя следственного органа (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Из содержания ст. 124 УПК РФ

следует, что ею охватываются и дознание, и предварительное следствие.

Фактически прокурору возвращено право руководства расследованием, но его реализовать он может только при определенных условиях – при обращении участников уголовного судопроизводства, по мнению которых нарушены разумные сроки расследования.

Однако в настоящее время, как справедливо отмечается в юридической литературе, нельзя говорить о руководстве прокурором уголовным преследованием в связи с существенным изменением статуса прокурора в уголовном судопроизводстве, отсутствием у него важнейших для уголовного преследования полномочий по возбуждению уголовного дела, предъявлению обвинения, избранию меры пресечения [2, с. 23].

В связи с этим является актуальным определение наиболее эффективной формы деятельности прокуратуры по реализации полномочий, предусмотренных ст. 124 УПК РФ, содержание которых свидетельствует о реализации функции уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

При этом следует исходить из того, что любая реформа, модель уголовного судопроизводства должна в первую очередь оцениваться с позиции эффективности ее реализации, достижения целей защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [3, с. 90].

В надзорных полномочиях прокурора выделяют полномочия по выявлению нарушений закона, их причин и способствующих им условий, устранению нарушений закона и предупреждению нарушений закона [4, с. 210].

Условием эффективной реализации полномочий прокурора является соответствующая ей информационность прокурора о состоянии расследования.

Однако на досудебных стадиях уголовного судопроизводства прокурор по расследуемому уголовному делу не располагает достаточным объемом информации по делу для выявления нарушений закона. УПК РФ предусматривает информирование прокурора о расследовании уголовного дела посредством направления ему органами предварительного

расследования ограниченного количества процессуальных документов, связанных с движением уголовного дела (постановления о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении, сообщение о задержании подозреваемого и др.), которые не содержат достаточной информации для оценки состояния расследования.

Получаемая прокурором информация при участии в суде в связи с избранием мер пресечения (арест, домашний арест, залог, запрет определенных действий), при поступлении в суд обращений участников уголовного процесса также носит суженный характер и имеет место не по каждому уголовному делу.

Оценка же состояния процесса расследования уголовного дела для определения процессуальных действий, необходимых для его ускорения с установлением сроков их осуществления, возможна только на основании всей совокупности материалов дела на конкретном его этапе. Такая оценка взаимосвязана и со знанием следственной ситуации по делу, которая обуславливает тактико-процессуальные особенности следствия, его планово-организационное обеспечение.

Для выработки действенных мер прокурор должен быть информирован о состоянии организации и планировании расследования. В противном случае указания прокурора, направленные на ускорение расследования, могут дублировать запланированные органом расследования следственные действия.

Однако вопросы планово-организационного обеспечения организации предварительного расследования не составляет предмет надзорной деятельности прокурора, в связи с чем деятельность прокурора по расследуемым уголовным делам в части обеспечения разумного срока должна осуществляться в форме, позволяющей наиболее эффективно содействовать своевременному расследованию уголовных дел.

Таким видом деятельности (функцией) прокурора по обеспечению разумного срока по расследуемым уголовным делам является, по нашему мнению, взаимодействие прокурора с органами предварительного расследования в значении «взаимодействие-сотрудничество» как равноправных субъектов.

В отдельных научных исследованиях деятельности прокуратуры взаимодействие, представляющее самостоятельный вид деятельности

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

(функцию), рассматривается как элемент надзорной деятельности, содержанием которого рассматриваются «полномочия прокурора по надзору за деятельностью судебных следователей» [5, с. 20].

В данном случае взаимодействие имеет значение «взаимоотношение», чем не соблюдена четкость в использовании понятийного аппарата.

Содержание взаимодействия состоит не в даче императивных надзорных указаний, а в совместном анализе всей совокупности имеющейся по делу информации, определении состояния расследования и следственной ситуации, формировании комплекса следственно-организационных мер, направленных на расследование уголовного дела в объективно необходимый период времени с соблюдением требований всесторонности, полноты и объективности.

Литература

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М., 2001.
2. Жубрин Р.В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76).
3. Бозров В.М., Ергашев Е.Р., Кобзарев Ф.М. Возбуждение и расследование уголовных дел прокурором: шаг вперед или два шага назад // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 3 (65).
4. Настольная книга прокурора / под ред. С.И. Герасимова. М., 2002.
5. Гусакова Ю.С. Организационно-правовые основы взаимодействия прокуратуры и органов расследования России в XVIII – начале XX вв. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001.

Взаимодействие прокуратуры с органами предварительного расследования – дознания и предварительного следствия представляет собой вспомогательное направление деятельности прокуратуры, состоящее в согласованном воздействии на процесс расследования уголовных дел преимущественно ведомственным (межведомственным) порядком регулирования совместных действий.

Таким образом, представляется актуальным продолжение реализации отраслевой унификации полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства единой для всех форм предварительного расследования (дознания и следствия), состоящей в сочетании надзорной деятельности прокуратуры с взаимодействием прокуратуры с органами предварительного расследования по вопросам руководства расследованием.

Bibliography

1. Criminal Procedure Law of the Russian Federation / ed. P.A. Lupinskaya. M., 2001.
2. Zhubrin R.V. Criminal prosecution as a function of the prosecutor's office of the Russian Federation // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2020. № 2 (76).
3. Bozrov V.M., Ergashev E.R., Kobzarev F.M. Initiation and investigation of criminal cases by the prosecutor: a step forward or two steps back // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2018. № 3 (65).
4. Handbook of the prosecutor / ed. S.I. Gerasimov. M., 2002.
5. Gusakova Yu.S. Organizational and legal foundations of interaction between the prosecutor's office and the investigation bodies of Russia in the 18th – early 20th centuries. (historical and legal research): author. dis. ... cand. jurid. sciences. Kazan, 2001.

Кулешов Роман Владимирович
Kuleshov Roman Vladimirovich

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент.

Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Federal State Budgetary Institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Law, Associate Professor.

Мясников Анатолий Павлович
Myasnikov Anatoly Pavlovich

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор.

Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Federal State Budgetary Institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Law, Professor.

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ КАК УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭТАПА
ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ДАННОЙ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

**The regularities of the emergence of information about extremist
and terrorist crimes as a condition for improving the verification stage
of reports on this category of crimes at the stage of initiation
of criminal proceedings**

В статье рассмотрены методологические аспекты, связанные с закономерностями возникновения информации о преступлениях экстремистской и террористической направленности, как условия совершенствования этапа проверки сообщений о данной категории преступлений в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: криминалистика, след, закономерность, сообщение о преступлении, раскрытие, расследование, экстремизм, терроризм.

The article considers methodological aspects related to the regularities of the emergence of information about crimes of extremist and terrorist orientation as a condition for improving the stage of verification of reports on this category of crimes at the stage of initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminalistics, trace, pattern, crime report, disclosure, investigation, extremism, terrorism.

Действия террористов и экстремистов отличаются тщательной организованностью и слаженностью, глубокой сплоченностью на идеологической почве. Демонстрируемая ими агрессия и иное крайне враждебное поведение по отношению к представителям «антагонистических» социальных групп, доходимые до психологической и физической готовности к их уничтожению, в том числе путем самопожертвования, нередко мотивированы фанатичным служением какой-либо «сверхценной идее». Конспиративность действий по организации террористического (экстремистского)

сообщества и (или) организации, подготовке конкретных масштабных террористических и экстремистских акций сочетается с демонстративным и даже эпатажным характером самих осуществляемых террористических актов и экстремистских выступлений.

И ученые, и практики свидетельствуют о множестве проблем, характерных для всех этапов расследования деяний указанной категории. Сложный характер этих деструктивных социальных явлений стимулирует множество тактических и стратегических ошибок в организации следственной и оперативно-розыскной

деятельности, что влечет пробелы в доказывании обстоятельств этих посягательств, в установлении всех этапов и эпизодов преступной деятельности, особенно в плане выявления организаторов, интеллектуальных лидеров и иных активистов. Обвиняемые по резонансным преступлениям экстремистской направленности отличаются глубокой идеологической подготовленностью, склонностью к мессианству; нередко ими иницируются активные действия с привлечением средств массовой информации и различных представителей общественности, направленные на оспаривание экстремистских начал в деятельности обвиняемых. Практике известны случаи оправдательных приговоров по резонансным делам о преступлениях экстремистской направленности, вынесенных в результате неоднократных пересмотров уголовных дел судами последующих инстанций, что также свидетельствует о недостаточной подготовленности следователей.

Отечественные уголовно-процессуальные институты, регламентирующие порядок формулирования и осуществления уголовного преследования путем формирования доказательственной базы по делу, являются нормативной предпосылкой для разработки методико-криминалистических рекомендаций, адаптированных применительно к конкретным категориям преступлений с целью повышения результативности их раскрытия и расследования. С точки зрения уголовного процесса этап возбуждения уголовного дела представляет собой самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, а с точки зрения общих положений криминалистической методики – элемент частной криминалистической методики расследования отдельных видов преступления [1].

Источники первичных сведений о преступлениях, юридические факты, обуславливающие возникновение уголовно-процессуальных отношений, именуется поводами к возбуждению уголовного дела [2].

С точки зрения УПК РФ предусмотрено 3 универсальных (не зависящих от категории преступления) повода для возбуждения уголовного дела: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о преступлении, полученное из иных источников (по отношению к заявлению о преступлении и явке с повинной) [3].

Полагаем, что в ст. 140–143 УПК РФ речь идет не о поводах для возбуждения уголовного дела, а, скорее, о форме информации о признаках преступлений, обуславливающих принятие решения о возбуждении уголовного дела по мере установления необходимого основания. Однако, придерживаясь терминологии, принятой и устоявшейся в уголовно-процессуальном законе, будем и далее именовать названные положения поводом к возбуждению уголовного дела. Основанием для возбуждения любого уголовного дела, независимо от его категории, является наличие достаточных данных, полученных из источников, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ, указывающих на признаки преступления [4]. Подчеркнем, что эти достаточные данные должны указывать именно на признаки преступления (общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость), а не отображать в полном объеме все признаки состава преступления, тем более – все обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

Следует согласиться с профессором А.В. Варданяном, что «криминалистика, разрабатывая рекомендации по повышению результативности деятельности следователя (дознателя), в том числе и в условиях оказания противодействия расследованию, должна в любом случае исходить из требований уголовно-процессуального законодательства, выступающего одним из источников криминалистических рекомендаций» [5]. «Посткриминальная деятельность не ограничивается местом совершения, а после совершения преступления проявляется в действии и поступках различных лиц на достаточном продолжительном временном отрезке, порой выходящим за пределы вынесения обвинительного приговора» [6]. «В то же время, как нам представляется, достижение полноты, всесторонности и объективности, о которых говорится в приведенном выше определении, важно не само по себе, а как необходимое условие добротной доказательственной базы, позволяющей разрешить основной вопрос по делу и, в целом, обеспечить как изобличение лица, виновного в совершении преступления, восстановление нарушенной преступлением справедливости, так и реабилитацию лица, необоснованно подвергнувшегося уголовному преследованию» [7]. «Противодействие как вид посткриминальной деятельности субъектов,

несмотря на появление адаптивных способов противодействия, связанных согласительными процедурами, имеет типичные способы воспрепятствования, достаточно регулярно используемые» [8].

Спецификой осуществления деятельности в стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях экстремистской или террористической направленности является распространенность такого повода, как сообщение о преступлении, полученное из иных источников.

Указанные деяния относятся к группе инициативных преступлений, выявляемых и раскрываемых в результате антиэкстремистской и (или) антитеррористической деятельности, выявляемых:

- в результате реализации оперативных материалов;

- при проведении контртеррористических мероприятий;

- при проведении различных гласных профилактических мероприятий (плановых или внеплановых) в рамках противодействия экстремистской и (или) террористической деятельности;

- при внезапном обнаружении признаков преступлений экстремистско-террористической направленности, в процессе осуществления текущей административной деятельности, не нацеленной специально на выявление преступлений названной категории;

- в процессе расследования иных преступлений смежных категорий (в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, вымогательства).

Соответственно, поводом для возбуждения уголовного дела во всех приведенных выше случаях является сообщение о преступлении, полученное из иных источников.

В правоприменительной практике встречаются материалы уголовных дел, в которых указывается, что обвиняемый явился с повинной и способствовал раскрытию преступления. Такая ситуация может трактоваться как обстоятельство, смягчающее наказание за совершенное преступление, но не как повод к возбуждению уголовного дела. Явка с повинной трактуется в УПК РФ (не в общеупотребительном смысле) именно в качестве повода для возбуждения уголовного дела, содержание которого заключается в добровольном сообщении

лицом, совершившем преступление, об обстоятельствах его совершения [9]. При этом само преступление и (или) данные о причастности к нему лица, явившегося с повинной, до этого были неизвестны органам расследования. Таким образом, не следует путать общеупотребительное и уголовно-процессуальное значение понятия «явка с повинной», тем более – подменять поводы для возбуждения уголовного дела.

Например, поводом для возбуждения уголовного дела явилась информация, поступившая из официальных источников: оперативных, административно-правовых, проведены различные мероприятия (контртеррористическая операция, специальные операции), осуществлены поисковые мероприятия: просмотр видеозаписей камер наблюдения, наведение справок, получение информации с технических каналов связи, опросы лиц, задержание и доставление отдельных лиц, причастность которых к преступлению вероятна, исходя из определенных фактических данных и т. п. Задержанные указали на причастность к совершению преступления конкретного лица, их пояснения согласуются между собой и с другими материалами проверки.

В этой ситуации лицо (одно из задержанных либо задержанное после по мере установления обстоятельств, указывающих на его причастность) сообщает о явке с повинной и готовности оказать помощь в раскрытии и расследовании преступлений, добровольно на месте показать известные ему обстоятельства преступления и т. д. Несомненно, такое действие подозреваемого необходимо принять и отразить в процессуальных документах, но не как явку с повинной (поскольку явка с повинной – это повод для возбуждения уголовного дела, что не согласуется с фактическими обстоятельствами последовательности поступления и проверки сообщения о преступлении), а как осуществление лицом активного способствования раскрытию и расследованию преступления, изобличению соучастников. То есть правоприменители отождествляют признание обвиняемым своей вины на начальном этапе расследования в сочетании с согласием с предъявленным обвинением на последующем этапе и явку с повинной как повод возбуждения уголовного дела, что не является верным. Указанные добровольные

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

действия подозреваемого правильнее оформить в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве либо как обстоятельство, смягчающее наказание. Считаем необходимым учитывать особенности тактики проверки отдельных приемов позитивной посткриминальной деятельности на первоначальном этапе расследования их расследования [10].

Ряд преступлений террористическо-экстремистской направленности и некоторых смежных с ними преступлений прямо предусматривают явку с повинной не только как повод для возбуждения уголовного дела, но и как специальное основание для прекращения уголовного преследования. Явка с повинной в данном случае сочетается с добровольным отказом от продолжения преступной деятельности, при этом мы полностью разделяем точку зрения А.С. Андреева о специфических закономерностях, влияющих на формирование явки с повинной и тактики ее проверки [11; 12].

Другое дело, что явка с повинной в качестве повода для возбуждения уголовного дела приемлема, когда совершенное деяние включает несколько эпизодов, не все из которых были известны на момент поступления информации о признаках преступления. Например, лицо было задержано в ходе проведения контртеррористической операции, и при досмотре его автомобиля были обнаружены оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства. В процессе сотрудничества со следствием он написал явку с повинной по факту соучастия в форме пособничества в деятельности незаконного вооруженного формирования.

Заявление о преступлении в качестве повода для возбуждения уголовного дела характерно для информирования о признаках следующих видов преступлений:

- причинение вреда жизни и здоровью на почве идеологического антагонизма [13; 14; 15];
- попытка склонения к вступлению в деятельность экстремистской или террористической организации;
- осуществление преступлений агитационно-пропагандистской направленности, совершенных в общественных местах либо с помощью телекоммуникационных технологий.

Анализ материалов практики свидетельствует о достаточной распространенности принятия решения о проведении доследственной проверки

в соответствии со ст. 144–145 УПК РФ. Немедленное принятие решения о возбуждении уголовного дела возможно, если признаки преступления носят очевидный характер, а промедление с осуществлением следственных действий и мер уголовно-процессуального принуждения влечет утрату доказательственной информации и создает дополнительные трудности или опасность для потерпевших или свидетелей, сдерживает субъекта расследования в принятии мер уголовно-процессуального реагирования. Если признаки преступления неочевидны, то целесообразно провести предварительную проверку.

В ходе осмотра места происшествия обращается внимание на: следы пребывания конкретных лиц и контактного взаимодействия определенных лиц с предметами и иными объектами окружающего пространства; следы приготовления, установки, оснащения определенных орудий и средств преступления; следы и иные обстоятельства, указывающие на экстремистскую или террористическую направленность умысла субъектов преступления.

Полученные данные используются при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление к причастности к преступлению определенных лиц, их мотивации, принадлежности к конкретной экстремистской или террористической организации (сообществу), выполнении ими указаний конкретных руководителей, причастности к иным преступлениям экстремистской и террористической направленности. Изъятые объекты подлежат направлению на различные виды судебных экспертиз и проверке по учетам. По мере установления личности и местонахождения лиц, причастных к совершению преступления, планируется их задержание в обстановке наиболее благоприятной с точки зрения наличия при них доказательственной информации. Дальнейшие следственные действия, иные процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия осуществляются по типу ситуаций, характеризующихся большей информационной определенностью.

Современная редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет осуществить в рамках проверки показаний на месте комплекс различных мероприятий, среди которых, наряду с собственно проверочными мероприятиями (объяснениями лиц, истребованием различных документов и

предметов, требованиям провести документальную проверку, ревизию), предусмотрены отдельные следственные действия (осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, в том числе требующие специальных знаний: получение образцов для сравнительного исследования, назначение и проведение судебной экспертизы, исследование документов, предметов, трупов), а также выполняемые по поручению субъекта расследования оперативно-розыскные мероприятия.

Таким образом, этап проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела предусматривает осуществление совокупности разноплановых по своей природе, процессуальной форме и режиму мероприятий. Кроме того, помимо мероприятий, прямо предусмотренных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, анализируются документы, материалы и сведения, полученные иными уполномоченными субъектами правоохранительных органов, задействованных в проведении контртеррористической операции и выполняющих

соответствующие поставленные перед ними задачи.

Кроме того, оперативные подразделения, задействованные в борьбе с проявлениями экстремизма и терроризма, вправе осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, в том числе на этапе предварительной проверки – как по поручению следователя, так и по своей инициативе, при наличии оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в соответствии со ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в числе которых, помимо поручений следователя и иных субъектов расследования, указаны также осведомленность о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния (в том числе и средствами криминалистической превенции), а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Литература

1. Белов О.А., Валеев А.Т., Лютынский А.М. Особенности возбуждения уголовного дела как элемент частной криминалистической методики: значение и содержание // Актуальные проблемы российского права. № 2 (7). М., 2008.
2. Шевченко И.А. Повод к возбуждению производства по уголовному делу // Российский следователь. 2002. № 11.
3. Кузьменко Е.С. Некоторые аспекты формирования системы поводов к возбуждению уголовного дела в российском уголовном процессе // Следователь. Федеральное издание. 2008. № 7 (123).
4. Усков Р.Г. Особенности установления основания к возбуждению уголовного дела по отдельным категориям уголовных дел // Следователь. 2000. № 6.
5. Варданян А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1.
6. Варданян А.В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный

Bibliography

1. Belov O.A., Valeev A.T., Lyutynsky A.M. Features of the initiation of a criminal case as an element of a private forensic methodology: meaning and content // Actual problems of Russian law. № 2 (7). М., 2008.
2. Shevchenko I.A. The reason for initiating criminal proceedings // A Russian investigator. 2002. № 11.
3. Kuzmenko E.S. Some aspects of the formation of a system of reasons for initiating a criminal case in the Russian criminal process // Investigator. Federal edition. 2008. № 7 (123).
4. Uskov R.G. Peculiarities of establishing the grounds for initiating a criminal case in certain categories of criminal cases // Investigator. 2000. № 6.
5. Vardanyan A.V. Countering the preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1.
6. Vardanyan A.V. The development of knowledge systems about the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of

результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1.

7. Варданян А.В., Варданян Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.

8. Варданян А.В. Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1 (92).

9. Григорьев В.Н., Терехов А.Ю., Терехов М.Ю. Научный комментарий некоторых обстоятельств явки с повинной // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33).

10. Андреев А.С. Особенности тактики проверки отдельных приемов позитивной посткриминальной деятельности на первоначальном этапе расследования тяжких и особо тяжких преступлений // Философия права. 2020. № 2.

11. Андреев А.С. Познание закономерностей посткриминальной деятельности и общая теория криминалистики // Философия права. 2019. № 4.

12. Андреев А.С. Криминалистическая превенция преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, в процессе раскрытия и расследования преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. № 4.

13. Варданян А.В., Кулешов Р.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42).

14. Варданян А.В., Айвазова О.В. Диспозитивный характер заявлений юридических лиц о преступлениях экономической направленности как повод для возбуждения уголовного дела: дискуссионные вопросы теории и практики // Общество и право. 2017. № 2 (60).

15. Варданян А.В., Плясов К.А. Полномочия органов дознания как субъектов расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 1–2.

criminalistics // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 1.

7. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Izvestiya TulSU. Economic and legal sciences. 2021. № 1.

8. Vardanyan A.V. Post-criminal counteraction to the disclosure and investigation of serious crimes against the person // Jurist-Pravoved. 2020. № 1 (92).

9. Grigoriev V.N., Terekhov A.Yu., Terekhov M.Yu. Scientific commentary on some circumstances of surrender // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2 (33).

10. Andreev A.S. Features of tactics of checking certain techniques of positive post-criminal activity at the initial stage of investigation of grave and especially grave crimes // Philosophy of Law. 2020. № 2.

11. Andreev A.S. Cognition of the laws of post-criminal activity and the general theory of criminalistics // Philosophy of Law. 2019. № 4.

12. Andreev A.S. Criminalistic prevention of crimes committed in the context of post-criminal counteraction, in the process of disclosure and investigation of crimes // Izvestia TulSU. Economic and legal sciences. 2019. № 4.

13. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. On the classification of extremism and terrorism phenomena: unity of essence and polyvariance of representation in society // The Rule of Law: theory and practice. 2015. № 4 (42).

14. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Dispositive nature of statements of legal entities about economic crimes as a reason for initiating a criminal case: debatable issues of theory and practice // Society and Law. 2017. № 2 (60).

15. Vardanyan A.V., Plyasov K.A. Powers of bodies of inquiry as subjects of investigation of crimes in the sphere of foreign economic activity // Izvestia TulSU. Economic and legal sciences. 2017. № 1–2.

Хилюта Вадим Владимирович
Khilyuta Vadim Vladimirovich

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы доктор юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Yankee Kupala's Grodno State University, Doctor of Law, Associate Professor.

E-mail: tajna@tut.by

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: КРИЗИС ИЛИ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД?

Legal Science and Education: Crisis or Transition?

В статье рассматриваются концептуальные проблемы кризиса юридической науки и образования. Акцент сделан на феномене такого кризиса, его причинах, закономерностях и тенденциях. Автор анализирует современные реалии юридической науки и образования через призму позитивистской методологии научных исследований, связи юридической науки и правоприменительной практики, соотношения юриспруденции и общественных наук.

Ключевые слова: право, юриспруденция, кризис права, юридическая наука, правоприменение, философия права.

The article examines the conceptual problems of the crisis of legal science and education. Emphasis is placed on the phenomenon of such a crisis, its causes, patterns and trends. The author analyzes the modern realities of legal science and education through the lens of the positivist methodology of scientific research, the link of legal science and law enforcement practice, the ratio of jurisprudence and social sciences.

Keywords: law, jurisprudence, law crisis, legal science, law enforcement, philosophy of law.

Сегодня многие говорят о том, что юридическая наука находится в кризисе, профессия юриста менее востребована, чем когда-либо, и наступает застой в этой гуманитарной отрасли науки – юриспруденции. Справедливо ли, действительно, данное утверждение и можно ли говорить о некоем системном кризисе права? Ведь девальвация юридических знаний характерна не только для Республики Беларусь, но и для многих государств, потому как юриспруденция утрачивает свой социальный статус и авторитет. На первый взгляд, этот факт можно объяснить тем, что современный период развития мировых отношений характеризуется довольно-таки резкой сменой картины мира и мировоззрения человека. Такое положение дел сказывается и на правоведении. Поэтому в этой плоскости возникает резонный вопрос: если мы констатируем наличие кризиса в юриспруденции, в том числе и в образовательном процессе, то как его преодолеть? За счет каких резервов можно вывести отечественную юридическую науку на новый уровень?

Сразу отметим, что некоторые современные постсоветские теоретики для решения озвученной задачи, которую они интерпретируют как «институциональная нормализация», предлагают отказаться от устаревшего советского теоретического наследия, видя выход исключительно в создании новой современной правовой доктрины европейского типа [1, с. 55]. Но это при том условии, что мы принимаем позицию о кризисе права, если же нет такого кризиса, то право может и дальше развиваться в существующем русле.

Пожалуй, было бы большой ошибкой не видеть существующих проблем, которые имеются в правоведении, и отрицать очевидные факты, связанные со стагнацией права, юридического образования и правоприменения. Говоря о правоприменении, мы вынуждены именно таким образом поставить вопрос, потому что уже долгие годы юридическая наука развивается сама по себе, а правоприменительная практика идет «своим ходом». Проблема даже не в том, что наука не хочет (или не способна) «обслуживать практику», таким образом

вопрос никто и не ставит, ибо это заведомо проигрышный вариант, а в том, что практика не чувствует потребности в юридической науке, не может опереться на ее научные изыскания. В этом контексте возникает еще один вопрос: почему так произошло? Потому что наука развивается сама по себе и решает свои собственные проблемы? Или же имеющиеся теоретико-юридические построения и концепции обречены так и остаться научными изысканиями, т. е. они никогда не смогут решить существующих проблем и априори несут непрактичный характер? Порой это положение выдвигается как одно из краеугольных, когда юридические знания не несут практической направленности.

Однако поднятый частный вопрос – это лишь маленькая толика того, что есть на самом деле и отражает лишь закономерный факт существующего положения дел. Гораздо важнее в этой связи постигнуть причины сложившейся ситуации в век тотальной информатизации и техноцентризма, глобализации экономики и перманентных социально-политических кризисов. Сводить юридическую науку исключительно к практической целесообразности – есть упрощенчество, утилитарное понимание того, что любая теоретическая конструкция должна иметь практический выход, нивелирует саму юриспруденцию. Представляется, кризис права и юридического знания нужно искать в другой плоскости, хотя связь теории с практикой не может остаться вне поля зрения.

Если мы все же говорим о кризисе права (юридической науки, в частности), то очень важно наметить тенденции, суть которых позволяет нам говорить о том, что все-таки существуют проблемы идентификации правоведения в сегодняшней социальной действительности:

– право утрачивает свою регулируемую функцию, оно не оказывает никакого влияния на формирование правовой ситуации, все больше вырисовывается зависимость права от государственной власти, функционирующей экономической политики, норм морали и нравственности, поскольку право вынуждено приспособляться под складывающиеся реалии, играя вторичную роль (по этой причине можно наблюдать движение от правового регулирования к ручному управлению);

– социальная реальность указывает на то, что право отстает от тех тенденций, которые существуют в обществе, в связи с чем вопрос о социальной справедливости не может быть обоснован с точки зрения правовых предпи-

саний, свидетельствуя о том, что право больше не воспринимается как справедливый регулятор общественных отношений;

– право нестабильно, терпит удар эпохи постмодернизма, отрицающей регулирующую роль права, нравственные нормы сменяются сугубо прагматическими установками, а практика безудержного нормотворчества девальвирует роль нормативных правовых предписаний, что сказывается на устойчивости существующих отношений между обществом и государством, личностью и обществом;

– отказ от позитивистской повестки дня и от старого советского наследия выдвинул на первый план постмодернистский лозунг, ставящий под сомнение «критерии научности юриспруденции как таковой», в результате чего догматический метод, функционирующий ранее в правоведении, стал утрачивать свой смысл, и все больше стал применяться междисциплинарный подход, что на деле лишь свидетельствует о размывании границ права.

Итак, под влиянием постмодернизма, отстаивающего плюрализм методологических подходов к исследованию социальной действительности, юриспруденция стала отказываться от догматического метода познания и обоснования принятия решений. Формально-логические операции и формулы перестали быть единственно верными и обоснованными, поскольку сама логика весьма ограничена применительно к социальной деятельности, в том числе и к юридической. Формально-логические посылки не могут быть универсальными, т. к. не могут гарантировать «истинность вывода при условии истинности посылок» [2, с. 146]. Связано это с тем, что юридические факты, выступающие в роли посылок, по-разному могут быть интерпретированы, вследствие чего норма права не может быть объяснена формально-догматическим путем.

Если рассуждать иначе и перефразировать в этом отношении известную теорему К. Геделя, то окажется, что:

а) при выборе аксиом определения границ права, существуют постулаты, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть простыми средствами, а простое доказательство непротиворечивости права невозможно;

б) непротиворечивость права не может быть доказана средствами самого права, т. к. сами доказательства непротиворечивости права могут существовать, когда используются средства, невыразимые в нем.

Все это указывает на то, что все правове­дение построено на умозрительных догмати­ческих конструкциях, базирующихся на иде­ях определенных авторов и определенных эпох. Поэтому вся юридическая наука сводит­ся к простой аксиоме: к старым существую­щим идеям добавляются новые. Однако эти новые идеи и постулаты, на базе которых в последующем и конструируются нормы пра­ва, всегда основаны на том, что отрицают ста­рые. Поэтому, можно сказать, что право есть история идей и постулатов, большая часть ко­торых выстроена как теория заблуждений. Любая юридическая конструкция базируется на том, что отрицает предыдущую, а последующая будет выстроена по такому же пути.

Выстраиваемые юридические теории и конструкции никогда прямо не воздействуют на социальную реальность и не способны ее изменить, т. к. они опосредованы волей госу­дарства при принятии того или иного реше­ния. Никакую метафизическую юридическую конструкцию нельзя проверить практически и в этом отношении разрабатываемая юридиче­ская конструкция есть всего лишь ориентир определенного поведения субъекта, для кото­рого она и предназначена.

Таким образом, сегодня констатируется, что «практическая (фактическая) проверяе­мость и формальная логика являются ограни­ченными критериями научности» [2, с. 149]. Что же предлагается взамен? По сути дела, междисциплинарность и конвенциональность. То есть, предлагается, что само научное сооб­щество будет и должно решать, что есть исти­на, и какой эталон брать за основу [3, с. 10]. Отсюда и понятна вся палитра наступившего методологического разнообразия в праве. Но не приводит ли плюрализм правопонимания к скептицизму и релятивизму?

Как это ни парадоксально, при такой пара­дигме правовая наука утрачивает свою авто­номность. Отказ от юридико-догматического метода размывает основы правове­дения, потому как на этом методе фактически и осно­вывается сегодняшнее право. Иные методы, применяемые в общественных науках, могут быть только дополнительными, но никак не основными, соответственно и деление наук не по предмету, а по методу «выбивает почву из­под ног права». Кризис права, о котором сего­дня так много говорят, вызван определенной подоплекой, которая связана с тем, что право не способно регулировать общественные от­

ношения, правовая доктрина схоластична и утрачивает свое предназначение. Поэтому, выход может быть только один: это придание праву междисциплинарного (полипарадиг­мального) характера и рассмотрение его в связ­ке с иными общественными (гуманитарными) науками: экономикой, социологией, политоло­гией и т. д. Нередко по этому поводу отмеча­ется, что в юридической науке появились темы «неюридического характера» (право и литера­тура, право и экономика, право и политология, право и искусство и т. д.), которые двигают юридическую науку ближе к жизни и интере­сам человека, делают ее более «теплой» и по­нятной» [4, с. 157]. То есть речь идет о том, что различные объекты должны рассматри­ваться с учетом их многосложной природы, что требует разносторонности подходов при их изучении. Однако зададимся вопросом: а есть ли в настоящее время разработанная под эти холические системы методологическая база? Представляется, что новая адекватная методо­логия так и не создана. Интегрированное изу­чение всей сложности и взаимозависимости социальных отношений все равно так и оста­нется в рамках социологии, экономики, поли­тологии, юриспруденции и т. д., так как в лю­бом случае познавая и решая проблемы эконо­мики, политики право вынуждено будет созда­вать нормы, регулирующие социополитические и социокультурные процессы, где экономика, социология, политология будут являться лишь условием для формирования нормы, но никак не смогут ее предопределять и заменять.

Такой подход, надо сказать, уже приобрел характер тенденции. И он легко проявляется в современных научных исследованиях, ко­торые ориентированы на «междисциплинар­ность» (экономический анализ права), компа­ративный анализ и т. д., но в итоге оказыва­ется, что результаты таких исследований мало востребованы, потому как полностью оторва­ны от нужд правоприменительной практики. Здесь имеет место и такая ситуация, когда исследуется не конкретная проблема, а тема, которая зачастую и уводит исследователей в сторону. Как следствие всему этому – наме­тившийся разрыв между юридическим обра­зованием и потребностью практики в высо­кокачественных специалистах, способных решать задачи в повседневной действитель­ности не по шаблону, а с учетом формально­догматических подходов к анализу конкрет­ной ситуации.

Если на Западе, особенно в семье общего права, можно сегодня наблюдать смещение акцентов с автономности юридической науки и права в целом, то в постсоветских странах эта тенденция не находит пока закономерности, хотя элемент междисциплинарности прочно усвоен научными школами и активно педалируется в высших учебных заведениях, как и сугубо практический подход к воспроизведению юридических кадров. Наряду с междисциплинарностью активно внедряются и дисциплины практической направленности, что с одной стороны, не может не радовать, а с другой – такое рвение чревато формированием «юристов-функций», способных реально воспроизводить и применять существующие нормы права, решать утилитарные задачи, но не способных вырваться за грани существующего законодательства и порождать различные подходы к решению разноплановых задач.

Правовая наука постсоветских стран держит большой удар академической глобализации, заталкивающей ее в лоно единых стандартов оценки качества научных исследований и уровня ученых по единственным параметрам: это публикации их работ в изданиях, индексируемых *Web of Science* или *Scopus*. Банальность всей ситуации связана с тем, что оценку ВУЗа и его преподавателей предлагается давать только по различным индексам и стандартизированному перечню научных изданий.

Однако если мы говорим о юридической науке некоего государства, то должны понимать простую вещь: норма права, как таковая, конкретного государства мало кому интересна за пределами этого государства. Согласимся, что такой интерес присутствует у ограниченного круга лиц. Но, если кто-то опубликует свою научную работу о проблемах квалификации мошенничества в Белоруссии, в журнале индексируемом *Scopus*, то будет ли она интересна читателю, который в основном занимается проблемами общего права (*common law*)? Конечно же, нет, потому что там иные подходы к определению того, что есть мошенничество и практики применения данной нормы. Правовые коллизии Беларуси никого в данном случае не интересуют. Мы вовсе не говорим о том, что такая статья бесполезна, но она в первую очередь интересует отечественного ученого и правоприменителя, потому как именно в ней содержится ценнейший материал для практики и для самой юридической науки.

Подобная оценка научных кадров (уровень активности ученых в индексируемых изданиях) деформирует целевые ориентиры юридической науки, а постоянные призывы публиковать свои научные работы в изданиях *Web of Science* или *Scopus* обедняют юридическую науку конкретного государства, т. к. она лишена научно-доктринального насыщения разработками отечественных специалистов и в конечном итоге приходит к элементарному глосаторству или тиражированию заимствованных идей и концепций.

Более того, американско-ориентированный характер изданий *Web of Science* или *Scopus* и сама практика публикации статей в подобных изданиях указывает на то, что это есть хорошо отлаженный бизнес по зарабатыванию денежных средств на авторах данных статей. Получается, что сложилась система, при которой даже сверходаренный и талантливый человек никогда не будет замечен, если он не опубликовал свои работы в журналах *Web of Science* или *Scopus*. Вот и получается, по образному изречению А.А. Иванова, что «Герои Скопуса в России мало кому известны, а за границей – мало кому нужны» [5, с. 91]. Не секрет, что такие публикации делаются во многом ради надбавок, существующих в ВУЗах и применяемых в качестве основного критерия надбавки и оценки «успешности» преподавателя. Это, конечно, стимулирует ученого к увеличению объема «производительности труда», но вся проблема в том, что это прямым образом сказывается на качестве научных исследований.

Сегодня для всех очевидно, что это совсем не тот путь, по которому должна идти юридическая наука. Все это химера, порожденная искусственной активностью исследователей и зарабатыванием «баллов», всевозможных бонусов, публикацией статей в нужных журналах, получением грантов и т. д. Это никак не может повлиять на качественный уровень проводимых исследований и не сможет заменить подлинных теоретико-практических исследований, так необходимых отечественной доктрине и правоприменительной практике. Статус ученого теперь стал определяться по его рейтингу, и сама наука скатилась в сторону стремления быть популярной и известной (т. к. неизвестность хуже узнаваемости). Как ни странно, это и есть сегодня критерий успеха ученого в юридической науке.

Тем не менее, нельзя правоведение ставить в один ряд с естественными науками и

измерять его шкалу по техническим параметрам. Формат такой линейки ценностей неизвестен никому. Никакая цифровизация и глобализация образовательных процессов не сможет заменить истинных и классических канон юристического воспитания и обучения процессу толкования и уяснения смыслов норм права. В этом отношении все технические новшества должны восприниматься как сопутствующие, но никак не главные элементы юристического прогресса в образовании. За всей этой мишурой технической оснащенности и возможностей никогда не видно будет сути того, что мы привыкли называть правом.

Более того, зададимся вопросом: насколько общие цели юристической науки, которые перед ней сегодня ставят (вхождение в мировое пространство, повышение качества исследований и конкурентоспособности) могут быть определены простыми индикаторами? Количественные параметры – величина не постоянная, имеющая косвенное отношение к оценке результатов научных исследований и исследователей. Персональный вклад ученого в научную разработку и его значимость не могут быть оценены только количественными параметрами. Все это больше похоже на бюрократические стандарты управления наукой, но никак не на саму науку.

Если именно таким образом оценивать результаты научной деятельности, тогда понятна идеология всего этого вопроса: придать рыночный характер деятельности ученого. Следовательно, если сегодня мы стали считать, что образование – это услуга, которая покупается, то и наука должна встраиваться в данную систему координат. И без формализации здесь уже не обойтись.

Таким образом, должна ли юристическая наука иметь эффективного менеджера? Можно сказать и иначе: нужно ли формализовать неформальные вещи в принципе? Однако, как говорится, «нельзя одними и теми же ножницами резать и материю, и живую плоть». Оценивать следует качество самих работ, а не репутацию журналов, где эти статьи были опубликованы, иначе вся эта наукометрия превратится в средство манипулирования деятельностью ученого. Абсолютизация стандартов наукометрии для определения результативности работы ученых ни к чему хорошему не приведет. Мы породим лишь имитацию научной деятельности и наращивание объемов текстов, за которыми стоят только количественные показатели.

Так все же, нужно ли говорить о кризисе права или юристической науки? Или же представление о кризисе в правовой науке несколько преувеличено? Ведь власть стимулирует инновации, основанные на социальной инженерии, и это непременно затрагивает право, обновляет его, даже можно сказать, что «очищает его кровь».

По этому поводу в юристической науке преодоление концептуально-методологического кризиса в науке предлагается осуществить за счет «обращения к постнеклассическому научному и управленческому парадигмальному уровням», «разработки методологических феноменов через призму предполагаемого развития избранного исходного целеполагающего и самоорганизуемого субъекта публичной власти», «разрешение методологических проблем юриспруденции на уровне концептуальных структур», использование принципов холизма, дополнительности, конструктивизма и открытости системы и т. д. [6, с. 9]. Не уведут ли нас в очередной раз в сторону, в другое русло парадигмальных явлений рассуждения в данном контексте и использование постмодернистских синтенций? Ведь право теряет не только свою системность, но и справедливость. Кризис личности, обусловленный ценностным релятивизмом модерна, влечет изменение духовных ценностей и социокультурное расслоение общества. В этой связи юристическая наука все больше стала зависимой от мировоззренческих установок и настроений.

Между тем представляется, что наметившийся кризис – системный. За последние годы юристическая наука сильно изменилась, причем в сторону бюрократизации, коммерциализации, формализации требований и т. п., но никак не повернулась в сторону научных открытий и тем стандартам научности, которым она призвана отвечать.

Можно в этой части и возразить: о каком же кризисе идет речь, если полки книжных магазинов ломятся от изобилия юристической литературы. Однако эта юристическая литература в основном касается простых и понятных вещей, она не обращена к настоящему юристу, а апеллирует к массам граждан-неюристов. Более того, в основном преобладают работы учебного и комментаторского характера, можно даже сказать, «общепопулярного» значения (о чем могут свидетельствовать пресловутые шпаргалки на тему «как сдать экзамен за 90 минут...»). Это и понятно, т. к.

издатель может такую литературу выгодно продать, но с другой стороны, такая система порождает в конечном итоге инфляцию текста, в результате чего серьезные монографические работы и добротные диссертации остаются незамеченными и невостребованными.

Говоря о развитии юридической науки, следует обратить внимание еще на одну важную деталь, которая существенным образом отражает одну из закономерностей в ее развитии. Дело в том, что наука постоянно увеличивает объем информации и при этом неизбежно стремится к переделу своей информационной емкости. Следствием всему сказанному является то, что:

а) увеличивается объем информации в каждой из отраслей юридической науки, происходит дифференциация отраслей, и вопрос заключается в том, что с этим делать и какие методы обработки этой информации могут быть применимы;

б) при глобальной доступности к юридической литературе объем этой информации невозможно должным образом освоить, в результате чего зачастую говорят о неполно проведенных исследованиях и не отражении всего массива знаний по данной проблематике;

в) следствием всему этому является то, что сокращается вероятность юридических открытий, а результаты исследований авторов не доходят до потенциальных потребителей, ибо они теряются в общей массе таких же исследований.

Не растет значимость и востребованность юридических факультетов. К сожалению, их количество не дало нужного положительного эффекта и качественный уровень подготовки юристов только снизился. Коммерциализация высшего образования значительным образом снизила планку подготовки юристов. В итоге университетский диплом перестали считать общественным признанием, рассматривая его лишь «как некую инвестицию» [7, с. 42], очередной шаг в открытый мир. Юридическое образование сегодня не может гарантировать наличие рабочего места и профессиональной карьеры.

Объясняется сей факт очень просто: каждый «платный» студент приносит доход университету, поэтому сам университет не заинтересован в его отчислении за неуспеваемость. Вот и выходит так, что процесс получения юридического образования превратился в формальность, в фикцию, и сами студенты говорят об этом очень просто: «Юрфак – это электричка, главное – успеть запрыгнуть, а там тебя доведут». Открывавшиеся в конце XX в. юридические

институты и факультеты готовы были звать к себе в преподаватели кого угодно, лишь бы заполнить нишу. Однако в этом отношении все забыли простую аксиому: образование, в том числе и юридическое, – это «всегда воспитание, выращивание себе подобных» [8, с. 12].

Академическая мобильность, о которой так много говорят, не может принести того эффекта, который на нее возлагали, потому как экономическая полезность выпускника – это простая ярмарка будущих кадров, за которой стоят ряд базовых компонентов. Казалось бы, в эпоху постоянного увеличения социальных конфликтов роль юриста должна была бы стать первоочередной в их разрешении, но ситуация выглядит прямо противоположным образом. Это свидетельствует только о том, что университет перестал давать знания, а больше нацелен на коммерческий успех и повышение своих рейтинговых показателей. Все это ведет к ложному восприятию миссии ВУЗа и ранжированию образования по индексированным показателям. Поэтому университет стал сегодня обычной корпорацией, которая предоставляет образовательные услуги, но не дает знания.

Подводя итог, можно отметить, что количество юридических изданий, открытых факультетов и институтов, защит диссертаций и т. д. не привели к повышению качества научных исследований, они стали востребованными, стало больше профессионалов, и до сих пор мы констатируем простую истину, касающуюся того, что мы так и не сформировали класс ученых-юристов.

Многие связывают существующее положение дел с глобальным кризисом, переходным периодом и т. п. Действительно, переходный период конца XIX начала XX вв. коснулся не только государства, но и права. Однако создается такое впечатление, что мы постоянно находимся в данном переходном периоде, а вал нормотворчества ничем объективно не обоснован и не содержит выверенной научной проработки. Это не позволяет сформулировать и закрепить основные институты нашего права, придать ему более стойкий, понятный и непоколебимый характер. Более того, по сей день мы пользуемся инструментарием советского права, заимствуем правовые конструкции, считая их универсальными, воспринимая их как априори верные. Дело не в том, что это плохо или хорошо. Вопрос в другом. Такое положение вещей не способно сформировать каноны отечественного права, не развивает доктрину

права и не формирует национальные правовые приоритеты. Создается иллюзия постоянного совершенствования законодательства в угоду развития социума, но за этим совершенствованием стоит неопределенность и состояние «извечно преобразования», конца которому никогда не будет видно. То есть мы имеем дело со сформировавшейся уже закономерностью: маргинализацией права.

Что же предлагается нам сегодня интеллектуалами правоведения? Выход довольно простой. Институциональная нормализация юриспруденции должна опираться на универсальные правовые ценности и за основы следует принимать западноевропейские стандарты [1, с. 62–63; 9, с. 8–23]. То есть, нет смысла искать новые мировоззренческие парадигмы и заниматься мучительным поиском соотношения баланса между государством, обществом и личностью, а проще отразить уже сформированные концепции. Речь не идет сугубо о законодательных моделях, ракурс здесь иной и он касается доктринальных концептуально-теоретических позиций права.

Тем не менее, если мы говорим об идеях и концепциях западного мира, то, с одной стороны, не можем отрицать того, что они прочно вошли в наше законодательство, а с другой стороны – следует понимать, что эти идеи основаны порой на совсем иных ценностях и установках, нежели у нас. Можно ли в таком случае говорить об их адекватном восприятии? Не нужно заниматься идеализацией и говорить об их универсальности, потому как одни и те же идеи и концепции в разных условиях и временных рамках могут давать прямо противоположные результаты. Формируя каноны отечественного права, следует опираться на уже имеющийся исторический опыт и адекватно воспринимать складывающуюся реальность [10, с. 52–54]. Мы не можем находиться постоянно в учениках и впитывать в себя как губка кем-то уже заданные параметры права. Простой факт: в рейтинговых зарубежных изданиях вы не сможете опубликовать свой материал, если не вписываетесь в формат заданной проблематики. Можно изменить формат, но вам это никто не позволит сделать.

Если же мы говорим о юридической практике, то следует признать ее конъюнктурность и субъективность. Порой она меняется по совсем неизвестным причинам и больше сегодня тяготеет к элементам целесообразности (политической, экономической, социальной и т. д.)

в принятии того или иного решения. Практика всегда фрагментирована, ибо она заботится о сиюминутных последствиях. Практика не может породить «серьезных и принципиально новых исследований как в методологическом, так и в конкретно-правовом аспектах» [11, с. 33]. А юридическая наука крайне нуждается в таковых.

Тем не менее, сегодня в области правовых исследований можно обнаружить две тенденции: проявляющаяся дискредитация теоретических исследований и их «ненужность» практикам, и бурная экспансия прагматических и практических рекомендаций по применению норм законодательства. Все это привело к преобладанию в правовой литературе феноменологических описаний и усилило процесс забвения отвлеченных – чисто теоретических, но фундаментальных исследований. С другой стороны, и подлинных прикладных исследований в различных отраслях права крайне мало, что говорит об отсутствии хорошо разработанной теоретической базы по анализу правоприменительной практики, обобщением достаточно новых явлений, возникшим в повседневной действительности и доселе неизвестных праву. Конечно, законодателю и правоприменителю следует заботиться о поддержании и нормальном функционировании существующей системы и особо не подвергать ее ревизии. Однако в ряде случаев эта система непригодна для решения поставленных практикой задач и не способна адекватно найти теоретический выход при решении конкретных типовых ситуаций. Все это нисколько не может возвышать чисто прикладной характер правовых исследований и низвергать роль отвлеченных, но глубоко фундаментальных по своей задаче изысканий, всегда имеющих практический выход в деле оптимального построения и применения норм закона. Правоприменительный позитивизм не способен формировать фундаментальную науку, ибо текущая практика слишком слаба и пока не может служить достойным мериллом формулирования собственно правовых теорий и научно выверенных рекомендаций (если это и случается, то крайне редко). Поэтому решение всякой сложной проблемы мы должны искать, в первую очередь, не в нашей практике, а в основаниях теоретических обобщений и наукоемких исследованиях [12, с. 12].

Сказанное говорит о том, что право способно выполнять собственное предназначение, когда формулирует аксиоматичные в рамках

данной системы права и отдельной отрасли положения, т. е. доктринальные суждения. Если же имеет место отсутствие общей исходной методологической и мировоззренческой позиции, то в юриспруденции мы тогда можем наблюдать диаметрально противоположные идеи и установки, что негативно сказывается уже непосредственно на практике. Поскольку здесь практика действует «по наитию», порой латая огрехи законодателя и решая сиюминутные задачи.

Литература

1. Головки Л.В. Техническая модернизация или институциональная нормализация: в чем миссия юристов на современном этапе? // Закон. 2010. № 12.
2. Ключков В.В. Знание и невежество в юридической науке // Известия ЮФУ. 2008. № 10.
3. Честнов И.Л. Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2.
4. Честнов И.Л. Состояние современной юридической науки: мнение экспертов // Социальные науки и современность. 2016. № 2.
5. Иванов А.А. Как быть с диссертациями по праву // Закон. 2018. № 10.
6. Калинин С.А. Об основных направлениях преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции: парадигмально-субъектное измерение // Право.by. 2018. № 1.
7. Колесников А.С. Гуманитарные науки и университет в эпоху постмодерна // Вестник СПбГУ. 2015. № 4.
8. Маковский А.Л. Наука сегодня не востребована так, как это должно быть в правовом государстве // Закон. 2014. № 12.
9. Александров А.С., Александрова И.А. Юридическая наука в России: «академическая» и «полицейская» // Юридическая наука, образование и практика: актуальные вопросы. Сб. науч. ст. Выпуск. 10. Н. Новгород, 2018.
10. Хилыута В.В. Глобальная инструментализация уголовного права. М., 2020.
11. Баранов П.П. Кризис юридической науки в современном мире // Философия права. 2015. № 1.
12. Хилыута В.В. Концептуально-теоретические проблемы трансформации учения о хищении в доктрине уголовного права. Гродно, 2018.

Конечно, в этом вопросе право не должно быть «вещью в себе», любые теоретические конструкции просто обязаны иметь практический выход. Поэтому юридическая наука должна считаться с реальностью, и здесь ей отнюдь не следует отводить роль комментатора сложившихся фактических отношений и облеченных в правовую оболочку. Сделать это можно только лишь посредством формирования научных школ.

Bibliography

1. Golovko L.V. Technical modernization or institutional normalization: what is the mission of lawyers at the present stage? // Law. 2010. № 12.
2. Klochkov V.V. Knowledge and ignorance in legal science // Izvestia Yufu. 2008. № 10.
3. Chestnov I.L. Scientific novelty of post-classical jurisprudence // Russian Journal of Legal Research. 2016. № 2.
4. Chestnov I.L. State of modern legal science: opinion of ex-Perts // Social sciences and modernity. 2016. № 2.
5. Ivanov A.A. How to be with dissertations on law // Law. 2018. № 10.
6. Kalinin S.A. On the main directions of overcoming the conceptual and methodological crisis in jurisprudence: a paradigm-subject dimension // Law.by. 2018. № 1.
7. Kolesnikov A.S. Humanities and University in the era of post-turf // Bulletin of St. Petersburg State University. 2015. № 4.
8. Makovsky A.L. Science is not in demand today as it should be in the legal state // Law. 2014. № 12.
9. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. Legal science in Russia: «academic» and «police» // Legal science, education and practice: topical issues. Sat. scientific. Art. Release. № 10. N. Novgorod, 2018.
10. Khilyuta V.V. Global instrumentation of criminal law. Moscow, 2020.
11. Baranov P.P. Crisis of Legal Science in the Modern World // Filosofiya prava. 2015. № 1.
12. Khilyuta V.V. Conceptual and theoretical problems of transforming the doctrine of embezzlement in the doctrine of criminal law. Grodno, 2018.

Топилина Анна Васильевна
Topilina Anna Vasilyevna

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Interior of the Russian Federation, PhD in Philosophy, Associate Professor.

E-mail: spring6@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Socio-cultural aspects of migrants integration to russian society

Статья посвящена вопросам организации интеграции мигрантов в российское общество. Указывается на стадийный характер адаптации и интеграции, на способы достижения результата на каждом этапе интеграции. Рассматриваются стратегии включения мигрантов в жизнь и деятельность принимающего общества, а также способы снижения уровня ксенофобии у местного населения.

Ключевые слова: миграция, адаптация, интеграция, ассимиляция, демография, культурный шок, стратегии доступа.

The article is devoted to the organization of migrants integration into Russian society. It indicates the stadial nature of adaptation and integration and the ways to achieve results at each stage of integration. Strategies for the inclusion of migrants in life and activities of the host society, as well as the ways to reduce the level of xenophobia among the local population are considered.

Keywords: migration, adaptation, integration, assimilation, demography, culture shock, access strategies.

В настоящее время российское общество сталкивается с большим количеством проблем: экономическими, политическими и т. д. Все эти проблемы становятся проблемами демографии. Так на 2021 г. население России составляет приблизительно 146 млн человек, из которых численность рабочей силы, по данным Росстата, на 2020 г. была всего 75,3 млн человек (51 %), при этом 6,3 % рабочей силы – безработные [8].

Таким образом мы видим, что Российская Федерация сталкивается с проблемой рабочей силы. Кроме того, демографическая проблема ощущается очень остро. Несмотря на все усилия, предпринимаемые Правительством Российской Федерации, естественный прирост остается отрицательным (рис. 1).

Мы видим, что сейчас люди 30–40 лет имеют значительно меньше детей, чем было в их поколении, а «провальное» поколение

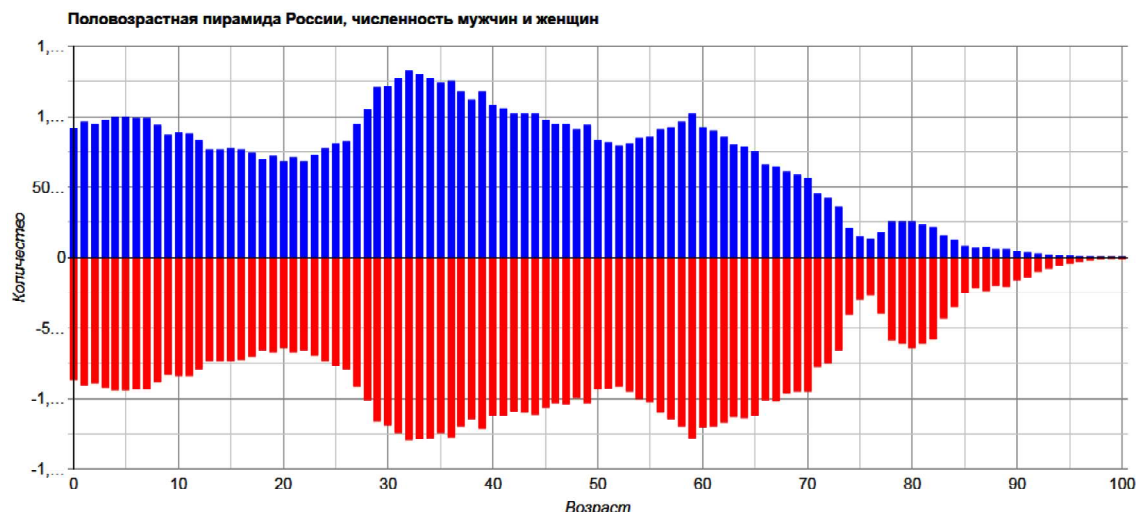

Рис. 1. Половозрастная пирамида России на 2020 г.

двадцатилетних даст еще больший провал в рождаемости в ближайшие годы.

В связи с этим возникает вопрос о необходимости увеличения населения России не за счет прямого воспроизводства, а за счет альтернативных источников. Правительством Российской Федерации подготовлен ряд инициатив по увеличению численности взрослого населения: программы репатриации соотечественников; упрощенное предоставление гражданства иностранным студентам, получившим диплом с отличием; упрощение легализации и получения вида на жительство мигрантам из безвизовых стран, в частности, из Украины и стран СНГ [9].

Существует две диаметрально противоположные точки зрения на необходимость прироста численности России. Ортодоксально-патриотическая точка зрения поддерживает идеи о большой русской (российской) семье и отвергает инициативы по увеличению численности за счет мигрантов. Другая, более реалистичная позиция, анализируя процессы рождаемости в России, указывает на отсутствие альтернатив и необходимость приращивать граждан России за счет миграции [6].

Необходимо заметить, что Правительство Российской Федерации предпринимает шаги в обоих направлениях, с одной стороны, поддерживая молодые семьи за счет разнообразных льгот и дотаций, с другой стороны, делая шаги по интеграции мигрантов в культурное и правовое пространство России.

К миграционному фактору в составе численности населения России можно относиться по-разному, но необходимо объективно оценивать сложившуюся демографическую обстановку. По прогнозам ООН, с учетом сложившихся тенденций (1,87 рождений на одну женщину), Россия не способна поддерживать численность населения собственными воспроизводственными ресурсами. Нельзя забывать о миллионах мигрантов, ежегодно совершающих трудовую миграцию в России и проживающих в российских городах наряду с местным населением.

Таким образом приток мигрантов оказывается неизбежным, и задачей органов власти становится обеспечение гармоничного вливания миграционных потоков в российское общество и ассимиляцию мигрантов.

Однако российское общество не готово воспринимать мигрантов позитивно. Велика доля ксенофобии и недоверия к мигрантам со стороны автохтонного населения, и неслучайно: мигранты, прибывающие на территорию Российской Федерации, в большинстве являются мигрантами их бывших союзных республик, родившимися после развала СССР, и, следовательно, не знающими в достаточной мере русского языка, законов и традиций нашей страны. Главная проблема, связанная с мигрантами – не занятые ими рабочие места, а социально-политические и социокультурные проблемы, связанные со значительными различиями в поведении мигрантов и местного населения. Если обеспечить гармоничное вливание мигрантов в социокультурную среду принимающего общества, то острота проблемы будет значительно снята.

Правительство Российской Федерации, понимая необходимость реализации мер по интеграции и адаптации иностранных граждан в Российское общество, разработало Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (утверждено приказом Федерального агентства по делам национальностей от 17.11.2020 № 142). Согласно этому документу, «Социальная и культурная адаптация иностранных граждан и их интеграция в российское общество – усвоение иностранными гражданами основ русского языка, истории России, законодательства Российской Федерации, правил поведения, навыков общения, норм общественной морали и этики, культурных ценностей, возможности получения государственных и иных услуг в целях пребывания (проживания), осуществления трудовой и иной деятельности на территории Российской Федерации в установленном порядке, формирования устойчивых социальных отношений, культурных связей и сотрудничества с гражданами Российской Федерации» [1].

В Сборнике эффективных практик по адаптации и интеграции мигрантов, выпущенном в 2018 г. в Санкт-Петербурге, адаптация и интеграция определяются следующим образом:

«Адаптация мигранта – процесс усвоения иностранным гражданином или лицом без гражданства образцов поведения, социальных

норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему существовать и успешно действовать в принимающем обществе. Адаптация тесно связана с получением мигрантом официально-статусного и легализацией его пребывания.

Интеграция мигранта – процесс включения иностранного гражданина или лица без гражданства в систему социальных, правовых и культурных отношений принимающего общества в качестве его полноправного и постоянного члена; зачастую связана с получением мигрантом права на временное или постоянное проживание в стране, а также с получением гражданства принимающей страны» [1].

Таким образом мы видим, что интеграция невозможна без адаптации, являясь последующим за адаптацией процессом. В адаптации мигрантов существует несколько классов проблем, подлежащих коррекции:

- комплекс мер, предпринимаемых на законодательном уровне;

- социально-психологические установки иностранных граждан, которые отражают их отношение к российской действительности и формируют мотивацию для изменения поведения;

- социально-психологические установки россиян в отношении иностранных граждан, живущих на территории Российской Федерации.

Мигранты, несомненно, являются группой, социально исключенной по отношению к обществу принимающей страны. Это означает, что у мигрантов ограничен доступ к тем правам, благам и ресурсам, которые есть у российских граждан. В процессе адаптации мигрант либо приспосабливается к новым реалиям, получает миграционную карту, разрешение на работу, вид на жительство и в дальнейшем гражданство РФ, выходя из статуса социального исключения, либо остается в своем маргинальном статусе и покидает территорию России, либо становится частью этнического анклава.

Задачей государства является обеспечение успешной адаптации иностранных граждан в России, для чего необходимо реализовать стратегию «четырёх Д»:

- доступ к информации, который реализует возможность получить корректную информацию о законах, культуре и мерах правовой поддержки в стране пребывания;

- доступ к правовому статусу – возможность получения легального правового статуса;

- доступ к инфраструктуре – предоставление мигранту возможности полноправно пользоваться инфраструктурой принимающего региона: социальной, транспортной, жилищной, экономической. В случае, если мигранты оказываются исключенными из пользования всеми типами инфраструктуры, они создают собственные суррогаты инфраструктуры, формируя гетто или анклав;

- доступ к ресурсам и услугам – возможность в полной мере пользоваться социальной, культурной и экономической поддержкой государства и общества, получить необходимые услуги и достичь приемлемого уровня жизни [1].

Период адаптации считается успешно завершенным, если мигрант приобрел правовой статус, нашел работу и жилье, имеет доход, позволяющий удовлетворять базовые потребности, регулярно общается с местным населением. В случае, если мигрант планирует проживать в России постоянно или длительное время, ему необходимо изменить свой правовой и социальный статус, чтобы иметь доступ ко всем необходимым для длительного проживания ресурсам.

Важно отметить, что мигрант интегрируется в то общество, в ту среду, в которой он получает возможность удовлетворить основные потребности, получает доступ к необходимым ресурсам.

В связи с этим, государство предпринимает ряд мер, направленных на повышение эффективности адаптации и интеграции иностранных граждан и профилактику национальной напряженности.

Прежде всего, это изучение русского языка как главного условия адаптации и интеграции иностранного гражданина в российское общество. Знание русского языка повышает уровень доступа к информации и дает большие шансы на трудоустройство. Мигрант, не знающий русского языка, оказывается вовлеченным в миграционные сети, он зависит от своих земляков и его занятость носит неформальный характер. В России с 2015 г. существует инфраструктура культурно-языковой адаптации граждан СНГ, которые осуществили трудовую миграцию в нашу страну. В языковых центрах мигранты изучают русский язык и сдают сертификационный экзамен на знание русского языка.

Однако необходимо понимать, что адаптация и даже интеграция не ведут к разрыву с

соотечественниками или формированию радикально новой идентичности. Даже натурализованный мигрант продолжит представлять свой этнос и культуру. Задачей государства является минимизировать конфликтный потенциал мигрантов за счет добровольного принятия ими поведенческих стереотипов российских граждан. В свою очередь, существует большое направление работы с россиянами по снижению уровня ксенофобии. Как правило, мигранты не воспринимаются как индивиды, а ассоциируются с большой группой «мигрантов» и стигматизируются соответствующими стереотипами. Поэтому важно объяснить населению принимающего региона, что представляют собой мигранты, и сформировать нейтральные или положительные стереотипы.

В стратегиях адаптации и интеграции мигрантов существует несколько социокультурных аспектов:

1. Основой интеграции является постоянное взаимодействие с принимающим населением. В этом аспекте необходимо преодолеть взаимную ксенофобию, информировать население о вкладе мигрантов в экономику и проблемах, с которыми они сталкиваются.

2. Возможность получать государственную социальную помощь. В основном мигранты получают помощь от частных или некоммерческих организаций, которая носит ситуативный характер.

3. Доступ к инфраструктуре. Обеспечение доступа к инфраструктуре фактически гарантирует, что в регионе не образуется гетто.

4. Стратегии преодоления культурного шока. В последние годы растет число мигрантов из сельской местности, которые сталкиваются с двойным культурным шоком: во-первых, они не приспособлены к нормам и условиям городской жизни, и во-вторых, в странах СНГ, предоставляющих подавляющее число мигрантов, возрастает роль религии и традиционных моделей поведения. Поведенческие стереотипы россиян оказываются для них непонятными, мигранты трактуют их ошибочно, формируя негативные стереотипы о местном населении. В целях профилактики и борьбы с этим явлением необходимо информировать мигрантов в традициях, культуре и нормах поведения россиян, разъяснять значение моделей социального взаимодействия в России.

5. Преодоление языкового барьера. Уровень владения мигрантами русским языком снижается с каждым годом. Таким образом необходимо организовывать изучение русского языка как на территории России, так и непосредственно в республиках-донорах мигрантов. Так, в 2021 г. в Узбекистан отправились 300 преподавателей русского языка.

6. Социализация детей мигрантов в России. Часто мигранты прибывают на территорию России целыми семьями, в последнее время все чаще приезжают женщины с детьми. Помимо легализации детей мигрантов и предоставления им доступа к образованию и социальной инфраструктуре, необходимо оказывать содействие деятельности общественных организаций, которые способствуют вовлечению детей мигрантов в общественно полезную деятельность и изучение русского языка.

Результатом успешной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество станет снижение числа преступлений, совершаемых как мигрантами, так и в отношении мигрантов, воспитание у молодежи позитивных ценностей межкультурного взаимодействия, предупреждение возникновения эпидемий в условиях массовой миграции, профилактика межэтнических конфликтов и искоренение проявлений ксенофобии и расизма.

Миграция в Россию – как временная трудовая, так и с целью получения гражданства – является сегодняшней реальностью. В 2020 г. российское общество получило более 560 тыс. новых граждан за счет принятия в гражданство иностранцев, что на 32 % больше, чем в 2019 г. К концу сентября 2021 г. уже более 500 тыс. иностранцев получили российские паспорта: это означает, что к концу года будет преодолена отметка в 600 тыс. Россия представляет интерес для мигрантов, мигранты представляют интерес для России. Требуются адекватные меры со стороны правительства, граждан и общественных организаций по грамотной адаптации и интеграции как временных трудовых мигрантов, так и наших новых сограждан. Подобные программы разрабатываются во всех регионах России, и существует надежда, что легализация проживающих на территории Российской Федерации сегодня мигрантов, а также меры по социальному «включению» мигрантов в российское общество дадут ожидаемые результаты для российской экономики и демографии.

Литература

1. URL: http://migrussia.ru/images/migranta_daptation.pdf.
2. Бельский В.Ю., Гусев Н.Н. Теоретические аспекты адаптации и интеграции мигрантов в социальной среде российского общества как методологическая основа их правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2.
3. Герасимова И.В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2019. Т. 7. № 4.
4. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-adaptatsiya-i-integratsiya-migrantov-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve>.
5. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. М., 2016. Вып. 14.
6. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1.
7. Приказ ФАДН России от 17.11.2020 № 142 «Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»».
8. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/03/rosstat-63-rabochey-sily-v-rossii-bezrabortnye>.
9. Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9.
10. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0895/barom01.php>.

Bibliography

1. URL: http://migrussia.ru/images/migranta_daptation.pdf.
2. Belsky V.Yu., Gusev N.N. Theoretical aspects of adaptation and integration of migrants in the social environment of Russian society as a methodological basis for their legal regulation // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 2.
3. Gerasimova I.V. Processes of adaptation and integration of migrants as components of ensuring national security of the Russian Federation // Nauka. Obshechestvo. Oborona. 2019. Vol. 7. № 4.
4. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-adaptatsiya-i-integratsiya-migrantov-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve>.
5. Mukomel V.I. Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society // Reforming Russia. Moscow, 2016. Issue 14.
6. Mukomel V.I. Integration of migrants: challenges, politics, social practices // The world of Russia. 2011. № 1.
7. Order of the Federal Tax Service of Russia dated 17.11.2020 № 142 «On Approval of Methodological Recommendations for Public Authorities of the Subjects of the Russian Federation «On Social and Cultural Adaptation and Integration of Foreign Citizens in the Russian Federation»».
8. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/03/rosstat-63-rabochey-sily-v-rossii-bezrabortnye>.
9. Ryazantsev S.V. Modern migration policy of Russia: problems and approaches to improvement // Sociological research. 2019. № 9.
10. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0895/barom01.php>.

Ященко Инна Ивановна
Yaschenko Inna Ivanovna

адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России.

Adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: yas4enkoinna@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Procedural regulation of the electronic documents use in criminal
proceedings in some post-soviet area

В статье автор анализирует нормативную регламентацию использования электронных документов в уголовно-процессуальном законодательстве семи государств, ранее входивших в состав СССР, а именно: Эстонии, Грузии, Казахстана, Молдавии, Украины, Беларуси и Киргизии, что позволяет отследить общие закономерности и тенденции развития названного правового института на постсоветском пространстве в целях формирования оптимальной нормативной модели, которую возможно использовать для совершенствования отечественного уголовного процесса.

Ключевые слова: электронный документ, процессуальный документ, электронное уголовное дело, электронное правосудие, электронное доказательство, уголовное судопроизводство.

In the article the author analyzes the normative regulation of the electronic documents use in the criminal procedural legislation of seven states that were previously part of the USSR, namely: Estonia, Georgia, Kazakhstan, Moldova, Ukraine, Belarus and Kyrgyzstan, which makes it possible to trace the general patterns and trends in the development of the named legal institute in the post-Soviet area in order to form an optimal regulatory model that can be used to improve the domestic criminal process.

Keywords: electronic document, procedural document, electronic criminal case, electronic justice, electronic evidence, criminal proceedings.

Равно как «нет человека, который был бы как Остров»* [1], так и нет государства в современном мире, которое может обойтись без международного сотрудничества в тех или иных сферах, а также заимствования зарубежного опыта. Однозначно к такому явлению как заимствование, следует предъявлять несколько фундаментальных требований. В первую очередь, оно не должно «калькировать» иностранный экспириенс без учета культурно-исторических особенностей развития собственного отечества и ментальной самобытности его народа. Кроме того, опыт другого государства следует интегрировать только при наличии научно-технической и нравственно-этической готовности перенимающей стороны. Мы полагаем, что при несоблюдении перечисленных условий даже самая позитивная и пере-

довая практика не сможет успешно ассимилироваться и эффективно применяться там, где к тому отсутствуют предпосылки.

Напомним, что в состав СССР входили 15 республик. После прекращения существования Советского Союза каждая республика выбрала свой уникальный вектор развития, в том числе и в рамках интегрирования электронных документов (ЭД) в уголовно-процессуальное законодательство. Представляется интересным более подробно рассмотреть варианты использования ЭД на примере семи государств, где в последние годы активизировалась деятельность по реформированию уголовно-процессуального законодательства, и дифференцировать их по признаку наибольшего опыта в данной области по состоянию на июль 2021 г.:

* Один из вариантов перевода отрывка молитвы английского поэта и проповедника Джона Донна, ставшей эпиграфом к роману Эрнеста Хэмингуэя «По ком звонит колокол».

– *Грузия и Эстония* – ЭД давно интегрированы в уголовный процесс;

– *Казахстан и Молдавия* – ЭД внедрены в уголовно-процессуальную деятельность в последние несколько лет;

– *Украина* – нормативная база, регламентирующая указанные отношения, одобрена и обретет законную силу к концу 2021 г.;

– *Беларусь и Киргизия* – разработаны проекты правовых актов, регулирующие применение ЭД в уголовном судопроизводстве, окончательное утверждение которых планируется в ближайшее время.

Актуализирует предпринятое нами исследование использование ЭД в уголовном судопроизводстве как новой формы процессуального документа, фиксирующего ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности (электронное уголовное дело, электронное правосудие), а также как доказательства в электронном виде, называемого нами электронным доказательством.

В законодательстве России (в том числе и уголовно-процессуальном) отсутствует определение электронного доказательства, однако нами разделяется позиция С.В. Зуева, рассматривающая данный термин как «информацию, представленную в цифровой форме, которая способна устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, хранящаяся на электронном носителе информации и (или) представленная независимо от него» ... она «может рассматриваться в статусе вещественных доказательств и иных документов в зависимости от ее (информации) оформления, хранения, использования в совершении преступлений» [2].

На данном этапе предлагаем перейти непосредственно к изучению иностранного опыта.

Начиная с 2004 г., в Грузии началось кардинальное преобразование правоохранительных органов, целями которого явились: искоренение их коррумпированности, повышение уровня доверия граждан к государству, эффективная борьба с преступностью, а также ее профилактика, надлежащее отправление правосудия и прочее. Кроме того, для удобства «диалога» между гражданами и государством была отлажена система предоставления услуг по принципу «единого окна, в том числе посредством создания различных электронных реестров и возможности использования ЭД.

Стоит отметить, что грузинские реформы в этой области признаются многими странами постсоветского пространства удачными, что подтверждается посещением страны служебными делегациями по изучению их опыта. В частности, Республика Беларусь и Республика

Казахстан направляли в Грузию своих представителей в целях заимствования знаний по работе системы электронного уголовного дела (ЭУД), нормативной регламентации и практики осуществления обмена информацией по уголовному делу между сторонами защиты и обвинения, медиации в отношении несовершеннолетних и прочее [3, с. 68; 4].

Прокуратурой Грузии в 2009 г. была организована разработка специалистами в IT-области системы ЭУД (т. е. программное обеспечение, представляющее собой локальную сеть), начавшей свое функционирование в 2011 г., к которой в режиме рангового доступа подключаются прокуроры, следователи всех ведомств, имеющих следственные подразделения, а также судьи, помощники судей и секретари судебных заседаний посредством простой аутентификации через логин-пароль, а для работы с самим ЭУД у них имеются электронные цифровые подписи. Таким образом, уголовное дело ведется в электронной форме. На бумаге (в распечатанном виде) оно с 2012 г. передается только в суд с приложением на отдельном электронном носителе доказательственной и иной информации, которая существует в электронном виде. В автоматическом режиме сведения из ЭУД переносятся в Государственный реестр учета преступлений. Система ЭУД содержит в себе все необходимые электронные шаблоны процессуальных документов, что подразумевает возможность дистанционного электронного санкционирования прокурором некоторых решений. Все это в конечном итоге выражается в значительной процессуальной экономии. Стоит подчеркнуть, что к электронным материалам уголовного дела потерпевший, подозреваемый, защитник и прочие невластные субъекты уголовного судопроизводства доступа не имеют. Все процессуальные документы, требующие подписания участниками, не допущенными к ЭУД, оформляются на бумажном носителе, сканируются и в формате PDF вкладываются в электронное дело. Кроме того, к ЭУД прикрепляются все доказательства, существующие в электронно-цифровой форме [3, с. 68–71].

В грузинском УПК электронные доказательства отдельно не выделяются. Доказательствами признаются показания, вещественные доказательства и документы. Однако гл. 16 УПК Грузии обособляет связанные с использованием компьютерных данных следственные действия от остальных, регламентируя процедуру обращения с ними (компьютерными данными) особым образом. В том числе, речь идет и об ЭД (ст. 136, 138.1 УПК Грузии) [5].

Еще одним государством, активно использующим ЭД, является Эстония. Эстонский опыт цифровизации общества, в котором большинство услуг граждане получают в электронном виде, представляется интересным для более детального изучения. После распада СССР Эстония пошла по пути сложного (на тот момент) становления, ориентируясь на развитие информационно-телекоммуникационных технологий, успех которых не был очевидным в 90-х гг. прошлого столетия. Выбранный путь «интернетизации» всей страны привел к результатам, позволяющим называть это государство самым передовым в области интегрирования цифровых технологий в систему взаимодействия государства с населением. Такие авторитетные на западе журналы, как *Wired* и *Forbes*, назвали эстонское общество самым цифровым в мире [6; 7].

Уголовное судопроизводство Эстонии в контексте функционирования цифрового государства не является исключением и существует в электронно-цифровой среде. В нем эффективно применяются современные технологии и ЭД. Система «электронного суда», названная «E-toimik», включает ЭУД и охватывает как досудебную, так и судебную стадии уголовного процесса страны. Доступ к любому подобному ресурсу обеспечивается путем специальной ID-карты (эстонский цифровой паспорт) либо Mobile-ID (данные регистрируются на Sim-карте). Указанная система показала свою эффективность. Она используется всеми участниками уголовного процесса, позволяет оптимизировать затрачиваемое на уголовное судопроизводство время, обеспечивает доступность и прозрачность уголовно-процессуальной деятельности и прочее.

В настоящее время цифровой опыт Эстонии можно по праву считать прошедшим всестороннюю успешную апробацию, поэтому он может быть рассмотрен многими странами, включая Россию, как возможный для адаптивного перенимания.

Заслуживает внимания законодательный опыт Казахстана, где в рамках реализации Национального плана развития Республики Казахстан (РК) до 2025 г., утвержденного указом Президента РК от 15.02.2018 № 636 [8], была разработана Государственная программа «Цифровой Казахстан» (Постановление Правительства РК от 12.12.2017 № 827) [9], в процессе реализации которой на базе электронного «Единого реестра досудебных расследований» (ЕРДР), функционирующего с 01.01.2015, создан специальный модуль «Электронное уголовное дело» (модуль e-УД), прошедший соответствующее тестирование, после чего с 01.10.2020 был

осуществлен всеобщий переход на электронный формат досудебного производства по уголовному делу [10].

В соответствии с Инструкцией «О ведении уголовного судопроизводства в электронном формате», утвержденной Приказом Генерального Прокурора РК от 03.01.2018 № 2 [11], электронное уголовное дело (ЭУД) представляет собой «обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений в электронном формате посредством модуля e-УД».

Кроме того, в РК существует система электронного правосудия, включающая в себя несколько элементов: сервис «Судебный кабинет», форум «Талдау», единую систему судов РК «Төрелік», видеоконференцсвязь (проект «Удаленный судебный процесс») [12].

Еще одним современным инструментом, стоящим на вооружении правоохранительных органов РК, используемым, в целях уголовно-процессуальной деятельности, является СИОПСО (система информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов), объединившая 73 базы данных. Теперь, к примеру, следователь может получить в форме ЭД сведения о наличии/отсутствии судимости лица, подозреваемого в совершении преступления за несколько минут [13, с. 33].

Говоря об уголовно-процессуальном институте доказательств и доказывания РК, то «электронные доказательства», частью которых можно считать ЭД, не выделяются в нем в отдельную категорию устанавливаемых фактических данных. По смыслу ст. 111, 118–120 УПК РК ЭД могут выступать в качестве вещественных доказательств, протоколов процессуальных действий и иных документов. В том числе, в комментируемом кодексе не предусмотрены какие-либо специальные положения, регламентирующие процедуру обращения с электронными носителями информации и с хранящимися на них сведениями. Соответственно, любые электронные доказательства, включая ЭД, подлежат изъятию, передаче, хранению и т. д. в общем порядке [14].

Таким образом, мы отмечаем, что на сегодняшний день РК активно интегрирует современные технологии, в частности ЭД, в свою уголовно-процессуальную деятельность, захватывая все стадии уголовного судопроизводства. Однако, помимо прогнозируемых положительных результатов такого применения, как процессуальная экономия (сроки, издержки, человеческий ресурс), прозрачность уголовного процесса, его доступность, затруднительная фальсификация процессуальных

документов, их мобильность и прочее, правоприменители сталкиваются с некоторыми трудностями технического и правового характера, к которым можно отнести: нестабильное качество и скорость Интернета; перебои в работе техники; пробельность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процедуру применения электронного формата уголовного судопроизводства; фактическое дублирование материалов уголовного дела на бумажном носителе (двойная работа) и т. д., что требует дальнейшего совершенствования как нормативно-регулирующего, так технического устройства.

Практически одновременно с Казахстаном к странам, где производство по уголовному делу ведется в электронном формате, присоединилась Молдавия. Для молдавских органов уголовного преследования с 01.07.2017 стало обязательным ведение ЭУД. С этой целью создана автоматизированная информационная система «Уголовное преследование: Е-дело». Генеральный прокурор Республики Молдовы (РМ) Харунжен Э.Г. придерживается мнения о том, что «новая система, автоматизирующая процедуры и внутренние процессы, позволит правоохранительным органам эффективнее работать с уголовными делами, а также получить более точные статистические данные. Система охватывает все этапы уголовного преследования, выполняемые или руководимые прокурором, который предоставит доступ к данным в реальном времени, сокращая задержки в принятии решений по тому или иному делу. Процесс принятия решений в рамках прокуратуры станет более прозрачным» [15].

Важным критерием функционирования системы ЭУД в РМ выступает ее взаимодействие с другими информационными модулями правоохранительных органов, образуя единую электронную платформу. Примечательно, что система «Уголовное преследование: Е-дело» разработана эстонскими специалистами.

Говоря об ЭД в контексте института доказательств, то ч. 7 ст. 118 УПК РМ содержит некоторые специальные положения, регламентирующие порядок осмотра объектов, содержащих компьютерные данные (в содержание которых входят ЭД). Кроме того, ч. 5.1–5.4 ст. 128 УПК РМ закрепляют особенности изъятия устройств хранения данных и информационных систем [16].

Таким образом на сегодняшний день Молдавия совершенствует свою уголовно-процессуальную деятельность посредством использования автоматизированных информацион-

ных систем, базирующихся на формировании и обмене ЭД.

Рассмотрев законодательное регулирование использования ЭД в уголовном судопроизводстве некоторых государств, накопивших большой практический опыт по использованию модуля ЭУД, считаем возможным перейти к изучению правовой позиции тех стран, которые находятся на этапе становления по указанному вопросу.

Так, на Украине, как и в Казахстане, с 2012 г. функционирует ЕРДР, который вскоре будет дополнен информационно-телекоммуникационной системой досудебного расследования (ИТСДР). С ее помощью участники уголовного процесса получают возможность «создавать, собирать, хранить, искать, обрабатывать и передавать материалы и информацию по уголовным делам». Внедрение ИТСДР обусловлено принятием Верховной Радой Украины закона № 1498-IX от 01.06.2021, вносящим изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Украины [17]. Теперь УПК Украины предусматривает ведение уголовного дела в электронном формате.

ИТСДР будет взаимодействовать с ЕСИТС (единой судебной информационно-телекоммуникационной системой), отдельные модули которой начали свое функционирование на основании закона Украины № 1416-IX от 27.04.2021, предусматривающим поэтапное ее внедрение в хозяйственное, гражданское и административное судопроизводство [18]. Создание ЕСИТС и ИТСДР представляет собой реализацию проекта «суд в смартфоне» (часть проекта «государство в смартфоне»), призванного «ускорить судебный процесс, минимизировать коррупцию и возможность злоупотребления» [17].

Положения, предусмотренные законом № 1498-IX от 01.06.2021, начнут действовать через полгода после официального опубликования, исходя из чего в настоящее время невозможно говорить о результатах их внедрения. Однако украинским законодателем прогнозируется, что использование ИТСДР «будет способствовать повышению эффективности уголовного процесса, упорядочению процедур, ускорению и улучшению взаимодействия между прокурором, следователем и другими участниками уголовного производства», кроме того, в качестве конечной цели обозначается «минимизация и, как следствие, полный отказ в будущем от бумажного производства на стадиях досудебного расследования и рассмотрения дела в суде»* (пояснительная записка к законопроекту) [19].

* Перевод с украинского языка на русский выполнен посредством онлайн-переводчика ЯндексПереводчик // URL: https://translate.yandex.ru/?utm_source=wizard.

Уголовно-процессуальный закон Украины не закрепляет «электронные доказательства» в качестве обособленного источника процессуальных доказательств. Содержание ст. 84, 98 и 99 УПК Украины позволяет сделать вывод о том, что ЭД рассматриваются как документы и как вещественные доказательства. Все процессуальные действия с ними осуществляются в общем порядке (специальные нормы не предусмотрены) [20].

Считаем возможным заключить, что 2021 г. стал для Украины значимым с точки зрения формирования электронной платформы уголовного судопроизводства, а соответственно, возрастающей роли в нем ЭД, что не только коррелируется с общемировой тенденцией, но и позволяет достигать на практике положительных результатов, повышая эффективность уголовно-процессуальной деятельности посредством защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Представляет интерес позиция относительно интеграции системы ЭУД близкого по культурному коду к России государства Республики Беларусь (РБ). Последние несколько лет РБ находится в стадии активной дискуссии по совершенствованию своего уголовного судопроизводства путем внедрения ЭУД. С этой целью представители правоохранительных органов РБ направляли в некоторые страны (Эстонию, Грузию и другие страны) свои делегации для изучения их опыта.

Еще в 2018 г. бывший председатель Следственного Комитета РБ И.Д. Носкевич в рамках научного мероприятия заявил, что ЭУД должно быть запущено в скором времени, а также РБ учтет опыт своих иностранных коллег в этом вопросе (Грузии, Казахстана, Армении) и обязательно придет к этому (к внедрению ЭУД) [21].

В 2019 г. Г.И. Судникович (руководитель проекта «Единая автоматизированная информационная система СК РБ») сообщил, что переход к ЭУД будет состоять из двух этапов, первый из которых – автоматизация деятельности следователя и бумажного уголовного дела, а второй – создание ЭУД. После проведения первичного тестирования Единой информационной системы (ЕИС) следователь, работавший с ней, показал себя эффективнее в пять раз по сравнению с сотрудником, ведущим производство по уголовному делу на бумажном носителе [22].

Что касается ЭД как доказательств, то УПК РБ не обособляет доказательства в элек-

тронно-цифровой форме как отдельный вид, однако в нем предусмотрены специальные положения, регламентирующие изъятие объектов, содержащих компьютерную информацию, а также ее осмотр (ст. 204, 204.1 УПК РБ) [23].

Таким образом, в настоящее время РБ стремится к цифровизации уголовного процесса, ведется серьезная работа над скорейшим внедрением в работу следственных подразделений ЕИС и ЭУД, что, по мнению представителей СК РБ, должно привести к минимизации коррупции и значительной процессуальной экономии.

Последним государством, чье уголовно-процессуальное законодательство будет нами рассмотрено в рамках темы исследования, является Киргизия. В уголовно-процессуальном законе Кыргызской Республики (КР) в соответствии со ст. 148 досудебное производство по уголовному делу считается начатым с момента внесения сведений в Единый реестр преступлений и проступков (ЕРПП) [24]. Уголовное дело в настоящее время ведется традиционно на бумаге.

Однако по инициативе Генеральной прокуратуры КР были разработаны и уже внесены на рассмотрение парламента проекты новых УК КР и УПК КР. Прокурор управления экспертизы законов ГП КР А.Ш. Шукурбеков пояснил, что, кроме прочего, в новый уголовно-процессуальный закон страны вводится понятие «электронное дело», которое будет формироваться посредством заполнения следователем ЭД в системе ЕРПП, что, по мнению разработчиков, должно исключить фальсификацию материалов уголовного дела [25].

УПК КР, как и ранее изученные уголовно-процессуальные законы некоторых государств постсоветского пространства, не содержит в себе понятия электронных доказательств. Вместе с тем, среди вещественных доказательств выделяются электронные носители информации, регламентируется порядок их хранения, обязывающий исключить доступ к хранящейся на них информации, которая, как известно, может быть представлена в виде ЭД (п. 8 ч. 2 ст. 89 УПК КР). Кроме того, ч. 2 ст. 91 УПК КР отдельно прописывает ЭД в качестве иного документа-доказательства, а ч. 3 этой же статьи полностью посвящена ЭД, закрепляя его как письменное доказательство*, а также наделяя равнозначным статусом с традиционным документом на бумажном носителе [24].

В настоящее время КР находится в процессе цифровизации своей уголовно-процессуальной

---

* Отнесение ЭД к письменным доказательствам, с нашей точки зрения, является узким подходом, с которым мы не соглашаемся, считая признак письменности, не подходящим феномену ЭД. Аргументация обозначенной позиции выходит за рамки темы исследования и будет раскрыта в других работах автора.

деятельности. Вероятно, в ближайшее время она пополнит список стран – бывших резидентов СССР, в которых производство по уголовному делу будет вестись в электронном формате.

В качестве заключения по итогам проведенного исследования, считаем возможным привести несколько ключевых выводов:

1. Каждое государство, выбравшее указанный вектор развития (ведение уголовного дела в электронном формате), использовало накопленный заграничный опыт, однако смогло адаптировать его под национальные интересы своей страны.

2. Система ЭУД показала себя как эффективный цифровой инструмент уголовно-процессуальной деятельности (значительная процессуальная экономия, минимизация коррупции, прозрачность и доступность уголовного процесса и т. д., а значит дополнительные гарантии обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства) в тех странах, где реализовано соответствующее законодательство (Грузия, Эстония, Молдавия, Казахстан).

3. Государства, которые приняли нормативную правовую базу об ЭУД, но еще имели возможности ее апробировать (Украина), либо находятся в процессе такого принятия (Беларусь, Киргизия), единогласно прогнозируют положительный результат его применения.

4. Существуют общемировые предпосылки к принятию законодательства, предписывающего использовать ЭД, в том числе, в уголовном судопроизводстве [26, с. 194].

5. Исходя из тенденции к цифровизации многих процессов окружающей действительности,

а также активной эксплуатации человеком современных технических устройств, многие доказательства по уголовным делам в настоящее время существуют в электронной форме, что выражается в правовом обособлении электронных носителей информации, компьютерных данных и т. д. от других источников доказательств путем введения специальной нормативной регламентации для работы с ними.

6. Нарастающий объем электронной доказательственной базы по всему миру может послужить принятию унифицированных правил по обращению с ними, в том числе, для целей международного сотрудничества по борьбе с киберпреступностью.

Применительно к реформированию норм российского уголовного процесса посредством формирования и принятия правовых положений, закрепляющих использование модуля ЭУД, мы полагаем, что:

1) принятие соответствующего законодательства неизбежно по целому ряду причин, включая обозначенные общемировые предпосылки;

2) требуется несколько лет проведения серьезной подготовительной работы по нескольким направлениям:

– разработка качественного правового механизма;

– надлежащее материально-техническое оснащение и информационно-телекоммуникационное обеспечение правоохранительных органов России, а также населения страны;

– организация необходимого обучения должностных лиц и принятие мер по повышению уровня компьютерной грамотности граждан России.

Литература

1. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/По_ком_звонит_колокол.

2. Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение. Правопорядок: история, теория, практика. № 3 (26). 2020.

3. Гридюшко П.В., Бушкевич Н.С. Об электронной форме ведения уголовного процесса. Вестник Академии МВД Республики Беларусь. № 2 (34). 2017.

4. URL: <https://www.zakon.kz/4876292-osobennosti-ugolovnogo-processa-v.html>.

5. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication>.

6. URL: <https://www.wired.co.uk/article/digital-estonia>.

Bibliography

1. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/On_com_colocolwillring.

2. Zuev S.V. Electronic evidence in criminal proceedings: concept and meaning. Law and order: history, theory, practice. № 3 (26). 2020.

3. Gridyushko P.V., Bushkevich N.S. About the electronic form of conducting criminal proceedings. Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. № 2 (34). 2017.

4. URL: <https://www.zakon.kz/4876292-osobennosti-ugolovnogo-processa-v.html>.

5. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication>.

6. URL: <https://www.wired.co.uk/article/digital-estonia>.

7. URL: <https://www.forbes.com/sites/peter-high/2018/01/15/lessons-from-the-most-digitally-advanced-country-in-the-world/?sh=2f81de6e21ac>.

8. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636>.

9. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827#z0>.

10. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-zhaksy/press/news/details/164395?lang=ru>.

11. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268>.

12. URL: <https://www.zakon.kz/4920071-elektronnoe-pravosudie-v-respubliki.html>.

13. Тлеубаев Д.К., Иманбаев С.М., Карымсаков Р.Ш. Цифровизация уголовного процесса в Республике Казахстан: становление и практика применения. *Colloquium-journal*. 2021. № 11 (90).

14. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.

15. URL: <https://digital.report/moldavskaya-prokuratura-nachala-vesti-ugolovnyie-dela-v-elektronnom-vide/>.

16. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729.

17. URL: <https://ukraina.ru/news/20210601/1031533543.html>.

18. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1416-20#Text>.

19. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=71407.

20. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17#Text>.

21. URL: <https://www.sb.by/articles/delo-prinimaet-elektronnyy-oborot.html>.

22. URL: <https://reform.by/v-belarusi-mogut-pojavitsja-jelektronnye-ugolovnye-dela>.

23. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295>.

24. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530>.

25. URL: https://24.kg/vlast/198642_zachem_nam_novoe_ugolovnoe_zakonodatelstvo_kommentarij_razrabotchikov_.

26. Ященко И.И. Электронные документы в уголовном судопроизводстве России: история и современное состояние. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2020. № 4 (55).

7. URL: <https://www.forbes.com/sites/peter-high/2018/01/15/lessons-from-the-most-digitally-advanced-country-in-the-world/?sh=2f81de6e21ac>.

8. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636>.

9. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827#z0>.

10. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-zhaksy/press/news/details/164395?lang=ru>.

11. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268>.

12. URL: <https://www.zakon.kz/4920071-elektronnoe-pravosudie-v-respubliki.html>.

13. Tleubaev D.K., Imanbaev S.M., Karymsakov R.S. Digitalization of the criminal process in the Republic of Kazakhstan: formation and practice of application. *Colloquium-journal*. 2021. № 11 (90).

14. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.

15. URL: <https://digital.report/moldavskaya-prokuratura-nachala-vesti-ugolovnyie-dela-v-elektronnom-vide/>.

16. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729.

17. URL: <https://ukraina.ru/news/20210601/1031533543.html>.

18. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1416-20#Text>.

19. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=71407.

20. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17#Text>.

21. URL: <https://www.sb.by/articles/delo-prinimaet-elektronnyy-oborot.html>.

22. URL: <https://reform.by/v-belarusi-mogut-pojavitsja-jelektronnye-ugolovnye-dela>.

23. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295>.

24. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530>.

25. URL: https://24.kg/vlast/198642_zachem_nam_novoe_ugolovnoe_zakonodatelstvo_kommentarij_razrabotchikov_.

26. Yaschenko I.I. Electronic documents in criminal proceedings in Russia: history and current state. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. № 4 (55).

Конопий Анна Сергеевна
Konopiy Anna Sergeevna

преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета.

Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, the Southern Federal University.
E-mail: konopiy-anna@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КИТАЯ

Impact of digitalization on chinese legislation

С наступлением эпохи цифровой трансформации общества происходят неизбежные изменения всех сфер общественной жизни, требующие незамедлительного законодательного урегулирования. Одним из первых государств, в котором зародилась цифровая экономика, является Китайская Народная Республика, в связи с чем исследование цифровой законодательной базы Китая представляет огромный научный интерес.

Ключевые слова: цифровизация Китая, цифровое государство, цифровая экономика, цифровое право, законодательство Китая, информационное государство.

With the onset of the era of digital transformation of society, inevitable changes are taking place in all spheres of public life, requiring immediate legal response. The People's Republic of China is one of the first states in which the digital economy was originated; thereby the study of China's digital legislative framework is of great academic interest.

Keywords: digitalization of China, digital state, digital economy, digital law, Chinese legislation, informational state.

Создание законодательно урегулированно цифрового пространства – необходимая объективно продиктованная составляющая внутренней политики любого современного государства. Изучение цифрового феномена лидера цифровизации – Китайской Народной Республики – представляет огромный научный интерес в связи с его нестандартным путем возникновения, становления и развития. Уникальность китайской правовой системы заключается в полном исключении вмешательства элементов других систем с момента образования государственности в Китае вплоть до начала XX в. Система развивалась своим исключительным самодостаточным путем [5, с. 23]. В настоящий момент цифровые правовые задачи, поставленные Коммунистической партией Китая, реализуются Государственным Советом КНР, а информационное поле Китая полностью контролируется Министерством науки и технологий, Министерством промышленности и информационных технологий, Министерством образования, Центральной ведущей группой по кибербезопасности и информатизации, Комиссией по развитию и реформам, а также подведомственными институтами –

Китайской академией наук, Китайской академией информационных и коммуникационных Технологий [7, с. 31–36]. Такой существенный контроль информационной сферы вышперечисленными организациями необходим с целью предотвращения наступления возможных негативных последствий в результате быстрой всеохватывающей цифровой трансформации всех общественных сфер жизни. Такие факторы, как современные информационные системы, разработанные известными технологическими китайскими организациями Baidu, Alibaba и Tencent, многомиллионное количество представителей «цифрового поколения», увеличивающиеся инвестиции в цифровую инфраструктуру, обуславливают высокие и уникальные достижения Китая в области цифровых технологий [2, с. 275–303]. Современный информационный прогресс уже длительное время оказывает огромное влияние на человечество в целом. Интернет, облачные хранилища, социальные сети, онлайн-платформы для бизнеса, образования и развлечения, приложения для смартфонов, электронные правительства, «умные» города, электронные платежные системы и многие другие цифровые

разработки привели к необходимости цифрового правового пересмотра законодательства Китая с целью недопущения нарушений, прежде всего, прав и свобод человека.

Современная внутренняя политика Правительства Китая направлена на глобальную цифровую трансформацию государства, что придает особое значение проблеме защиты прав и свобод граждан Китайской Народной Республики. На фоне прогрессирующего цифрового роста действующее китайское законодательство, их регулирующее, не успевает адаптироваться под происходящие изменения, тем самым предоставляя государству и крупным организациям неограниченную власть в цифровой среде, что в дальнейшем может привести к возникновению проблем, связанных с соблюдением прав и интересов человека. Внедрение искусственного интеллекта, компонентов робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи и новых производственных технологий, помимо создания удобной и комфортной среды, направлено на повышение уровня безопасности, борьбу с преступной деятельностью, а также на снижение времени реагирования на происходящие чрезвычайные ситуации. Многочисленные камеры видеонаблюдения, установленные снаружи и внутри практически всех зданий Китая, позволяют установить контроль за всеми процессами, происходящими на территории государства. Такое повсеместное видеонаблюдение с возможностью распознавания лиц, по официальной версии, направлено на борьбу с преступностью. Однако экспертное мнение сводится к тому, что основной целью системы распознавания лиц является тотальный контроль со стороны государства за жизнедеятельностью каждого лица для прогнозирования его желаний, намерений, умысла и действий в будущем для принятия необходимых превентивных мер [8, с. 309–326]. Сетевое взаимодействие, оцифровка, «интеллектуальная» обработка, наряду с повышением качества жизни и благосостояния людей, создают множество проблем с соблюдением прав человека [12, с. 122]. Ежесекундная оцифровка персональных данных граждан, приводящая к формированию базы данных о каждом, может оказать огромное влияние на неприкосновенность частной жизни без грамотного правового регулирования. Государственные органы Китая, контролируя интернет-пространство, получают необходимую персональную информацию из базы данных

крупных организаций, функционирующих в информационной сфере. Например, такая компания, как Tencent, которая является разработчиком программ обмена сообщениями WeChat и QQ, охватывая большую часть населения КНР, имеет возможность получать, обрабатывать и хранить информацию о многомиллионных пользователях этих онлайн-платформ, в последующем передавая полученные данные специальным государственным органам [6, с. 156–170]. Незаконная передача данных, неправомерное хранение персональной информации и обработка полученных сведений без соблюдения нормативных актов могут привести к существенным нарушениям прав и свобод граждан Китая. Вышеуказанные обстоятельства указывают на острую необходимость изменения действующего законодательства КНР с учетом сложившейся новой цифровой реальности.

В настоящий момент на всей территории Республики действует ряд законов, направленных на защиту персональных данных граждан, в связи с прогрессирующей цифровизацией. Одним из первых и основополагающих цифровых законов является Закон «О кибербезопасности Китайской Народной Республики» от 2016 г. Согласно ст. 1 Закона его основной целью является обеспечение безопасности сети, защита суверенитета киберпространства Китая, а также защита национальной безопасности и государственных интересов, защита законных прав и интересов граждан, юридических лиц и других организаций, содействие экономическому и социальному развитию информатизации здравоохранения. В соответствии со ст. 15 Закона государственная система стандартов кибербезопасности постоянно должна совершенствоваться. Администрация Государственного Совета по стандартизации и другие соответствующие органы Государственного Совета организуют разработку и своевременное внесение изменений в национальные стандарты, касающиеся управления кибербезопасностью, а также безопасности цифровых продуктов, сетевых услуг и онлайн-операций. Кибероператор должен соблюдать строгую конфиденциальность информации о пользователях, которую он собирает, и создавать надежную систему защиты информации о пользователях. Оператор сети не должен раскрывать, изменять или уничтожать собранную им личную информацию о пользователях, а также не должен предоставлять эту информацию

другим лицам без согласия правообладателя [4]. Также Закон содержит статьи о возможном наступлении ответственности в случае несоблюдения вышеуказанных норм. Нормы Закона направлены на создание безопасной для персональной информации киберсреды, что способствует повышению уровня доверия граждан Китая к информационной сети, а также способствует увеличению количества пользователей Интернета.

Китай представляет собой одну из самых популярных «электронных торговых платформ» во всем мире, успешно осваивая экономическую цифровую деятельность, предоставляет все необходимые для электронной торговли данные в цифровом виде, с невероятной скоростью обрабатывая большие объемы информации. В связи с чем фундаментальным законом в эпоху цифровой экономики является принятый в 2018 г. Закон «Об электронной коммерции (торговли)», вступивший в силу с 01.01.2019. Его статьи раскрывают права и обязанности субъектов (т. е. пользователей) электронных платформ, осуществляющих коммерческую деятельность, включают основные условия, необходимые для осуществления электронной коммерческой деятельности, а также устанавливают ответственность в случае нарушения норм одной из сторон коммерческой деятельности [3]. Основной целью данного Закона является развитие здоровой электронной торговли, являющейся наиболее приоритетной в настоящий период времени.

С 01.01.2021 в Китае введен в действие Гражданский кодекс КНР, регулирующий некоторые вопросы, связанные с находящимися под защитой закона персональными данными граждан в период цифровизации. Согласно нормам кодекса, если у организации или физического лица возникает необходимость в получении персональных данных других лиц, то они обязаны в соответствии с законодательством, получая персональные данные этих лиц, обеспечивать безопасность полученных сведений. Незаконный сбор, использование, переработка и передача персональной информации других лиц, а также незаконная купля-продажа, предоставление и раскрытие персональных данных других лиц запрещены. Согласно гл. 6 Кодекса частная жизнь физических лиц, их персональные данные находятся строго под защитой закона, и ни одно лицо не вправе получать сведения без согласия

правообладателя [1]. Таким образом ни одно физическое лицо, кроме самого правообладателя, не имеет право запрашивать личные данные о кредитоспособности второго. Однако не представляется возможным назвать Гражданский кодекс КНР цифровым Гражданским кодексом, т. к. в нем содержится лишь незначительное количество статей, направленных на регулирование цифровых изменений гражданско-правовых отношений.

Действующих законов недостаточно для регулирования такой стремительно растущей современной цифровой экономики Китая, поскольку Закон «О кибербезопасности Китайской Народной Республики» касается лишь общих вопросов безопасности данных пользователей, а Закон «Об электронной коммерции (торговли)» охватывает узкую сферу торговли через онлайн-платформы. В связи с чем на данный момент активно реализуются законодательные проекты, опубликованные в сентябре 2020 г., а именно Закон «О безопасности данных» и Закон «О защите персональных данных». Закон «О безопасности данных» унаследовал концепцию и идею Закона «О кибербезопасности Китайской Народной Республики» и сосредоточился на совершенствовании системы защиты данных субъекта права с точки зрения национальной безопасности и общественных интересов для создания более безопасной и надежной правовой цифровой среды. Закон «О защите персональных данных» является ключевым в цифровом законодательстве, поскольку он регулирует процесс сбора, использования и обработки персональных данных. Закон строго регламентирует, какие данные могут быть использованы только утвержденными организациями, какие могут быть доступны всем, а какие только самому субъекту права.

Помимо цифровых законов, действующих на всей территории Китая, существуют индивидуальные законодательные акты административно-территориальных единиц. Провинции своими местными законодательными актами также стараются локально урегулировать стремительно развивающиеся цифровые тенденции. Провинция на востоке Китая Чжэцзян, которая является ведущей провинцией в области цифровой экономики, сделала еще один шаг вперед в цифровом законодательстве. С 01.04.2021 вступили в силу первые местные правила, направленные на содействие развитию цифровой экономики в провинции Чжэцзян. Как утверждает

Ян Лин, заместитель председателя комитета провинциальных народных депутатов, законодательство в области цифровой экономики должно привести к тому, что некоторые проверенные практики, опыт и ранее используемые системы Чжэцзяна будут перерастать в местные правила, нормы, чтобы привести и обеспечить качественное развитие цифровой экономики с помощью верховенства закона. Более того, правительство провинции обеспокоено тем, что некоторые категории населения в силу своих возрастных либо физических ограничений не могут полностью осуществлять свои права в связи с прогрессирующей цифровой экономикой. Поэтому законодательство в области цифровой экономики направлено на вовлечение таких лиц в мир цифровых технологий, приспособляя их к интеллектуальным технологиям и инновационным цифровым услугам.

Несмотря на несовершенное цифровое законодательство Китая и, как следствие, возможные нарушения основных прав и свобод граждан, ситуация с соблюдением прав человека находится под строгим контролем со стороны государства. В ходе пресс-конференции 26.02.2021 пресс-секретарь министерства иностранных дел Ван Вэнь Бин сообщил, что коммунистическая партия Китая и правительство рассматривают человека и его права как высшую ценность, поддерживают социальную справедливость и содействуют всестороннему развитию личности в период цифровизации экономики [9]. 8 апреля 2021 г. в Чанчуне, Цзиньинь, состоялась международная конференция, посвященная правам человека в Китае при участии более 100 экспертов и ученых из более чем 20 стран и международных организаций, включая США, Великобританию, Францию, Германию, Нидерланды, Австрию, Египет и другие. Согласно выступлению Президента Китайской ассоциации по правам человека Бабин Чжао, столетняя история борьбы Коммунистической партии Китая за освобождение людей, защиту их прав и стремление к всестороннему развитию личности завершилась.

Китай вышел на новый уровень в области защиты прав человека [11]. Новый этап безоговорочно связан и с соблюдением законных прав граждан в процессе построения цифрового государства.

На данный момент безусловно существует неразвитость цифрового законодательства Китая, которая приводит к смешению понятий, нечеткости формулировок, расплывчатости терминологии. Законодательные пробелы создают некий произвол партийных указаний и бессистемность применяемого цифрового опыта на всей территории Китая. Государство, используя цифровые технологии в качестве инструмента или средства управления обществом, должно осуществлять свою деятельность на основе соблюдения и уважения прав человека, строго соблюдая рамки и процедуры, предусмотренные законом. Секретарь провинциального комитета Юань Цзяцзюнь подчеркнул, что необходимо реализовывать генеральный план Си Цзиньпина по всестороннему и крупномасштабному строительству цифрового строительства Китая посредством цифрового реформирования [10]. Как утверждает Председатель КНР Си Цзиньпина, в течение 2020–2025 гг. будет происходить ускоренное издание цифровых законов, более подробно регламентирующих процесс получения, обработки, обмена и предоставления кредитно-рейтинговой информации граждан, что также требует незамедлительного правового регулирования, в связи с постепенным практическим внедрением социально рейтинговой системы. Цифровая практика на территории КНР различна, наравне с практически полностью «оцифрованными» провинциями существуют единицы, которые все еще в самом начале информационного пути, однако общая сложившаяся цифровая объективность опережает цифровое законодательство, поэтому вопрос цифровизации права является наиболее приоритетным направлением политики современного правительства Китайской Народной Республики.

Литература

1. URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/.
2. Джан Л., Чен С. Цифровая экономика Китая: возможности и риски // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 2.

Bibliography

1. URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/.
2. Zhang L., Chen S. China's digital economy: opportunities and risks // Bulletin of International Organizations. 2019. Vol. 14. № 2.

---

3. URL: http://www.zjcs.gov.cn/art/2020/7/16/art_1229094055_894583.html.

4. URL: https://web.archive.org/web/20161029174914/http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/lfgz/flca/2015-07/06/content_1940614.htm.

5. Пивоваров Н.Д. Источники древнекитайского права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52).

6. Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. 2017. № 4.

7. Томайчук Л.В. Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 31–36 (3).

8. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207>.

9. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1692745255707572176&wfr=spider&for=pc>.

10. URL: http://www.hangzhou.gov.cn/art/2021/2/19/art_809577_59029260.html.

11. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1696528593978294293&wfr=spider&for=pc>.

12. Чэн Сяо. Права на персональные данные в эпоху больших данных // Социальные науки Китая. 2018. № 3.

3. URL: http://www.zjcs.gov.cn/art/2020/7/16/art_1229094055_894583.html.

4. URL: https://web.archive.org/web/20161029174914/http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/lfgz/flca/2015-07/06/content_1940614.htm.

5. Pivovarov N.D. Sources of ancient Chinese law // Actual problems of Russian law. 2015. № 3 (52).

6. Razumov E.A. China's cybersecurity policy // Russia and the Asia-Pacific Region. 2017. № 4.

7. Tomaichuk L.V. Digitalization of the Chinese economy: risks and opportunities for society. EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics. 2019. № 31–36 (3).

8. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207>.

9. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1692745255707572176&wfr=spider&for=pc>.

10. URL: http://www.hangzhou.gov.cn/art/2021/2/19/art_809577_59029260.html.

11. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1696528593978294293&wfr=spider&for=pc>.

12. Cheng Xiao. Rights to personal data in the era of big data // Social Sciences of China. 2018. № 3.

Рассказов Вячеслав Леонидович
Rasskazov Vyacheslav Leonidovich

доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, PhD in Law, Associate Professor.

**УСТАВ О ТАМОЖЕННОМ СУДЕ 1727 г. – ПЕРВЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ЗАКОН В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ:
КОНЦЕПЦИЯ И АНАЛИЗ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ**

**The customs court charter of 1727 – the first special law in the history
of russian economic justice: concept and analysis of procedural rules**

В статье показано, что в связи с реформами Петра I в России получила развитие экономика. Отмечается, что в связи с этим возникла необходимость в создании специального закона по разрешению торговых споров, который и был принят в 1727 г. Дается анализ данного первого специального закона в истории российского экономического правосудия, призванного регулировать торговые споры. Отмечается, что Устав о таможенном суде включал в себя как материальные, так и процессуальные нормы права, в нем определяются условия допустимости доказательств по торговым (хозяйственным спорам), легитимизируется институт третейских судов.

Ключевые слова: Устав о таможенном суде, экономика, судебная процедура, истец, ответчик, третейский суд, посредник.

The article shows that in connection with the reforms of Peter I, the economy has developed in Russia. It is noted that in this regard there was a need to create a special law on the settlement of trade disputes, which was adopted in 1727. The analysis of this first special law in the history of Russian economic justice, designed to regulate trade disputes, is given. It is noted that the Charter on the customs court included both material and procedural norms of law, it defines the conditions for the admissibility of evidence in commercial (economic disputes), legitimizes the institution of arbitration courts.

Keywords: Charter on the Customs court, economy, judicial procedure, plaintiff, defendant, arbitration court, mediator.

В эпоху Петра I Россия получила, как известно, мощный импульс в своем развитии, в том числе в области экономики. И тогда, казалось бы, дело должно было дойти до принятия специального закона по разрешению торговых споров, которые до этого рассматривались в рамках общего гражданского судопроизводства. Однако этого не случилось. Тем не менее, петровская эпоха создала необходимую правовую основу для этого, и буквально через два с половиной года после смерти Петра I (1727 г.) был принят закон о суде таможенном по словесным прошениям, а не по челобитным [3], обозначенный составителями Полного собрания законов Российской империи как «Устав» (далее – Устав о таможенном суде). Данный Устав впервые в российской правовой истории определял торговые споры как предмет судебного рассмотрения.

Следует отметить, что Устав о таможенном суде был принят после смерти Петра I. Это произошло в связи с определенной неразберихой в разрешении гражданско-правовых

споров. В свою очередь данная неразбериха была связана с отменой Екатериной I учреждений Петром I губернских судебных и административных мест. Вместо них Екатерина I возвратила «суд и расправу» губернаторам и воеводам. Те же дела, которые решались ранее в судах, и были ею отменены, должны были решаться в административном порядке.

Тем не менее, импульс, данный петровскими реформами, способствовал развитию экономики и при Екатерине I.

Данное обстоятельство требовало более быстро и четкого решения хозяйственных (торговых) споров, в то время как созданные Петром I судебные учреждения на городских уровнях, напротив, были упразднены, еще более усугубив ситуацию [2, с. 24]. Мы полагаем, что это обстоятельство ускорило учреждение специализированного торгового суда, потребность в котором уже давно назрела. В силу этого и был принят Устав о таможенном суде. В связи с этим отметим, что в тот период слова «торговый» и

«таможенный» были практически идентичными. Поэтому термин «таможенный» указывал на то, что таможенный суд должен решать вопросы в сфере участия соответствующих лиц в хозяйственной, торговой, коммерческой деятельности.

Анализ содержания Устава о таможенном суде показывает, что этот правовой документ включал в себя как материальные, так и процессуальные нормы права. Структура Устава состояла из следующих блоков норм: нормы о подведомственности дел таможенным словесным судам; процессуальные правила поведения тяжущихся, принципы деятельности суда, нормы, о доказательствах и об их оценке; правила принудительного исполнения вынесенных решений; нормы материального характера, устанавливающие правила поведения суда в той или иной конкретной ситуации, которые соответствовали перечню подведомственных суду дел; правила обжалования вынесенных решений; нормы, регулирующие уплату пошлины за рассмотрение дела; образцы ведения судебных книг (протоколов).

Что касается предмета судебного рассмотрения, т. е. о тех категориях дел, которые были этому суду подведомственны, то в Уставе о таможенном суде указывалось, что к делам, по которым не следует «вступать в письменные суды» дабы «время не тратить» и не иметь «напрасные убытки», а следует судить «словесно», а значит быстро, относились: если кто купил товар, а денег не заплатил; если кто взял задаток, товар не отдает или, «увидя упадок в цене», товар принимать не станет; товар показывал «добрый», а отдал «худой»; если кто деньги взял в заем хоть письменно, хоть бесписьменно, а не отдает; если кто возьмет на сохранение деньги или товар, и «запрется»; если кто заранее лавку или судно наймет, а хозяин вдруг откажет; если «судовщички» или извозчики не довезут товар до места или довезут не в целости; если между хозяином и наемными работниками учинятся споры при погрузке-выгрузке и других работах с товаром; если меж хозяином и наемными работниками будут споры по «удержке» денег, заранее определенных для оплаты работ; если купцы и их приказчики или работники меж собой подерутся или побранятся.

После этого перечня законодатель указывал: «Также и в прочих делах, касающихся к купечеству». Как видно, перечень дел, подведомственных таможенному суду, подлежал расширительному толкованию.

При этом следует подчеркнуть, что подведомственные этому суду дела ограничивались только частноправовой сферой. Акцент при отправлении судебной процедуры по

рассмотрению торговых споров делался на устные показания тяжущихся сторон (отсюда и слово «словесный» в названии акта).

Судебная процедура осуществлялась следующим образом. Вначале оглашалось устное (словесное) прошение истца. После этого приглашался ответчик, который должен был дать свои пояснения. Обычно это должно было быть в тот же день, когда выступил истец. Если ответчика не было, то его должны были вызвать на следующий день. При отсутствии ответчика на третий день объявлялся его розыск. При этом (если его не находили) можно было «взять приказчиков и сидельцев (из хозяйства ответчика – авт.) и держать три дня пока не явится». Можно предположить, что тяжущимися сторонами были преимущественно состоятельные лица, имевшие свое достаточно крупное хозяйство.

Мы наблюдаем здесь очень интересное явление. С одной стороны, допускается необычная легкость возбуждения судебного производства (по «словесному прошению»), а с другой стороны – необычно жесткие меры к ответчику по поводу явки в суд, и это несмотря на то, что нет норм об ответственности истца за неверные сведения при подаче иска. Вероятно, здесь столкнулись две тенденции – одна из них вытекала из либеральных подходов, связанных с большей свободой предпринимательства, а другая – из абсолютистского характера российского государства. И пока еще, как видно, вторая тенденция довольно сильна (если сравнивать протекание аналогичных процессов в странах Западной Европы того же периода). Если вести речь непосредственно о самом судебном разбирательстве, то этот процесс начинался с устного объявления истцом своих требований.

В случае, когда ответчик отвергал заявленное истцом требование, то последний должен был в письменном виде изложить свои претензии и их обоснование. Затем полагалось ответчика «спросить о письме, не порочит ли он того письма, а о свидетелях, шлется ль на оных». Если ответчик соглашался с письменными требованиями истца либо в бесписьменном (устном) иске без отвода свидетелей истца сошлет на общую ссылку, то «по неоспорным письмам» и по «общей ссылке» судебное разбирательство прекращалось и полагалось записывать в «особливую судебную книгу по приложенной при сем форме» принятые судом решения – «кто к чему будет осужден». Под «общей ссылкой» здесь, как и ранее в российском гражданско-процессуальном праве, понималась ситуация, когда ответчик и истец придут к согласию о допросе одних и тех же свидетелей,

которым оба доверяют, т. е. когда делается общая ссылка на показания на одних и тех же лиц.

В рассматриваемом законе законодатель впервые достаточно подробно изложил условия допустимости доказательств именно по торговым (хозяйственным спорам). В частности, устав содержал правила о том, «какие споры на письма не принимать и о разбирании в том третейским судом».

В законе легитимируется институт третейских судов. Государственный суд в таких случаях должен был прекратить производство и отсылать тяжущихся в третейский суд. Если же стороны не могли договориться о кандидатурах третейских судей, то это должен был сделать государственный суд, в чьем производстве находилось дело – с такой просьбой тяжущиеся стороны обращались к суду. По сути дела в этих положениях заложены одновременно основы разбирательства торговых (хозяйственных) споров в третейских судах. В случае несогласия сторон в выборе посредников Устав предоставлял назначение их суду.

При этом Устав не решал вопрос о том, что будет, если какая-либо из сторон уклонится от выбора посредников. В самом документе акцентировалось внимание на назначение посредников судом только при согласии на то истца и ответчика. При этом обе стороны должны были свое согласие на посредника заверить своей подписью в судебной книге.

Следует отметить, что в Уставе о таможенном суде устанавливалось, что если в силу определенных условий возникала необходимость переходить на письменную форму судопроизводства, то государственный суд определял, что дело должно рассматриваться в третейском суде.

При этом требовалось представление письменных объяснений сторон, письменных доказательств заявленных требований истца и возражений ответчика, должна была при этом производиться их оценка, расчет сумм иска, ведение протокола судебного разбирательства. Бесспорные же дела, когда ответчик признавал письменные требования истца, подлежали разрешению изначально государственным («словесным», «таможенным» судом). Такое разрешение заключалось в применении имущественных санкций, которые следовали на основании установленных и неоспариваемых юридических фактов, связанных с нарушением договорных обязательств. Далее следует заметить, что в соответствии с Уставом о таможенном суде письменные иски подлежали разрешению словесным судом на основании показаний свидетелей, на которых ссылались обе стороны, либо на основании присяги самих тяжущихся сторон.

В этом случае закон достаточно подробно регламентировал процедуру дачи свидетельских показаний и показаний самих сторон. В полном смысле слова оценки показаний свидетелей суд не давал, т. к. Устав о таможенном суде предписывал суду безоговорочно принимать показания свидетелей, сделанные под присягой. В этой связи нужно подчеркнуть, что присяга как подтверждение безусловной достоверности показаний была характерна для разрешения любых дел в тот период времени. Формы присяги как свидетелей, так и сторон приводились в конце устава. Суть присяги заключалась в том, что лицо клялось перед Богом в правдивости своих слов. В те времена присяга являлась действенным средством подтверждения достоверности показаний в силу особой религиозности русского народа. Кроме того, клятвотступников (тех, кто лгал под присягой) наказывали смертной казнью [1, с. 18]. При противоречивых показаниях свидетелей, когда таковые не давали оснований принять решение в пользу той или иной стороны, то полагалось «таким свидетелям винить тех, кто сперва в суде своем во оправдание представил, а не того, которой после на их же послался».

Если же в бесписьменном иске свидетели были отведены ответчиком и такие отводы приняты судом, то суду следовало предложить истцу спросить ответчика об обоснованности требований под присягой: «Кто же будет бесписьменно и не предъявляя свидетелей чего искать, а ответчик запретя, у таких ответчиков спрашивать, себе ли он веру берет или истцу отдаст, и буде сам возьмет, то по его, а буде истцу отдаст, то по истцовой присяге и поступать, кто будет чему достоин». Следует отметить, что Устав предписывал суду прибегать к присяге сторон только «по самой необходимой нужде».

Очевидно, последняя оговорка свидетельствует о том, что институт присяги как способ установления бесспорного доказательства постепенно начинал терять свое значение, во всяком случае, ранее «крестному целованию» законодатель уделял большее внимание. Рассмотренные выше положения, содержащиеся в Уставе о таможенном суде, дают основание выделить следующие пределы юрисдикции данного таможенного (торгового) суда: устные (словесные) иски, предъявляемые в результате невыполнения или ненадлежащего выполнения договорных обязательств в сфере хозяйственных отношений; письменные иски, споры по которым разрешались на основании показаний свидетелей либо на основании показаний одной из сторон под присягой, т. е., опять же, в устном (словесном) порядке. Собственно,

здесь и исток названия суда по «словесным прошениям, а не по челобитным». Причем в обоих случаях речь идет о ситуации, когда ответчик признает иски по сути, но требуется определить причины, другие обстоятельства с тем, чтобы вынести конкретное решение, и прежде всего по сумме компенсации, если, конечно, будет признано, что истец понес убыток в результате ненадлежащих действий самого ответчика, т. е. если не было, например, непреодолимой силы и иных форс-мажорных обстоятельств.

Что же касается оспариваемых письменных исков, то они подлежали разбору посредниками, т. е., как мы отмечали, третейским судом. Помимо чисто процессуальных норм, регламентирующих разрешение торговых (хозяйственных) споров, в рассматриваемом законе содержались нормы материально-правового характера. Данными нормами регулировались вопросы, связанные с содержанием резолютивной части судебного решения. Кроме того, Устав включал в себя ряд предписаний по порядку его исполнения. Например, если покупатель не оплатил полученный товар, «то в платеже денег принудить же задержанием под караулом, записав в судебную книгу; буде же к платежу деньгам не в состоянии, то купленный товар продать публично настоящею ценою; а ежели чего не достанет или уже тот товар избит, то из прочих его товаров и пожитков, тако ж и продажею деньги возвратить и истца удовольствовать». Если же устанавливалось, что владелец товара, у которого он хранится по договору хранения, незаконно удерживает у себя имущество поклажедателя, то полагалось «немедленно такие поклажи брать и отдавать истцам, и в приеме тех под распискою судною расписываться, а за то, что он, приняв, запирался и хотел душевредничеством покорыствовать, брать на госпитали или на раздачу в богадельни, по гривне с рубля».

Литература

1. Гребенцов А.М. Развитие хозяйственной юрисдикции в России. М., 2002.
2. Рассказов Л.П., Петручак Л.А., Упоров И.В. История уголовного процесса России. Краснодар, 2001.
3. Сенатский указ от 26 августа 1727 «Об отпуске содержащихся в Москве и у города Архангельского чужестранных купцов для их выправок в Санкт-Петербурге в Доимочную Канцелярию, о взыскании с просрочки по векселям по шести процентов на год, и о таможенном суде по словесным прошениям, а не челобитным» // Полное собрание законодательства. Собрание первое. № 5145.

Последнее предписание («брать на госпитали») является новеллой российского законодателя – ранее с виновных в нарушении гражданско-правовых обстоятельств (равно как и с преступников) не взыскивались выплаты на благотворительные цели. Это был своеобразный стимул и сигнал к позднему развитию меценатства в нашей стране. Следует еще заметить, что данный Устав не регулировал, и не мог регулировать (в силу своего небольшого объема) все процессуальные вопросы при отправлении правосудия – очевидно, что те вопросы, которые не нашли отражения в Уставе о таможенном суде, следовало решать на основании действующих гражданско-процессуальных норм.

Итак, после смерти Петра I Россия продолжала достаточно динамично развиваться во всех сферах общественной жизни, в том числе и экономики. В связи с этим возникла необходимость в создании специального закона по разрешению торговых споров. Такой закон был принят в 1727 г., который впервые в российской правовой истории определял торговые споры как предмет судебного рассмотрения.

Данный закон (Устав о таможенном суде) необходим был также в связи с определенной неразберихой в разрешении гражданско-правовых споров, которая возникла в связи с отменой Екатериной I учрежденных Петром I губернских судебных и административных мест и возвращения права губернаторам и воеводам творить «суд и расправу».

Устав о таможенном суде включал в себя как материальные, так и процессуальные нормы права. В нем законодатель впервые достаточно подробно изложил условия допустимости доказательств именно по торговым (хозяйственным спорам). В законе также легитимизируется институт третейских судов.

Bibliography

1. Grebentsov A.M. Development of economic jurisdiction in Russia. Moscow, 2002.
2. Rasskazov L.P., Petruchak L.A., Uporov I.V. History of the criminal process of Russia. Krasnodar, 2001.
3. The Senate's order of August 26, 1727 «On vacation soderjaschihsya of Moscow and the city of Arhangelskaja foreign merchants for their wyprawa St. Petersburg Daymoscow in the office, on the recovery of overdue bills at six percent per year, and about the customs court of verbal requests, and not of petitions» // Complete collection of laws. The first meeting. № 5145.

**Небратенко Геннадий Геннадиевич
Nebratenko Gennady Gennadievich**

профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России
доктор юридических наук, профессор.

Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Interior
of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
E-mail: gennady@nebratenko.ru.

**Карягина Оксана Владимировна
Karyagina Oksana Vladimirovna**

заведующая кафедрой уголовного права и процесса Таганрогского института управления и экономики
кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Taganrog Institute of Management and Economics,
PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: o.karyagina@tmei.ru.

**Небратенко Ольга Олеговна
Nebratenko Olga Olegovna**

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Civil Law of the Rostov Law Institute of the Interior
of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: onebratenko@yandex.ru.

**Ненахова Ольга Александровна
Nenakhova Olga Alexandrovna**

старший преподаватель кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного
технического университета.

Senior Lecturer of the Department of Commercial and Business Law of the Don State Technical University.
E-mail: knyaginya1911@mail.ru.

**ГЕНЕЗИС ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ
ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА (XVIII в.)**

**Genesis of the law enforcement function in the territory
of the don cossack army (XVIII century)**

Правоохранительная функция является важнейшей среди реализуемых государством, причем, с момента его появления и до настоящего времени. Однако генезис и онтология данной функции имеет философско-правовую и историко-юридическую специфику в региональном измерении. Предложенная авторами научная статья имеет своим объектом правоотношения, связанные с зарождением правоохранительной функции на территории Юга России, с XVI по XVIII вв. постепенно вливавшегося в состав Русского государства. Предметом является генезис полицейских органов на территории Донского казачьего войска в XVIII в. Особое внимание к этой территории определяется тем фактом, что она в рамках Российской империи относилась к категории «национальные окраины», наряду с Царством Польским, Великим княжеством Финляндским

The law enforcement function is considered to be the most important among those implemented by the state from the moment of its appearance to the present. However, the genesis and ontology of this function has philosophical-legal and historical-legal specifics in the regional dimension. The scientific article proposed by the authors has as its object the legal relations connected with the origin of the law enforcement function in the territory of Southern Russia, which gradually merged into the Russian state from the XVI to XVIII centuries. The subject of the research is the genesis of police bodies on the territory of the Don Cossack army in the XVIII century. Special attention to this territory is determined by the fact that within the Russian Empire it belonged to the category of «national suburbs», along with the Kingdom of Poland, the Grand Duchy of Finland and Turkestan. This fact was reflected in

---

и Туркестаном. Этот факт отразился на генезисе и онтологии правоохранительной функции. Данная публикация входит в цикл статей, подготовленных авторами, посвященных малоизвестному периоду в истории донских органов правопорядка, вызывая дополнительный интерес к нему с появлением новых сведений, относящихся к генезису правоохранительной функции.

Ключевые слова: история полиции, история органов внутренних дел, зарождение органов государственной власти, функции государства, правоохранительная функция, донская полиция, Донское казачье войско.

Генезис правоохранительной функции на территории Донского казачьего войска был связан с появлением в крае института «нарочных по череду старшин», осуществлявших сыск и высылку «преступников и всяких праздно шатающихся без документов». Появление «нарочных старшин» относится к первой половине XVIII в.: «К 1717 г. «институт розыщиков», осуществлявших выявление и высылку беглых, а также выдачу «жилых и подорожных писем», был уже сформирован, развиваясь в течение последующих десятилетий» [8]. Впрочем, в настоящее время сложно найти этому факту какое-либо достоверное подтверждение, позволяющее считать его систематическим, а не разовым.

Хотя очевидно, что правоохранительная функция реализовывалась в крае от имени «Войсковой канцелярии» (Канцелярии дел старшин), являвшейся региональным правительством [5, с. 93]. «Нарочных» отправляли по казачьим городкам, где они знакомили местное население с содержанием войсковых грамот, определявших их полномочия, и у станичников брались «подписные сказки», причем, под угрозой казни (в случае неисполнения требований) совершать те или иные действия или наоборот не допускать их. В 1743 г. этот институт получил более регулярную форму, и их обязанности имели «миграционный подтекст», заключааясь в выявлении сбежавших на Дон крепостных крестьян. Кроме того, старшины разыскивали скрывающихся от правосудия преступников, организовывали их депортацию [4, с. 15; 3. с. 140–141].

Возникновение регулярной правоохранительной функции было связано с требованиями российского правительства, направленными на усиление миграционного контроля. Это

the genesis and ontology of the law enforcement function. This publication is part of a series of articles prepared by the authors devoted to a little-known period in the history of the Don law enforcement agencies, arousing additional interest in it with the emergence of new information related to the genesis of the law enforcement function.

Keywords: history of the police, history of the internal affairs bodies, the origin of state authorities, state functions, law enforcement function, Don police, Don Cossack army.

привело к учреждению в 1743 г. в шести казачьих поселениях, находящихся на административных границах с соседними регионами, «нарочных по череду старшин для поимки с Руси беглых». С целью более эффективной их деятельности в Войсковой канцелярии была разработана специальная инструкция, имевшая целью обеспечить эффективный миграционный контроль и профилактику соответствующих правонарушений, которой снабжались искомые старшины [6, с. 167.]. Сами «крайние станицы», куда назначались «нарочные по череду старшины», не назывались, но точно к ним относились Казанская и Михайловская, с большей долей вероятности – Луганская, и еще две «резиденции» располагались в «восточной части» Донского края: на реке Медведице и в районе Волго-Донской переправы. В условиях отсутствия более достоверной информации можно предварительно указать на Глазуновскую и Качалинскую станицы – в качестве «окраинных» для Войска Донского. Кроме того, на юго-западе в 1742 г. возник «окраинный» Усть-Аксацкий стан, который можно рассматривать как возможное место для «войскового двора».

С самого начала нарочные старшины доказали эффективность своей работы, но они не имели возможности прекратить незаконную миграцию на Дон крепостных крестьян и скрывавшихся от правосудия правонарушителей, а также предоставления крова для данных лиц местным населением, поскольку не в силах были исключить самих условий возникновения миграционных и иных деликтов. Однако нарочные стали функциональным продолжением регионального правительства в борьбе с соответствующим злом, учитывая тот факт, что основным источником права в Донском крае по-прежнему являлся

обычай, а российское законодательство имело лишь ограниченное применение. Военная коллегия в 1745 г. была уведомлена, что «нарочные по череду старшины» продолжают свою работу с 1741 г., выявляя нарушителей «миграционного режима» и высылая их за пределы Донского казачьего войска в Новохоперскую крепость. При этом поиск беглых не представлялся сложным делом, поскольку мигранты нуждались в средствах к существованию, прибывали в населенные пункты в поисках крова и работы, а у некоторых даже имелись поддельные «пашпорта» на право свободного перемещения, выявление которых и избличение правонарушителей их использующих стало непосредственной обязанностью нарочных старшин.

Между тем отправка нарушителей «миграционного законодательства» в Новохоперскую крепость не дала желаемого результата, поскольку у ее коменданта не было полномочий (инструкции) на прием соответствующих лиц, а тем более сил и средств для разбирательства с большим количеством высылаемых с Дона беглых. По этой причине в царской грамоте от 28 марта 1745 г. для Донского казачьего войска устанавливалось требование высылать выявленных лиц непосредственно в Воронежскую губернскую канцелярию, делая это за свой счет и, вероятно, под «казачьим караулом», тем самым не обременя ближайшую к Донскому краю Новохоперскую крепость. В то же время в Военную коллегию направлялись «помесячные именные списки» лиц, высланных в Воронеж, причем, с пометой о применявшихся к ним «мерах принуждения». Одновременно была продолжена начатая в 1741 г. практика получения нарочными старшинами «расписок» с казачьего населения, в которых предусматривался строгий запрет на беглодержательство под угрозой жестокого телесного наказания, а также денежных выплат в адрес помещиков, чьи беглые крестьяне проживали у казаков [6, с. 168.].

Реализация на практике всех вышеуказанных мер, составлявших основу правоохранительную функцию в крае, привела к спецификации соответствующей деятельности и к появлению нового полицейского института «Сыскных дел», который возглавляли «сыскные старшины» или «старшин сыскных дел», или «старшин по сыску и высылке беглых» [6, с. 168.]. По своей природе, они остались

«нарочными по череду», т. е. старшинами, командированными Войсковой канцелярией из Черкаска по принципу очередности (в счет населения внутренней по Войску Донскому службы) на 2–3 года в определенную местность. Основанием отправления правоохранительной функции также оставалась войсковая грамота, а для воплощения на практике правоохранительной функции разрешалось использовать возможности подведомственных станиц [6, с. 168.].

В одном из крупных казачьих поселений строился «войсковой двор» (аналог съезжих изб в русских губерниях), который именовался по названию станицы, а «Сыскные дела» нередко назывались по названию реки, по течению которой стояли станицы, обслуживаемые сыскным старшиной. Например, авторам известны Бузулуцкие, Букановские, Верхние Донецкие, Верхнедонские, Верхнехоперские, Глазуновские, Казанские, Качалинские, Михайловские, Медведицкие, Нижние Донецкие, Нижнедонские, Нижнехоперские, Пятиизбянские и Хоперские сыскные дела.

В 1763–1764 гг. на территории Войска Донского проводилась перепись не казачьего населения с целью его обложения подушным семигривенным окладом (налогом), которая осуществлялась по территориальной принадлежности. В «Описи и ведомости Войска Донского записанных в 763-м году в подушный семигривенный оклад, то ж и не положенных малороссиян», отмечена самая нижняя по Дону местность, поделенная на две дистанции от Большого Лога вниз до Морских гирл [7, с. 76–120]. Вторая дистанция проходила от Большого Лога вверх по Аксаю, включая Грушевские, Кривянские, Заплавские и Керчикские хутора [7, с. 45–76]. Выше по Дону располагался еще один куст станиц, и в ведомости 1763 г. обозначалось пространство от «Маноцкой станицы до Трех Островянской» [7, с. 120–374].

В рамках следующей «донской дистанции» были представлены станицы от Качалинской до Казанской, ревизованные в 1764 г. старшиною Иваном Николаевым, включая обширный перечень поселений [7, с. 6–95]. Следующая местность Донского казачьего войска была представлена донецкими станицами от Луганской до Нижней Кундруческой [7, с. 95–174]. Хоперские станицы, расположенные вниз по

реке от Михайловской станицы до Букановской, в 1763 г. ревизовались секунд-майором Иваном Верещагиным, не являвшимся представителем казачества, будучи офицером русской армии, но в 1764 г. этот «куст» поселений ревизовал старшина Клементий Фролов [7, с. 174–230]. Медведицкие станицы в 1763 г. описывались поручиком Батушковым (Батюшкив), а в 1764 – старшиной Петром Саврасовым, включая Островянскую станицу, Глазуновскую, Скуришенскую, Кепенскую, Арчадинскую, Етеревскую, Раздорскую, Орловскую, Заполянскую, Молодельскую, Березовскую [7, с. 230–277]. В то же время и по Бузулукским станицам описью малороссов в 1764 г. занимался старшина Петр Саврасов, а годом ранее – секунд-майор Иван Верещагин и поручик Батюшкин [7, с. 277–292].

Основываясь на изысканиях Иоганна Антоновича Гильденштедта, являвшегося современником описываемых им наблюдений, еще советской исторической наукой были определены пять из шести «Сыскных дел», функционировавших к 1769 г.: Верхнехоперские (войсковой двор в Михайловской станице); Нижнехоперские (в Кумылженской); Верхнедонские (в Казанской); Нижнедонские (Нижнемихалевская); а в Глазуновской размещался сыскной старшина, которому были подчинены бузулукские и медведицкие станицы [8, с. 250]. Шестая по счету местность, вероятно, была «Усть-Оксайской», в тот период не имела собственного органа правопорядка, обслуживалась публичной властью казачества из Черкаска, рассылавшей нормативные предписания через Гниловской, Заплавский, Кривянский, Усть-Оксайский, Роговский и Казачий (ранее – Щучий) стан, располагавшиеся в Низовьях Дона.

Между тем в рамках совершенствования правоохранительной функции в 1785 г. сыскные старшины получили название сыскных начальников, а в 1789–1790 гг. места их дислокации стали называться «Сыскными начальствами», причем, в значении органа правопорядка, а также административно-территориального образования. Однако упоминания о «Сыскных делах» встречаются в официальной переписке, датированной январем 1790 г. В следующем десятилетии «сыскные начальства ведали военными, судебными, административно-полицейскими и финансовыми дела-

ми, объявляли распоряжения Войскового правительствa и наблюдали за их исполнением, назначали казаков в службы и походы, увольняли их в отставку, разбирали ссоры между станичниками, вели следствие по уголовным преступлениям и взыскивали налоги с податной части населения» [3, с. 141].

В 1797 г. в Донском казачьем войске функционировало 11 сыскных начальств. Войсковой грамотой от 4 августа 1797 г. семь сыскных начальств располагались на следующих дистанциях: 1-е – по Дону от ст. Манычской до ст. Кумшацкой, 2-е – от ст. Цимлянской до ст. Трехостровянской, 3-е – от ст. Кагальницкой до ст. Казанской, 4-е – по Хопру, 5-е – по Медведице, 6-е – по Бузулуку и 7-е – по Донцу от ст. Нижне-Кундрюческой до ст. Луганской. Однако «старые сыскные начальства» еще функционировали некоторое время, и поэтому всего работало 15-ть подразделений, но 4-и из них занимались окончанием производства и в дальнейшем прекратили свое существование. Впрочем, войсковой грамотой от 10 июня 1798 г. предусматривалось появление еще 2 сыскных начальств: Миусское и в Казачьем стане, поэтому в 1799 г. их стало 13-ть, что отмечалось в войсковой грамоте от 11 декабря 1799 г. [6, с. 169].

Таким образом, генезис правоохранительной функции на территории Донского казачьего войска был связан с особым правовым статусом, предоставленным казачеству, а также проблематикой усиления миграционного контроля за лицами, незаконно переселившимися в край. Поэтому появление в регионе органов правопорядка было связано с задачей борьбы «с беглодержательством». Впрочем, специализировавшийся к середине XVIII в. институт «нарочных старшин» стал трансформироваться в орган казачьей власти, курировавший все местное население на подведомственной территории, даже казачье, исключая «дворян из казаков», состоявших в ведении Военной коллегии. Поэтому появившиеся в конце рассматриваемого столетия «сыскные начальства» являлись самостоятельными органами правопорядка, возникшими на основе эволюции предшествующих им институтов «казачьей власти». Тем не менее, формально-юридическая регламентация правоохранительной функции на территории Донского казачьего войска произошла не ранее XIX в., став

следствием более масштабных общественно-политических процессов, связанных с приближением статуса Земли Войска Донского к пра-

вовому положению губернии, но с сохранением за казачеством «особых привилегий».

Литература

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1472. Л. 55.
3. Казачий словарь-справочник. Т. III. 1968.
4. Макеев В.В. Организационно-правовое становление и развитие общей полиции на территории Донского казачьего войска (середина XVIII– начало XX вв.). Ростов н/Д, 2002.
5. НебрATENKO Г.Г. Судебно-процессуальные отношения в традиционном обществе донских казаков. Ростов н/Д, 2009.
6. НебрATENKO Г.Г. Эпистемология возникновения Российской полиции на территории Ростовской и Волгоградской областей (досоветский период) // Философия права. 2020. № 4.
7. Перепись черкасам в Войске Донском: Материалы по истории и генеалогии казачества. В. 8. Волоград, 2016.
8. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.

Literature

1. Acts relating to the history of the Don Army. T. 2. P. 1. Novocherkassk, 1894.
2. State Archives of the Rostov Region. F. 55. Op. 1. D. 1472. L. 55.
3. Cossack dictionary-reference. Vol. III. 1968.
4. Makeev V.V. Organizational and legal formation and development of the general police on the territory of the Don Cossack army (mid-18th – early 20th centuries). Rostov-on-Don, 2002.
5. NebrATENKO G.G. Judicial-procedural relations in the traditional society of the Don Cossacks. Rostov-on-Don, 2009.
6. NebrATENKO, G. G. Epistemology of the Russian police on the territory of the Rostov and Volgograd regions (pre-Soviet period) // *Pilosofiya prava*. 2020. № 4.
7. Census of the Cherkassians in the Don Army: Materials on the history and genealogy of the Cossacks. Issue 8. Volgograd, 2016.
8. Pronshtein A.P. Don Land in the 18th century. Rostov-on-Don, 1961.

Вородохин Станислав Евгеньевич
Vorodyuhin Stanislav Evgenievich

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина кандидат исторических наук.

Senior Lecturer of the Department of state and legal disciplines, Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, PhD in Historical Sciences.

E-mail: vorodyuhin-stani@mail.ru

Лысенко Виктория Александровна
Lysenko Viktoriya Aleksandrovna

начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina, PhD in Legal Sciences, Associate Professor.

E-mail: lisenko.vik.2013@yandex.ru

Васильев Виктор Викторович
Vasiliev Viktor Viktorovich

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина кандидат исторических наук, доцент.

Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, PhD in Historical Sciences, Associate Professor.

E-mail: vasilev-vv@mail.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВСТВЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ
КАК ФАКТОР КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**Professional and moral deformation as a factor of corruption
in the internal affairs bodies**

Авторы в своей статье рассматривают различные научные подходы к определению профессионально-нравственной деформации, характеризуют ее виды. Моральные и психологические свойства личности сотрудника внутренних дел, совершившего коррупционное поведение, являются основными детерминантами коррупции в органах внутренних дел. Авторы рассматривают различные приказы МВД России и приходят к выводу, что ни в одном из перечисленных подведомственных актов не говорится о профессионально-нравственной деформации сотрудников органов внутренних дел, поэтому предлагают внести указанную категорию в правовое поле.

Ключевые слова: коррупция, профессионально-нравственная деформация, причины коррупции, сотрудники органов внутренних дел.

The authors in their article consider various scientific approaches to the definition of professional and moral deformation, characterize its types. The moral and psychological characteristics of the personality of an internal affairs officer who has committed corrupt behavior are the main determinants of corruption in the internal affairs bodies. The authors consider various orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia and come to the conclusion that none of the listed subordinate acts refers to the professional and moral deformation of employees of internal affairs bodies, therefore they propose to introduce this category into the legal field.

Keywords: corruption, professional and moral deformation, causes of corruption, employees of internal affairs bodies.

Наступивший век ознаменовал ускорение темпов развития и становления информационного общества, а информация приобрела большое значение в жизни граждан, государства, праве и политике. В настоящее

время, важную роль играет духовно-идеологическое воздействие на людей, которое удовлетворяет потребность человека в коммуникации, а также активно формируют массовое сознание и общественное мнение,

столь важное в деятельности органов внутренних дел.

С каждым годом проблематика профессионально-нравственной деформации сотрудников вызывает серьезную озабоченность в нашем ведомстве. Это связано с различными трансформациями деятельностно-служебных обязанностей – возрастающими современными требованиями к деятельности сотрудников органов внутренних дел, работой в чрезвычайных ситуациях, наличием экстремальных нагрузок, низкой заработной платы и высокой ответственности. Такая многоплановая и активная роль в жизни общества во многом предопределяет необходимость и важность для органов внутренних дел.

Для каждого гражданина, в том числе и сотрудника полиции, достаточно актуален вопрос о преодолении кризисных ситуаций, которые подрывают физическое здоровье и моральный дух, и, в какой-то степени, способствуют недобросовестному выполнению служебных задач. А это, в свою очередь, негативно влияет на образ сотрудника правоохранительных органов.

В современной научной теории нет единого мнения о феномене профессионально-нравственной деформации. Нормативное определение понятия «профессионально-нравственная деформация» отсутствует [13, с. 41–46]. В научной литературе наряду с указанным применительно к сотрудникам органов внутренних дел используются также такие термины, как «нравственно-профессиональная деформация», «профессиональная деформация», «профессиональная нравственная деформация».

Э.Ф. Зеер так определяет понятие профессиональная деформация – «это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности» [4, с. 149].

С.Е. Борисова предлагает под профессиональной деформацией личности следует понимать изменение психических и социально-психологических особенностей в отрицательную сторону, происходящее, в первую очередь, под влиянием специфики профессиональной деятельности и профессиональной роли [1, с. 352–356].

Более полное определение формулирует утративший силу Кодекс профессиональной

этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Кодекс определял профессиональную нравственную деформацию как *негативное изменение ориентиров и девальвацию нравственных ценностей у части сотрудников под воздействием условий и опыта профессиональной деятельности, проявляющиеся в искаженном отношении к служебному долгу и дискредитирующие моральный облик сотрудника.*

Из определения следует, что профессиональная и нравственная деформация представляют собой две взаимосвязанные грани единого процесса. В этом процессе каждая грань подхлестывает и ускоряет развитие другой, а в своей совокупности они ведут к усугублению процесса, конечным результатом которого становится профессиональное выгорание личности сотрудника.

Т.Г. Татинова и Н.Ю. Галкина [14, с. 175–182], исследуя теоретические аспекты проблемы, приходят к выводу, что профессиональная деформация является неизбежной составляющей профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Авторы выделяют три уровня (этапа) развития профессиональной деформации: начальный, средний и глубинный.

Начальный этап (ориентировочно первые пять лет профессиональной деятельности) характеризуется появлением признаков профессионального утомления, снижением работоспособности, возникновением эмоциональной напряженности.

Средний, промежуточный этап (примерно следующие пять лет профессиональной деятельности) формирует признаки неудовлетворенности собой и себя в профессии. Возникающий внутренний дискомфорт стимулирует поиск форм психологической защиты.

Глубинный уровень развития профессиональной деформации (очередные пять лет службы) сопровождается дальнейшим накоплением отрицательных эмоций (гнев, обида, тревога), возникает профессиональный стресс, носящий деструктивный характер.

У сотрудников, отслуживших в органах внутренних дел свыше 15 лет, профессиональная деформация, по мнению указанных и иных специалистов практически неизбежна.

Крайней формой профессиональной деформации является профессиональная деградация,

делающая невозможной дальнейшую службу в органах внутренних дел.

При всей сложности, а порой непредсказуемости проявлений и масштабов профессиональной деформации, невозможности избежать ее полностью, авторы сохраняют оптимизм, утверждая, что имеются эффективные средства, позволяющие снизить её негативное влияние на личность профессионала.

Е.Г. Усов считает, что профессиональная деформация формируется под воздействием разнообразных факторов, которые относятся к внешней среде и к особенностям внутрисистемного взаимодействия (отношение с начальником, коллегами, совместное выполнение определенных задач и т. д.) [15, с. 363–366]. Речь идет о том, что возникновение профессиональной деформации обуславливается объективными и субъективными факторами, оказывающими психологическое давление на личность сотрудника органов внутренних дел.

Объективными являются факторы, связанные с условиями службы в органах внутренних дел. В состав таких факторов, по мнению Е.В. Камневой и Е.И. Скороделовой [6, с. 117–128], входят:

- содержание и объем профессиональной деятельности и общения;
- чрезмерная юридическая регламентация труда;
- постановка перед органами внутренних дел объективно невыполнимых задач;
- повышенная ответственность за характер и результаты деятельности;
- экстремальные условия выполнения профессиональных обязанностей;
- неопределенность ролевых обязанностей и отсутствие точных должностных инструкций;
- неопределенность и непредсказуемость событий;
- психические и физические перегрузки, порождающие стресс;
- социально-экономические условия жизнедеятельности;
- отсутствие экономических стимулов;
- низкий уровень взаимодействия между сотрудниками ОВД и обществом;
- многосторонний социальный контроль со стороны государственных и общественных органов;

– нередко конфликтный характер взаимодействий сотрудника с гражданами, особенно с криминальными элементами.

Субъективные факторы отражают психологическое восприятие сотрудниками службы в органах внутренних дел. К субъективным факторам авторы относят:

- ощущение психологической изоляции и отчуждения от общества;
- перманентное состояние напряжения и тревоги, физического и умственного переутомления;
- недостаточная адаптируемость к быстро меняющимся условиям несения службы;
- сохраняющуюся у части сотрудников неуверенность в завтрашнем дне;
- неудовлетворенность своим трудом;
- стремление действовать по шаблону, не вникая глубоко в содержание правовых норм;
- формальное отношение к своим функциональным обязанностям, ориентация на отчет, а не на улучшение содержательной стороны профессиональной деятельности;
- проблемы с жильем;
- беспокойство по поводу материального благополучия своей семьи.

В качестве предиктора (обстоятельства-предшественника) профессиональной деформации личности сотрудников правоохранительных органов М.А. Круглова, В.Г. Круглов, Л.А. Верещагина и др. [8, с. 274–278] определяют агрессию. Предрасположенными к агрессии являются:

- сотрудники с низким уровнем образования;
- чаще контактирующие с лицами девиантного и криминального поведения;
- испытывающие неудовлетворенность профессиональной деятельностью и желающие сменить профессию;
- мужчины – в большей степени, чем женщины.

Авторы отмечают явно выраженную корреляцию между агрессивностью и профессиональным выгоранием – постоянным внутренним напряжением, вызванным острым ощущением безысходности, неспособности вырваться из тисков неблагоприятных обстоятельств. Это не удивительно: и то, и другое отражает высокий накал отрицательных эмоций в психическом состоянии таких сотрудников.

При этом причину возникновения профессионально-нравственной деформации

сотрудников органов внутренних дел авторы связывают не только с условиями и сложностями их профессиональной деятельности, но также с психологическим давлением среды, социума, сложившейся в нем коллективной психологии, действием законов социально-психологического характера. Внедрение в сознание общества приоритета материальных ценностей (ценностей низшего порядка), потребительской идеологии, гедонистических и эгоистически-престижных мотивов порождает эмоциональную неустойчивость, конфликт истинных и ложных ценностей, ослабляет правовой самоконтроль, создает условия для формирования психологии коррупционного поведения у носителей власти, включая сотрудников полиции.

Н.А. Гончарова, И.Ю. Кобозев и И.В. Костылева видят в профессионально-нравственной деформации один из наиболее значимых факторов коррупционного поведения сотрудников полиции [3, с. 165–170].

Ю.А. Нисневич и Е.А. Томилова формулируют схожее понимание влияния мотивации на коррупционное поведение должностных лиц. «Мотивация, особенно при внешнем локусе контроля, оказывает определяющее влияние на выбор коррупционного поведения в качестве средства достижения цели как непосредственно, в частности, допуская использование принципа «цель оправдывает средства», так и опосредовано, предопределяя саму цель» [12, с. 26].

Авторы связывают мотивацию с уровнем развития личности. Низменные мотивы, корысть и жажда признания порождают жажду наживы, выстраивая, по А. Леонтьеву [10, с. 58], схему деятельности: потребность – мотив – цель – действие – результат.

Профессионально-нравственная деформация является одним из существенных элементов причинного комплекса коррупционной преступности в органах внутренних дел. Имеющая под собой психологическую основу, связанную с особенностями службы в органах внутренних дел, профессионально-нравственная деформация как негативное явление может быть преодолена только на основе использования достижений современной криминологической науки.

По мнению В. Я. Рыбальской и А. Л. Репецкой, деформации правового и нравственного сознания – всегда «сопричина» в причинном комплексе, порождающем преступность [5, с. 455]. Несомненно, эти изменения

являются условиями, которые формируют криминогенную мотивацию как основную причину коррупционного поведения сотрудников внутренних органов.

Моральные и психологические свойства личности сотрудника внутренних дел, совершившего коррупционное поведение, являются основными детерминантами коррупции в органах внутренних дел. Все остальные детерминанты этого явления (экономические, социальные, политические, правовые, организационные и управленческие факторы) случайны и имеют вторичный характер [9, с. 308–309].

На сегодняшний день факторы, определяющие коррупцию в органах внутренних дел, разнообразны. Они формируются под воздействием всего разнообразия негативных социальных явлений во всех сферах общественной жизни. Рассматривая основные факторы данного социально-негативного явления с точки зрения анализа личности сотрудника органов внутренних дел, можно сказать, что все эти условия, являющиеся причинами коррупции, влияющие на личность, способствуют развитию в ней профессиональной деформации. По мнению исследователей, именно профессиональная деформация чаще всего является основной причиной коррупции среди сотрудников органов внутренних дел. Именно искажения нравственного сознания формируют мотивационно-ценностную ориентацию личности, то есть его направленность. В свою очередь мотивационная направленность личности напрямую влияет на поведенческую активность человека.

Таким образом, можно отметить, что основными причинами, порождающими коррупцию в ОВД, являются деформации экономического, а также нравственного сознания сотрудников, которые зачастую есть результат профессиональной деформации личности. Негативные социальные явления – противоречия в экономической, социальной, политической и других сферах общества – действуют как условия, определяющие указанные причины [11, с. 45].

Важно отметить, что профессионально-нравственная деформация сотрудников органов внутренних дел зависит от морально-психологического климата в коллективе [7, с. 168]. Данное утверждение справедливо и в отношении служебных коллективов правоохранительных органов. Морально-психологический климат в служебном коллективе – это атмосфера,

дух отношений, складывающихся между его членами.

Состояние морально-психологического климата в служебном коллективе определяется объективными и субъективными показателями. В состав объективных (непсихологических) показателей входят удовлетворенность сотрудников органов внутренних дел содержанием и материально-техническим обеспечением служебной деятельности, уровнем оплаты труда и иных предоставляемых социальных благ, в том числе для членов семей и т. д. Субъективные (психологические) показатели определяются характером восприятия сотрудниками органов внутренних дел сторон жизни и деятельности коллектива, степенью удовлетворенности положением дел, а также поведением большинства членов коллектива [2, с. 350].

Учитывая, что каждый член коллектива имеет собственную оценку каждого из названных факторов, нередко не совпадающую с оценками коллег, морально-психологический климат в служебном коллективе предстаёт в виде подвижного интеграла (суммы) мнений и оценок всех членов коллектива, включая его руководство. Эти мнения и оценки находятся в постоянном движении и изменении в зависимости не только от внутренних факторов личности (семейное положение, наличие жилья, необходимость адаптации к меняющимся условиям службы и быта и т. п.), но и всего коллектива (движение кадров, перераспределение функций, позитивная/негативная оценка текущего состояния работы руководством, начисление/неначисление премии, поощрения и наложенные взыскания и т. п.), а также от привходящих (не планируемых) обстоятельств – таких, например, как чрезвычайные ситуации различного характера и масштабов.

В январе 2000 г. коллегия Министерства внутренних дел Российской Федерации пришла к выводу о необходимости организации психологического обеспечения сотрудников органов внутренних дел. Во исполнение соответствующего решения в июне того же года был подписан приказ МВД России от 26 июня 2000 г. № 690 «Об утверждении Положения о порядке организации психологического обеспечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», утвердивший Положение о порядке организации психологического обеспечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Положение дает определение термина, согласно которому

под психологическим обеспечением понимается система организационных и психологических мероприятий. Эти мероприятия направлены на совершенствование работы с кадрами, цель которых – повышение эффективности профессиональной деятельности личного состава органов внутренних дел.

В соответствии с приказом МВД России от 10 августа 2012 г. № 777 в системе МВД России организована морально-психологическая подготовка сотрудников. Цель этой подготовки – формирование у сотрудников моральной установки на верность Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, личной убежденности в приоритете защиты прав и свобод человека и гражданина, морально-психологической готовности к выполнению оперативно-служебных задач.

Приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. уточняет принципы осуществления психологической работы с сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации.

Приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» определяет организацию морально-психологического обеспечения деятельности подразделений МВД России.

Стоит отметить, что ни в одном из перечисленных приказов МВД России не говорится о профессионально-нравственной деформации сотрудников органов внутренних дел.

Независимо от способа, уровня и формы важным условием его эффективности является всестороннее нормативное правовое регулирование и высокий уровень организации в этом направлении. Поэтому для сотрудников ОВД должны быть четко ясны правовые основания профессионально-нравственной деформации, а именно ее дефинитивной составляющей. Считаем целесообразным внести указанную категорию в правовое поле, определив ее как *негативное изменение ориентиров, обесценивание нравственных основ и ценностей у сотрудников органов внутренних дел посредством влияния факторов и практического опыта профессиональной деятельности, проявляющиеся в искаженном отношении к служебному долгу, профессиональном выгорании, дискредитирующие моральный облик сотрудника органов внутренних дел.*

Коррупция в деятельности органов внутренних дел создает большую угрозу, поскольку не

только способствует развитию преступности, в том числе и организованной, но прежде всего, несет в себе подрыв практически всех государственно-правовых реформ, проводимых в нашей стране, влияет на общественный порядок в целом и режим личной безопасности граждан.

Перманентно растущая коррупция в ОВД заметно снижает престиж службы и устанавливает больший «водораздел» между полицией и гражданским обществом, что прямым образом влияет на отсутствие положительной динамики в развитии принципа взаимодействия между ними. А это является недопусти-

мым, поскольку взаимодействие с гражданами является важнейшим фактором при эффективном достижении служебных задач.

Таким образом, моральные и психологические свойства личности сотрудника внутренних дел, совершившего коррупционное поведение, являются основными детерминантами коррупции в органах внутренних дел. Профессионально-нравственная деформация является одним из существенных элементов причинного комплекса коррупционной преступности в органах внутренних дел. Считаем целесообразным ввести в правовое поле определение «профессионально-нравственная деформация».

Литература

1. Борисова С.Е. Профессиональная деформация личности сотрудников госавтоинспекции // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10.

2. Гайнуллина А. В. Проблемы психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10.

3. Гончарова Н.А., Кобозев И.Ю., Костылева И.В. Психологические факторы коррупционного поведения сотрудников полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (67).

4. Зеер Э.Ф. Психология профессионального самоопределения в ранней юности: учебное пособие. М.; Воронеж, 2008.

5. Казарин В.Н., Личичан О.П. Профессор Виола Яновна Рыбальская: человек, ученый, педагог // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2.

6. Камнева Е.В., Скороделова Е.И. Объективные факторы профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2011. № 2.

7. Кротова Д.Н. Благоприятный морально-психологический климат в служебном коллективе как один из факторов эффективной деятельности // Государственная служба и кадры. 2018. № 3.

8. Круглова М.А., Круглов В.Г., Верещагина Л.А и др. Агрессия как предиктор профессиональной деформации личности сотрудников правоохранительных органов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015.

Bibliography

1. Borisova S.E. Professional deformation of the personality of employees of the traffic police // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 10.

2. Gainullina A.V. Problems of psychological support of operational and service activities of police officers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 10.

3. Goncharova N.A., Kobozev I.Yu., Kostyleva I.V. Psychological factors of corruption behavior of police officers // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3 (67).

4. Zeer E.F. Psychology of professional self-determination in early youth: Textbook. Moscow; Voronezh, 2008.

5. Kazarin V.N., Lichichan O.P. Professor Viola Yanovna Rybalskaya: man, scientist, teacher // All-Russian criminological journal. 2017. Vol. 11, № 2.

6. Kamneva E.V., Skorodelova E.I. Objective factors of professional deformation of the personality of employees of internal affairs bodies // Izvestia of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2011. № 2.

7. Krotova D.N. Favorable moral and psychological climate in the service team as one of the factors of effective activity // State Service and Personnel. 2018. № 3.

8. Kruglova M.A., Kruglov V.G., Vereshchagina L.A. et al. Aggression as a predictor of professional deformation of the personality of law enforcement officers // Scientific notes of the University. PF Lesgaft. 2015.

9. Kutsenko M.V. The reasons and conditions for the commission of corruption crimes by

-
-
9. Куценко М.В. Причины и условия совершения коррупционных преступлений сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39).
10. Леонтьев Д.А. Общие представления о мотивации поведения человека // Психология в вузе. 2004. № 1.
11. Мальхина Т.А. К вопросу о детерминации коррупции в ОВД России // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3 (94).
12. Нисневич Ю.А., Томилова Е.А. Влияние мотивации на коррупционное поведение должностных лиц в системе публичной власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. 2016. № 1.
13. Пирожкова И.Г., Попов А.М. Нормативное закрепление понятия «профессиональная деформация сотрудника ОВД» // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1.
14. Татинова Т.Г., Галкина Н.Ю. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел: теоретические аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37).
15. Усов Е.Г. К вопросу о профессиональной деформации сотрудников ОВД // В сборнике: Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. Материалы семнадцатой Всероссийской научно-методической конференции. 2012. employees of the internal affairs bodies // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (39).
10. Leontiev DA General ideas about the motivation of human behavior // Psychology in the university. 2004. № 1.
11. Malykhina T.A. On the question of the determination of corruption in the police department of Russia // Siberian legal bulletin. 2021. № 3 (94).
12. Nisnevich Yu. A., Tomilova EA The influence of motivation on the corrupt behavior of officials in the system of public authority // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Political Science. 2016. № 1.
13. Pirozhkova I.G., Popov A.M. Normative consolidation of the concept of «professional deformation of a police officer» // Problems of law enforcement. 2018. № 1.
14. Tatidinova T.G., Galkina N.Yu. Professional deformation of the personality of an employee of the internal affairs bodies: theoretical aspects // Legal science and law enforcement practice. 2016. № 3 (37).
15. Usov E.G. On the issue of professional deformation of police officers // In the collection: Personnel training for law enforcement agencies: modern trends and educational technologies. Materials of the Seventeenth All-Russian Scientific and Methodological Conference. 2012.

Можжаева Ирина Павловна
Mozhaeva Irina Pavlovna

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления
научно-исследовательского центра Академии управления МВД России доктор юридических наук.

Chief Researcher of the Department for Researching the Problems of Branch Management of the Research Center
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law.

E-mail: mirina-crim@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В РАМКАХ ЭЛЕКТРОННОГО ФОРМАТА УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА

Implementation of the principles of scientific organization of law enforcement
officers' activity within the electronic format of criminal proceedings

В статье рассматриваются принципы научной организации деятельности сотрудников правоохранительных органов, которые могут быть реализованы в рамках электронного досудебного производства. Проведенный анализ нормативной базы и научных изысканий ученых позволил выявить и сформулировать ряд принципов научной организации деятельности, которая в дальнейшем с учетом тенденций цифровизации правоохранительных органов может быть осуществлена в электронном формате.

Ключевые слова: научная организация деятельности, принципы, правоохранительная деятельность, электронный формат досудебного производства.

The article considers the principles of scientific organization of the law enforcement officers' activity which can be realized within the limits of electronic pre-trial procedure. The analysis of the statutory framework and scholars' scientific research made it possible to identify and formulate a number of principles of the scientific organization of the activity which taking into account the digitalization trends of law enforcement agencies can be carried out, in electronic format in future.

Keywords: scientific organization of an activity, principles, law enforcement activities, electronic format of pre-trial procedure.

Электронное досудебное производство – это реалии сегодняшнего дня! Важно обратить внимание, что практика правотворчества и правоприменения во многих зарубежных странах уже давно идет по пути цифровизации правоохранительных органов и их деятельности.

В числе принимаемых системных мер, направленных на создание законодательной базы, регламентирующей вопросы внедрения информационных технологий в деятельность государственных органов и институтов гражданского общества Российской Федерации, представляется возможным выделить несколько уровней.

1. Законодательные акты Российской Федерации, регламентирующие отдельные вопросы внедрения и использования информационных технологий, которые заложили фундамент для дальнейшей цифровизации в России. В их

числе Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [17] и Федеральный закон Российской Федерации от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [18], послужившие нормативно-правовой основой для трансформации государственных органов, институтов гражданского общества к использованию в своей деятельности электронных средств обмена информацией.

2. Акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в сфере внедрения и использования информационных технологий, имеющие стратегический характер. В процессе осуществления стратегического планирования на государственном уровне принимаются Стратеги, Концепции, Программы и др.

Так, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [19], обозначены национальные приоритеты в развитии цифровой среды. Принципы, цели и направления развития информационной и коммуникационной инфраструктуры в экономике и социальной сфере получили свое закрепление в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [20], которая ставит поэтапные задачи, направленные на целенаправленное внедрение и широкое использование цифровых технологий с учетом сбалансированного сочетания потребностей граждан («цифрового комфорта»).

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [21], Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.») [22], которые определяют задачи стратегического характера, направленные на ускоренное и системное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере. Правительством Российской Федерации на базе программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [23] сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [24]. Она представляет разработанную, с учетом принципов сервисно-ориентированного государства, Дорожную карту по цифровизации отношений в основных секторах государственной и общественной жизни, с учетом воздействия на правоохранительную деятельность.

На стратегическом уровне информационную политику судебной системы России формируют: Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 гг.», которая получила утверждение Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 [25]; Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 № 1735-р [26]; Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. [27].

3. Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, регламентирующие вопросы в сфере внедрения и использования информационных технологий.

Оптимизация правового, организационного, технического, методического и иного обеспечения внедрения и использования информационных технологий в правоохранительной деятельности выстраивается в первую очередь путем цифровизации системы федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих правоохранительную деятельность. Во исполнение Положения о ведомственных программах цифровой трансформации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 10.10.2020 № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными бюджетными фондами» [28], данные органы формируют правовую базу, регламентирующую внедрение и использование информационных технологий.

Так, в целях оптимизации органов прокуратуры Российской Федерации путем внедрения в их деятельность информационных технологий, позволяющих использовать электронные средства обмена информацией, была принята Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 г. [29]. Направления цифровой трансформации и научно-техническое развитие уголовно-исполнительной системы получило закрепление в распоряжении Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.» [30]. Цифровое развитие таможенной службы регламентировано в приказе Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 15.01.2021 № 11 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной таможенной службы на 2021–2023 гг.» [31].

Также в рамках цифровой трансформации Министерства внутренних дел Российской Федерации Министром внутренних дел Российской Федерации лицом, исполняющим его обязанности, либо иным должностным лицом в системе МВД России, которому предоставлены полномочия, издаются нормативные и иные правовые акты, в целях формирования эффективного организационно-правового механизма [32].

Несмотря на принимаемые системные меры, направленные на построение законодательной основы, до сегодняшнего дня не осуществлен переход российского уголовного су-

допроизводства и правоохранительной деятельности в электронный формат, а наблюдается тенденция последовательного становления организационно-правового механизма.

Усложнение задач, решаемых правоохранительными органами, возрастание значимости юридических последствий ошибок при работе с документами различной направленности (в том числе с документами, специфичными для каждой из правоохранительных функций – уголовно-процессуальные, оперативно-розыскные, административно-процессуальные документы), требует непрерывного совершенствования нормативно-правовой, организационно-методической, а также материально-технической базы документационного обеспечения управления, активного внедрения информационных технологий и своевременной подготовки квалифицированных кадров, способных эффективно использовать внедряемые информационные технологии [1; 2].

В Российской Федерации, несмотря на активное обсуждение данного вопроса учеными [3; 4; 5; 6; 7] и практиками [1; 2], аналогичные процессы до сих пор не получили законодательного оформления. Однако, как показали события, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции, возникли проблемы в ходе организации деятельности по расследованию уголовных дел.

По этому поводу О.И. Андреева и О.В. Качалова справедливо отмечают, что «принимаемые в условиях пандемии ограничительные меры поставили на повестку дня вопрос о необходимости скорейшего перехода российского уголовного судопроизводства в электронный формат, поскольку только такой режим позволяет существенным образом минимизировать вынужденные ограничения прав участников уголовного судопроизводства, своевременно обеспечивая защиту их законных интересов и доступ к правосудию» [8].

Концептуальная основа для соответствующих изменений в России, безусловно, уже создана. И это наглядно продемонстрировано при анализе правового регулирования вопросов внедрения информационных технологий в различные сферы деятельности, в том числе и в правоохранительную. Важно обратить внимание на положительный опыт цифровизации в зарубежных странах, государствах–участниках СНГ, в которых вопросы внедрения и использования информационных технологий, в том числе в деятельности правоохранительных органов, находятся на разных стадиях.

В современных условиях возможно констатировать наличие схожих тенденций и в Российской Федерации, и в Республике Казахстан, за исключением того обстоятельства, что вопрос непосредственного внедрения электронного формата в деятельность по досудебному расследованию в Российской Федерации остается пока на стадии исследования и разработки [3; 4; 9].

В процессе реформирования правоохранительных органов, в том числе модернизации МВД России и его деятельности, с учетом цифровизации, особое значение имеет познание теории и практики научной организации труда (деятельности) сотрудников правоохранительных органов. Это не только тенденции развития различных отраслей научного знания и технического прогресса, но и требование, получившее особую актуальность в связи с повсеместным внедрением информационных технологий в деятельность государственных органов и институтов гражданского общества Российской Федерации.

Под научной организацией труда чаще всего понимается постоянный процесс совершенствования деятельности, благодаря чему достигается наибольшая эффективность при наименьших затратах. Научная организация деятельности сводится к сбалансированному сочетанию организационных, материально-технических и иных элементов, которые в своей совокупности и должны обеспечивать ее эффективность. Научная организация деятельности – это непрерывная научно организованная и научно обоснованная деятельность должностных лиц, характеризующаяся комплексом правовых, экономических, социальных, научно-технических, организационных и иных условий повышения ее эффективности, осуществляемая на основе рекомендаций, обеспечивающих оптимизацию и интенсификацию их трудовой деятельности [10, с. 108–109].

Причем, если изучение вопросов криминалистического обеспечения, организационных решений, кадровой и иной политики носят характер постоянного, непрерывного процесса, то ряд вопросов могут носить временный характер, направленный на обеспечение той или иной новой практики и стабилизацию ее организационно-правового механизма. Именно к таким вопросам относится активно обсуждаемое и анонсируемое в теории изменение в деятельности по расследованию преступлений, связанное с внедрением электронного делопроизводства (электронного уголовного дела). В этом контексте познание принципов

научной организации деятельности сотрудников правоохранительных органов, которые могут быть реализованы в рамках электронного досудебного производства, приобретает прогностический характер, что не исключает их значимость в рамках данного нового направления теоретических исследований.

Принципы научной организации деятельности сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать в совокупности исходных и определяющих положений, закрепленных в принципах: теории организации и теории управления, общей теории НОТ, криминалистики, теории оперативно-розыскной деятельности, уголовного процесса, уголовного права, криминологии, правовой статистики, психологии, социологии, экономических и многих других наук.

Проведенный анализ нормативной базы и научных изысканий ученых позволил выявить и сформулировать ряд принципов, которые, на наш взгляд, должны подлежать учету для того, чтобы нововведение было внедрено поэтапно и не привело к тем или иным дефектам в правоохранительной деятельности.

Принцип законности состоит в том, что все аспекты научной организации деятельности и их уровни должны регламентироваться законодательством, в том числе уголовно-процессуальным законом и изданными на его основе нормативными правовыми актами. Научная организация деятельности в процессе электронного формата досудебного расследования должна осуществляться в соответствии с требованиями закона. При этом следует учитывать тот факт, что необоснованные, несвоевременные либо слишком кардинальные законодательные решения способны оказать деструктивное влияние на деятельность по расследованию преступлений, что неизбежно нивелирует все прогнозируемые положительные тенденции.

Принцип научности обеспечивает соответствие теоретических положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций научной организации деятельности существующим научным знаниям. Данные рекомендации должны быть научно обоснованы и сформированы с учетом современных достижений естественных, технических и правовых наук, а также с учетом положительного опыта использования информационных технологий в целях оптимизации деятельности по борьбе с преступностью.

Принципом *экономичности* научной организации деятельности сотрудников правоох-

ранительных органов направлен на повышение эффективности и результативности деятельности за счет минимизации затраченных ресурсов (кадровых, материально-технических, финансовых и др.) использования средств трудовой деятельности. Действие вышеуказанного принципа в рамках электронного формата уголовного судопроизводства предполагает: разработку новых и совершенствование имеющихся средств и методов экономического воздействия, направленных на оптимизацию деятельности; достижение экономии рабочего времени, трудозатрат; рациональное использование участников соответствующей деятельности и снижение затрат умственных, психологических, физических, а также других ресурсов, необходимых для ее обеспечения.

В контексте данного принципа должна оцениваться возможность электронного формата ведения досудебного расследования позитивно влиять на те, или иные показатели соответствующей деятельности, обеспечивать как ее более высокую производительность, так и более комфортные условия труда. Как указывают современные исследователи, к факторам, непосредственно влияющим на организацию труда, следует отнести санитарно-гигиенические, психофизиологические, эстетические, социально-психологические факторы [12, с. 236; 13]. В целом, вполне закономерно предположить, что практически все данные сегменты организации труда при условиях работы в рамках электронного уголовного дела имеют значительный оптимизирующий потенциал. Так, в частности, в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 закономерно возникал вопрос о необходимости соблюдения карантинных мер, которые преимущественно сводились к максимальному снижению контактности любого вида деятельности. В подобных условиях (сохраняющихся до настоящего времени и прогнозируемых в ближайшем будущем) возможность снизить количество контактов с помощью электронного формата делопроизводства по уголовному делу является важным социально-значимым индикатором. Аналогично могут быть улучшены и другие перечисленные факторы.

Принцип надлежащего функционального программного обеспечения. Поскольку вопрос перевода делопроизводства по уголовному делу в электронный формат деятельности находится на начальном этапе формирования и внедрения, необходимо заблаговременно расставить необходимые организационные и

научно-методические акценты прогнозируемых изменений.

Электронное уголовное дело – это обособленный информационный ресурс, который должен функционировать (создаваться, эксплуатироваться, сохраняться, архивироваться) в рамках определенной информационной системы. Специфика данной системы предполагает особый режим ее работы, в том числе в контексте доступности к тем или иным ресурсам отдельных должностных лиц.

Следует учитывать, что имеется значительное количество аргументов в пользу того, чтобы ускорить процесс перевода делопроизводства по уголовному делу в электронный формат. Самый ключевой из них – это оптимизация деятельности по досудебному производству. Как указывает О.В. Гладышева, «для упрощения процедуры следственных действий существует неиспользуемый внутренний ресурс, а именно внедрение необходимых технических средств, способных упростить и ускорить их производство» [11, с. 109].

Как свидетельствует анализ судебно-следственной практики, в последние годы возможность быстрого и многократного тиражирования текста привела к обратному результату – объем материалов уголовных дел вырос до критических объемов. Соответственно, вполне обоснованы указания авторов на то обстоятельство, что электронный формат расследования позволит, в первую очередь, повысить эффективность работы по многоэпизодным делам, документальное оформление и хранение которых может быть оптимизировано. Вместе с тем, очевидные функциональные и ресурсосберегающие преимущества электронного документооборота в деятельности сотрудников правоохранительных органов могут привести к обратному результату в случаях, когда данный процесс не получит первоначального осмысления, мониторинга, анализа и систематизации полученных данных.

Принцип сбережения когнитивного ресурса сотрудников. Этот принцип следует поставить на одно из первых место по той причине, что деятельность сотрудников правоохранительных органов и, в том числе следователя, по своему содержанию представляет собой интенсивную логико-мыслительную функцию, в рамках которой осуществляется не только соединение тех или иных событийных моментов для надлежащей правовой оценки совершенного преступления, но и одновременная организация (планирование) самого хода

расследования во всей совокупности его технического и иного обеспечения. Принцип сбережения когнитивного ресурса сотрудника фактически неоднократно обсуждался и в рамках традиционных форм производства по уголовному делу, в частности, в рамках возможного сокращения документооборота и исключения дублирующих функций, и отвлекающих сотрудников от выполнения непосредственной оперативно-служебной деятельности. В контексте ведения уголовного дела в электронном виде данный принцип приобретает особое значение. Любое реформирование деятельности связано с необходимостью изменения ее внешней и внутренней структуры, что неизбежно приводит к перераспределению когнитивного ресурса.

Принцип комбинированной оценки в качестве научно-технического и материально-технического средства обеспечения деятельности. В рамках обозначенного принципа следует отметить, что в современных условиях технической оснащённости правоохранительных органов возникает закономерный вопрос: относить ли информационно-программное обеспечение делопроизводства в электронной форме к использованию научно-технических средств или к обычному материально-техническому обеспечению деятельности. Как указывают исследователи, значительное количество рабочих мест следователей до настоящего времени не отвечают научно разработанным требованиям, причем не только в плане научно-технического оснащения, но и в рамках простейших требований (безопасность труда, общие эргономические требования и т. д.) [13, с. 44]. При этом научные обоснования обеспеченности научно-техническими и материально-техническими средствами будут неизбежно отличаться друг от друга. Полагаем, что на начальном этапе необходимо оценивать электронный формат деятельности по расследованию уголовных дел в качестве особого научно-технического средства с соответствующими параметрами его использования.

Принцип сбалансированного сочетания элементов стандартизации и творческого начала в деятельности. Как неоднократно подчеркивается в научных публикациях, деятельность сотрудников правоохранительных органов имеет выраженный интеллектуально-напряженный характер, поскольку включает в себя различные методы познания окружающей среды в связи с фактом совершенного преступления (т. е. в ретроспективном аспекте). Она

предполагает сочетание значительного количества методов и приемов, начиная от эвристического метода (когда, например, сотрудник открывает для себя те или иные событийные фрагменты, имевшие место в предшествующий временной период), заканчивая элементами логического моделирования, реконструкции всей совокупности установленных фрагментов в единую непротиворечивую «картину» совершенного преступления. В этом смысле, например, деятельность следователя, несмотря на достаточно жесткую регламентацию нормами уголовно-процессуального кодекса, имеет выраженный индивидуальный характер, основанный на личном опыте, особенностях когнитивных функций следователя, выработанном режиме и стиле работы и т. д. Элементы стандартизации, которые неизбежно усиливаются при введении в практику электронного уголовного дела, должны быть дозированными. Здесь следует учитывать, что присутствие электронного формата имеет вполне определенные риски чрезмерной «шаблонизации». Так, визуальная оценка традиционного бумажного уголовного дела и сформированного в системе электронного уголовного дела позволит установить ряд качественных отличий, начиная от стилистических особенностей текста, тех или иных нюансов оформления процессуальных документов, заканчивая таким существенным отличием, как наличие (отсутствие). В данном случае стандартизация деятельности – это не только способ повысить возможности контролирующих инстанций по оценке отдельных направлений деятельности правоохранительных органов, но и возможность самого отдельного сотрудника, например следователя, избежать чрезмерных трудозатрат, прибегать к элементам номенклатурной «подстраховки», когда выполнение того или иного стандарта в плане электронного оформления материалов уголовного дела является более значимым критерием, нежели непосредственно результаты осуществляемой деятельности по расследованию преступления.

Принцип нейтрализации психологического дискомфорта. Данный принцип имеет обособленное, но не менее важное значение. Он во многом связан с ранее упомянутыми обстоятельствами. Деятельность сотрудников правоохранительных органов представляет собой особый симбиоз обширного количества направлений и соответствующих функций. Так, квалификационные требования к сотрудникам правоохранительных органов

представляют собой совокупность требований к достаточному уровню образования и имеющейся специальности, служебному стажу и стажу (опыту) деятельности по указанному направлению, обладающему профессиональными и личностными высокоморальными качествами, а также знаниям, умениям и навыкам, необходимым для замещения должностей. В разработках юридической психологии требования к личностным качествам (профессиограмма) следователя включаются такие направления деятельности, как поисковая, коммуникативная, удостоверительная, организационная, реконструктивная, социальная [14, с. 46]. Однако автор цитируемого исследования опирался на те условия и факторы, которые имели место более четырех десятилетий назад, когда условия деятельности следователя были более стабильными.

В текущем же периоде к перечисленным формам деятельности вполне обоснованным будет также добавить адаптивную деятельность, т. е. использование тех или иных имеющихся ресурсов, а также формирование новых компетенций, необходимых для успешного функционирования в новых условиях деятельности. Исследователи совершенно справедливо указывают на то, что фактор профессиональной пригодности всегда обуславливается теми или иными социально-психологическими качествами сотрудников [15, с. 238].

В контексте прогнозируемого введения в практику сотрудников правоохранительных органов, и в большей мере сотрудников следственных подразделений электронного делопроизводства по уголовному делу, необходимо учитывать, что успешность работы с информационно-коммуникационными ресурсами зависит от многих факторов объективного и субъективного характера. Уделяя отдельное внимание факторам субъективного характера, таким как возраст сотрудника (чем моложе сотрудник, тем более быстро он адаптируется к новым технологиям), уровень стереотипности мышления, степень психологического сопротивления любым новшествам и изменениям и т. д., за основу следует принимать то обстоятельство, что решающим фактором в выборе профессии у конкретного сотрудника следственного подразделения был именно содержательный контент соответствующей деятельности (т. е. непосредственно расследование по уголовным делам).

Возможно предположить, что уровень психологического сопротивления в отношении

существенного изменения формата работы со стороны сотрудников правоохранительных органов, в особенности, с продолжительным стажем работы, может быть очень заметным и даже критическим. В этих условиях необходимо гибкое отношение со стороны руководства и контролирурующих инстанций, исключая своеобразную сегрегацию сотрудников правоохранительных органов и руководителей следственных подразделений по признаку актуализируемого элемента профессиональной пригодности, с учетом квалификационных требований. В данном случае следует иметь в виду, что может возникнуть вполне весомый риск утраты профессиональных кадров, что является крайне нежелательным фактором.

Таким образом, оценивая отдельные положения научной организации деятельности и ее актуальное направление как совершенствование делопроизводства, в том числе путем ведения его в электронном формате (в рамках электронного уголовного дела), закономерен

вывод, что фактор цифровизации уголовного судопроизводства дела будет неизбежно оказывать влияние на все структурные элементы деятельности сотрудников правоохранительных органов. Использование информационных технологий и искусственного интеллекта – это закономерная тенденция современных правоохранительных органов. На сегодняшний день ученые ставят вопросы о систематизации основных направлений его применения в оперативно-служебной деятельности, о всестороннем анализе теоретико-прикладных, прикладных, организационно-правовых аспектов внедрения и использования искусственного интеллекта в данной деятельности [16, с. 253–255].

Соответственно, задача теоретических исследований в вопросах научной организации труда заключается в прогнозировании потенциальных рисков, дисфункций, издержек, которые могут возникнуть в повседневной оперативно-служебной деятельности, а также в поисках путей их превентивной профилактики и устранения.

Литература

1. Гостев А.А. Оптимизация документооборота в системе МВД России // Профессионал. 2018. № 6 (146).
2. Семенов Е.Ю. Совершенствование управленческой деятельности в подразделениях МВД России с использованием сервиса электронного документооборота // Научный портал МВД России. М., 2020. № 3 (51).
3. Андреева О.И., Зайцев О.А. Электронный формат уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1 (38).
4. Ищенко П.П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lexrussica. 2019. № 12 (157).
5. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).
6. Эриашвили Н.Д., Бутбая Г.М. О цифровизации деятельности государственных судебных органов в Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4.
7. Григорьев А.В., Григоренко М.А., Печерица Е.В. Современные направления развития информационных технологий в судопроизвод-

Bibliography

1. Gostev A.A. Optimization of document flow in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Professional. 2018. № 6 (146).
2. Semenov E.Y. Improving management activities in the units of the MIA of Russia using the service of electronic document flow // Scientific portal of the Ministry of internal Affairs of Russia. M., 2020. № 3 (51).
3. Andreeva O.I., Zaitsev O.A. Electronic format in criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan // Legal Bulletin of the Kuban state University. 2019. № 1 (38).
4. Ishchenko P.P. Modern approaches to digitalization of pre-trial proceedings in criminal cases // Lexrussica. 2019. № 12 (157).
5. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Modernization of the criminal procedure form in the conditions of the information society // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (51).
6. Eriashvili N.D., Butbaya G.M. On digitalization of the activities of state judicial bodies in the Russian Federation // Education. The science. Scientific personnel. 2020. № 4.
7. Grigoriev A.V., Grigorenko M.A., Pecheritsa E.V. Modern trends in the development of information technologies in legal proceedings // National security and strategic planning. 2020. № 1 (29).

стве // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 1 (29).

8. Андреева О.И., Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36.

9. Шульгин Е.П. Правовые и организационные основы деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

10. Можаяева И.П. Внедрение начальником территориального органа МВД России научной организации деятельности следователей // Академическая мысль. 2018. № 1 (2).

11. Гладышева О.В. Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Том 3. № 4.

12. Горкина Е.В. О некоторых аспектах научной организации труда следователя // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8 (87).

13. Можаяева И.П. Научная организация труда в органах расследования преступлений: учебно-практическое пособие. М., 2013.

14. Васильев В.Л. Юридическая психология. Л., 1974.

15. Смирнов В.П. Психологические аспекты профессиональной деятельности следователей и государственных обвинителей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2 (42).

16. Бецов А.В., Лукашов Н.В. Концептуальные основы применения технологий искусственного интеллекта в системе МВД России // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2021. Т. 2.

17. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. 23.06.2020) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 448.

18. Об электронной подписи: федеральный закон Российской Федерации от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. 23.06.2020) // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

19. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

20. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. 2017. № 2. Ст. 2901.

8. Andreeva O.I., Kachalova O.V. Russian criminal process in the era of coronavirus: challenges of the time // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2020. № 36.

9. Shulgin E.P. Legal and organizational bases of the activities of the pre-trial investigation bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, conducting proceedings in electronic format: abstract. diss. ... cand. jurid. M., 2021.

10. Mozhaeva I.P. Introduction by the head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the scientific organization of the activities of investigators // Academic thought. 2018. № 1 (2).

11. Gladysheva O.V. On simplification of criminal proceedings, investigative and other procedural actions // Legal Bulletin of Samara University. 2017. Vol. 3. № 4.

12. Gorkina E.V. On some aspects of the scientific organization of the investigator's work // Eurasian Law Journal. 2015. № 8 (87).

13. Mozhaeva I.P. Scientific organization of labor in crime investigation bodies: educational and practical manual. M., 2013.

14. Vasiliev V.L. Legal psychology. L., 1974.

15. Smirnov V.P. Psychological aspects of professional activity of investigators and public prosecutors // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 2 (42).

16. Betskov A.V., Lukashov N.V. Conceptual foundations of the application of artificial intelligence technologies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of the International Symposium «Reliability and Quality». 2021. Vol. 2.

17. On information, information technologies and protection of information: Federal law of the Russian Federation dated 27.07.2006 № 149-FL (ed. 23.06.2020) // SZ RF. 2006. № 31. St. 448.

18. On the electronic signature: Federal law of the Russian Federation dated 06.04.2011 № 63-FL (ed. 23.06.2020) // SZ RF. 2011. № 15. St. 2036.

19. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated 02.07.2021 // LRS «ConsultantPlus».

20. On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated 09.05.2017 // SZ RF. 2017. № 2. St. 2901.

21. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018

21. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

22. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.»): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // СПС «КонсультантПлюс».

23. URL: <https://government.ru/docs/all/112831/>.

24. URL: <https://sudact.ru/law/pasport-natsionalnogo-proekta-natsionalnaia-programma-tsifrovaia-ekonomika>.

25. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.»: Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 29.12.2020) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

26. Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 № 1735-р // СЗ РФ. 2012. № 40. Ст. 5474.

27. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

28. О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными бюджетными фондами: Постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2020 № 1646 // СЗ РФ. 2020. № 42. Ст. 6612.

29. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670972/>.

30. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // СПС «КонсультантПлюс».

31. Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной таможенной службы на 2021–2023 гг.: Приказ ФТС России от 15.01.2021 № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021–2023 гг.: распоряжение МВД России от 29.12.2020 № 1/15065 // СПС «СтрасЮрист».

№ 204 (ed. dated 21.07.2020) // SZ RF. 2018. № 20. St. 2817.

22. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation (together with the «National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030»): Decree of the President of the Russian Federation № 490 dated 10.10.2019 // LRS «ConsultantPlus».

23. URL: <https://government.ru/docs/all/112831/>.

24. URL: <https://sudact.ru/law/pasport-natsionalnogo-proekta-natsionalnaia-programma-tsifrovaia-ekonomika>.

25. On the federal target program «Development of the judicial system of Russia for 2013–2020»: Decree of the Government of the Russian Federation of 27.12.2012 № 1406 (ed. of 29.12.2020) // SZ RF. 2013. № 1. St. 13.

26. The concept of the federal target program «Development of the judicial system of Russia for 2013–2020»: Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/20/2012 № 1735-r // SZ RF. 2012. № 40. St. 5474.

27. The concept of information policy of the judicial system for 2020–2030. (approved by the Council of Judges of the Russian Federation 05.12.2019 // LRS «ConsultantPlus».

28. On measures to ensure the effectiveness of measures for the use of information and communication technologies in the activities of federal executive authorities and state budget funds management bodies: Resolution of the Government of the Russian Federation of 10.10.2020 № 1646 // SZ RF. 2020. № 42. St. 6612.

29. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670972/>.

30. On approval of the concept of development of criminal-Executive system of the Russian Federation for the period up to 2030: the government of the Russian Federation of 29.04.2021 № 1138-R // LRS «ConsultantPlus».

31. On approval of the departmental program of digital transformation of the Federal customs service in the years 2021–2023: the Order of FCS of Russia dated 15.01.2021 № 11 // LRS «ConsultantPlus».

32. On the approval of the Departmental program of digital transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2021–2023: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 12/29/2020 № 1/15065 // LRS «StrasUrist».

Назаренко Галина Владимировна
Nazarenko Galina Vladimirovna

стажер по должности научного сотрудника отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России кандидат экономических наук.

Trainee on the Position of a Researcher of the Department of Organization of Scientific Research Work of the Research and Editorial-publishing Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Economics.
E-mail: ngv@inbox.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОТМЫВАНИЯ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ Identification of laundering of proceeds from crime using digital currencies

Статья посвящена вопросам выявления и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем в условиях цифровой трансформации жизни общества, взрывным ростом популярности цифровых валют (виртуальных активов) при наличии правового вакуума обращения криптовалют в большинстве стран мира. Выделены основные преимущества виртуальных активов, факторы, обуславливающие востребованность применения криптовалюты в интересах криминального бизнеса, проведена систематизация и разработана классификация индикаторов отмывания доходов, полученных преступным путем.

Ключевые слова: отмывание доходов, полученных преступным путем, легализация, криптовалюта, цифровые активы, виртуальная валюта, блокчейн.

The article is devoted to the issues of identifying and countering the legalization of proceeds from crime in the context of a digital transformation of society, an explosive increase in the popularity of digital currencies (virtual assets) in the presence of a legal vacuum for the circulation of cryptocurrencies in most countries of the world. The main advantages of virtual assets, factors leading to the demand for the use of cryptocurrency in the interests of criminal business were highlighted, systematization was carried out and classification of indicators of laundering of proceeds from crime was developed.

Key words: laundering of proceeds from crime, legalization, cryptocurrency, digital assets, virtual currency, blockchain.

Применение цифровых технологий в современном мире способствовало активному развитию виртуальных экономических отношений, в том числе и электронной коммерции, которая уже сегодня стала неотъемлемым элементом финансового рынка и достаточно существенной частью государственной денежно-кредитной политики каждой страны. Вместе с развитием электронных платежных сервисов и цифровых технологий, а также с использованием электронных и виртуальных валют, не только увеличилось количество преступных проявлений, но произошло и изменение преступности в целом, появились новые ее виды, а также новые способы и средства совершения преступлений [1].

За последние пять лет виртуальные валюты из исключительно технологической инно-

вации трансформировались в область самых дискутируемых вопросов совершенствования не только отдельных государственных финансовых систем, но и международной системы в целом. Импульсом для столь стремительной трансформации взглядов послужил быстрое увеличение капитализации виртуальных активов и совершенствование подхода совместного инвестирования (или краудинвестинг).

Отметим, что по данным CoinMarketCap* на начало сентября 2021 г. капитализация всех криптовалют составила 2,277 трлн дол. США (рост за 5 лет составил 1 360 %), из которых преобладающая доля принадлежит таким криптовалютам как: Bitcoin (40 %), Ethereum (17 %) и Cardano (4 %) [2]. На текущий момент востребованность криптовалюты в каче-

* Веб-сайт для отслеживания цен на криптоактивы.

стве объекта всестороннего научного изучения объясняется совокупностью технологических и финансовых специфических особенностей технологии блокчейн [3]:

- отсутствие возможности отмены перевода виртуальной валюты;
- децентрализованное хранение информации, что позволяет повысить степень безопасности операции и защиту цифровых данных;
- ликвидация посредников при осуществлении операций с криптовалютой;
- отсутствие перерывов в работе;
- низкие комиссии за переводы.

Однако, несмотря на множество различных преимуществ инновационной технологии блокчейн, нормативное правовое регламентирование сферы виртуальных активов не только в нашей стране, но и в большинстве стран мира, осуществляется по-прежнему в недостаточном объеме. Сложившийся нормативный правовой вакуум оказывает влияние на привлекательность применения на практике данной инновационной технологии для крупных экономических субъектов [4], что в итоге служит причиной роста количества рисков их применения, главным из которых выступает легализация доходов, полученных преступным путем при использовании данных платежных инструментов.

На риски сформировавшейся сферы незаконных операций впервые указал мегарегулятор Российской Федерации еще в 2014 г. [5]. Также предупреждение касательно применения криптовалюты в финансово-хозяйственной деятельности законопослушных экономических субъектов было продублировано Росфинмониторингом [6] и Банком России в 2017 г. [7], где в числе криминологических рисков операций с виртуальными активами указывались ее «анонимность и латентный характер использования физическими и юридическими лицами для проведения транзакций».

С постепенным развитием потребительского рынка виртуальных активов увеличивается и число фактов отмывания доходов, полученных преступным путем посредством криптовалюты. По данным исследования, осуществленного Организацией объединенных наций [8], каждый год объем «отмываемых» в глобальной экономике денежных средств, полученных незаконным способом, колеблется в диапазоне 2–5 % глобального ВВП (от 800–2 000 млрд дол. США).

Указанные цифры свидетельствуют об определенных проблемах в выявлении и документировании факторов, способствующих появлению новых способов легализации (отмы-

вания) доходов, полученных преступным путем, главными из которых являются:

- появление большого количества мессенджеров, обладающих возможностью анонимной регистрации и использования, а также шифрования передаваемой информации, использования виртуальных активов в трансграничном пространстве с высокой оперативностью осуществляемых операций по всему миру и сохранением тайны бенефициарной принадлежности, возможностью проведения незаконных сделок без участия посредников в легализации (отмывании), а также отсутствием государственного контроля за сферой виртуальных активов;

- слабая осведомленность отдельных сотрудников органов внутренних дел о специфике выявления и документирования движения и преобразования финансовых активов, образующихся в процессе осуществления преступной деятельности;

- несовершенство законодательства, отсутствие законодательного регулирования деятельности иностранных и российских бирж, обменников и агрегаторов цифровой валюты, а также единой правоприменительной практики по делам о легализации доходов, полученных преступным путем.

При этом, несмотря на то, что объем легализации доходов, полученных преступным путем, с помощью цифровых технологий на данный момент мал, по мнению SWIFT, случаи использования цифровой валюты для отмывания незаконно полученных денежных средств в будущем будут учащаться. Благоприятным для этого фактором является рост количества «альткоинов» (альтернативных цифровых валют), запущенных относительно недавно и обеспечивающих абсолютную анонимность операций. Более того, увеличивается количество случаев применения криминальными субъектами «микшеров» и «тумблеров» – сервисов, скрывающих историю цифровой валюты [9].

Прежде чем приступать к изучению некоторых способов детерминации легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, в том числе и с использованием финансовых активов (криптовалюты), рассмотрим мнение российских ученых по поводу правового статуса криптовалют в России, а также определим условия, которые являются катализатором использования цифровой валюты при осуществлении бесконтактного сбыта наркотиков.

В.В. Струков поясняет, что «в Российской Федерации криптовалюта не фигурирует как

иностранная валюта или валютная ценность. Правоотношения с использованием таких платежных инструментов имеют только пояснительный характер и направлены на предотвращение отчуждения или приобретения частными и юридическими лицами» [10].

Э.Л. Сидоренко высказывает мнение о том, что «несмотря на предлагаемые в науке уголовного права варианты причисления криптовалют к тому или иному объекту гражданских прав, таким как денежные средства, финансовые инструменты, товары, иное имущество, они обладают признаками всех перечисленных объектов и имеют собственные специфические особенности, обусловленные природой их происхождения» [11].

А.А. Коренная, Н.В. Тыдыков считают, что «действующее российское законодательство, как и зарубежное, требует дополнений в части определения правового статуса криптовалют» [12].

Таким образом, следует согласиться с высказыванием М.М. Долгиевой, что «применение инновационных технологий в незаконной деятельности, анонимность криптовалют и широкий спрос, обусловленный их высокой стоимостью, выглядят весьма привлекательно» [13].

На наш взгляд, одним из главнейших инструментов, призванным позитивно отразиться на практической работе по выявлению и документированию преступлений в сфере легализации (отмывания) доходов, являются изменения, внесенные 26 февраля 2019 г. в постановление

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [14], дополняющие предметный состав правонарушений, указанный в ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в качестве которых могут быть денежные средства, полученные в результате конвертации криптовалюты. Указанное решение также получило одобрение Верховного Суда России из-за сложившихся в настоящее время в финансовой структуре незаконного оборота наркотиков тенденций ориентирования на сферу цифровой валюты (криптовалюты).

Правоприменительной практикой доказано активное формирование преступниками системы расчетов, предназначенной для легализации доходов, поощрительных и иных обеспечивающих выплат участникам преступной деятельности на базе электронных платежных механизмов киберпроисхождения.

Авторская позиция, представленная в статье, акцентирует внимание на факте того, что с целью выявления и документирования легализации (отмывания) доходов необходимо иметь четкое представление об этапах «отмывания» денежных средств путем осуществления электронных платежей или преобразования их в цифровую валюту (рис. 1).

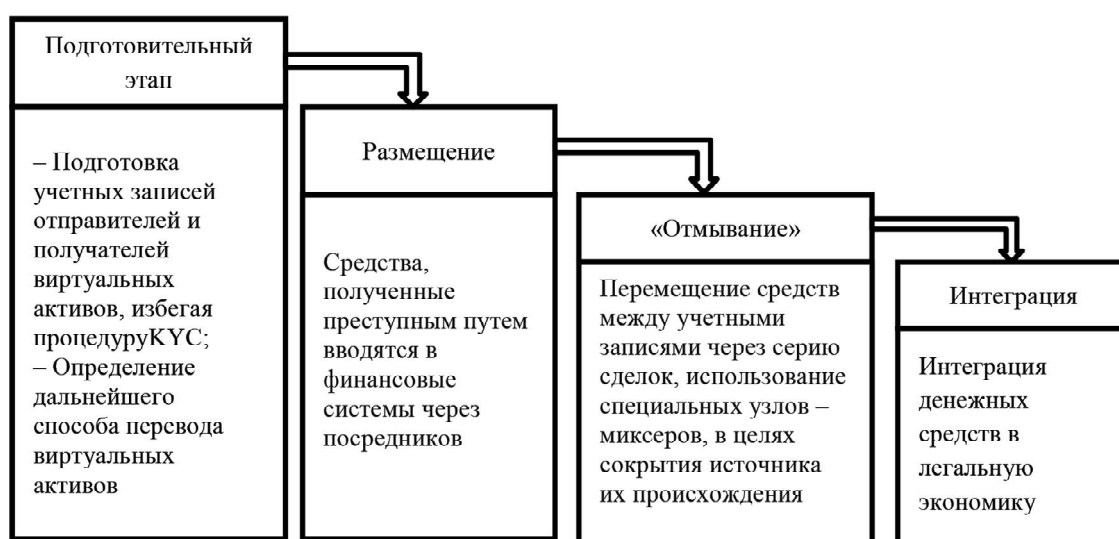

Рис. 1. Процесс легализации доходов, полученных преступным путем с применением криптовалюты*

* Составлено автором.

Автор считает, что тщательный анализ оперативным сотрудником финансовых операций, происходящих в рамках вышеуказанных этапов, однозначно даст возможность получить оперативно-значимую информацию об основной преступной схеме, ее организаторах и исполнителях. Поскольку финансовые следы играют важную роль в проведении всего процессуального цикла, как по предикатному преступлению, так и по фактам легализации (отмывания) преступных доходов, они укрепляют, а порой и формируют каркас доказательственной базы, определяют судебную перспективу.

Отметим, что высокие риски использования виртуальных валют в незаконных целях обусловлены рядом факторов, среди которых:

- непрозрачная структура владения виртуальными валютами;
- использование «даркнета»* для приобретения товаров и услуг;
- проведение операций с виртуальными валютами лицами, находящимися под санкциями, и террористическими объединениями [15].

При этом сегодня существует большое число работ независимых авторов в области решения задач контроля за финансовыми потоками в сети биткоин. Например, Lingxiao Yang в своей работе [16] предлагает решение по выявлению «нестандартных» транзакций в сети биткоин, что может быть первым шагом по отслеживанию путей отмывания денег, полученных незаконным путем. Zhen Li [17] и Jiang Xiaomeng в своих трудах [18] предлагают различные средства анализа сети биткоин, которые также могут облегчить работу по выявлению потенциальных путей отмывания денег. Стоит также отметить работу I. Alarab [19], в которой предлагается решение на основе графовых алгоритмов. Тем не менее, большинство данных решений не дают эффективных средств для выявления основы процесса отмывания денег в сети биткоин – узлов миксеров, осуществляющих интеграцию и дезинтеграцию крупных сумм из маленьких транзакций. Именно определения подобных компонент сети биткоин в значительной мере позволит облегчить работу аналитика, формирующего карту финансовых потоков.

Также при выявлении схем легализации преступных доходов, остается актуальной про-

блема выявления индикаторов, свидетельствующих о вероятности отмывания доходов, полученных преступным путем. По мнению автора, данные индикаторы можно классифицировать в разрезе: транзакций, анонимности, отправителей/получателей, источника средств (табл. 1).

Таким образом, учитывая изложенное в настоящей статье, можно сформулировать следующие основные выводы:

1. Применение на практике предложенных автором индикаторов будет способствовать снижению рисков отмывания доходов, полученных преступным путем посредством виртуальных валют. Для получения максимального результата необходимо усовершенствовать нормативное правовое регулирование операций с виртуальной валютой, разработать единый для правоохранительных органов процесс, направленный на детерминацию и расследование случаев отмывания доходов, полученных преступным путем, выработать понятный и строго регламентированный комплекс процессуальных действий, реализуемых при выяснении всех обстоятельств совершенного правонарушения с применением виртуальных активов; создать нормативную правовую основу, обеспечивающую возможность быстрого получения требуемых данных не только от финансово-кредитных учреждений, но и от экономических субъектов, предоставляющих услуги в сфере виртуальных активов, особенно в случаях с нерезидентами; выработать нормативную правовую основу для обменников виртуальной валюты, дающую возможность осуществлять контроль их деятельности; предоставить требующиеся технические возможностями в целях повышения эффективности в области ПОД с применением передовых цифровых технологий.

2. Особо значимым направлением противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, по мнению автора, выступает дальнейшее развитие транснационального и межведомственного сотрудничества, в том числе с органами по финансовой безопасности на всех этапах, а также взаимная помощь в рамках имеющейся компетенции и оперативных возможностей, в том числе между подразделениями Росфинмониторинга.

---

* Сегмент интернета, который скрыт из общего доступа.

Классификация индикаторов отмывания доходов, полученных преступным путем*

Классификационный признак		Операции
1. Транзакции	1.1. Размер и частота транзакций	– разбивка операций на небольшие суммы; – совершение нескольких транзакций на крупные суммы в короткие сроки или без дальнейшей регистрации; – немедленный перевод криптовалюты нескольким провайдерам виртуальных услуг, зарегистрированных в разных юрисдикциях;
	1.2. Сделки относительно новых пользователей	– внесение большого первоначального депозита при регистрации пользователя у поставщика услуг в сфере криптовалют (операции на крупные суммы в первый же день) снятие всей суммы депозита на следующий день;
	1.3. Сделки относительно всех пользователей	– операции с различными виртуальными валютами или несколькими учетными записями; – частые транзакции в определенный период времени; – входящие переводы с множества несвязанных криптокошельков на небольшие суммы с последующим выводом или конвертацией в фиатную валюту.
2. Анонимность		– переводы с применением различных криптовалют с повышенной анонимностью; – обмен криптовалютой, которые можно отследить на анонимные виртуальные активы; – использование услуг нелегализованных поставщиков в сфере виртуальных активов; – применение «микшеров» для сокрытия транзакционной истории; – использование IP-адреса, связанного с «даркнетом».
3. Отправители/ получатели		– создание отдельных учетных записей под разными именами для обхода ограничений; – транзакции, инициированные с IP-адресов, ранее отмеченные как подозрительные; – частое создание новой учетной записи у одного поставщика услуг в сфере виртуальных активов; – регистрация доменов корпоративных пользователей в Интернете в юрисдикции, отличной от юрисдикции их регистрации; – отправитель/получатель не знает или предоставляет неточную информацию о транзакции, источнике средств или отношениях с контрагентом; – предоставление поддельных документов и/или фотографии при регистрации учетной записи; – расхождения между IP-адресами, связанными с клиентским профилем и IP-адреса, с которого инициируются транзакции.
4. Источник средств		– транзакции, исходящие от игровых онлайн-сервисов; – использование нескольких карт, связанных с криптокошельком для снятия фиатной валюты; – отсутствие прозрачности или недостаточная информация о происхождении и владельцах средств; – средства клиента поступаю напрямую с сервисов «микширования».

Литература

1. Международный опыт противодействия преступной деятельности с использованием криптовалюты: учебно-практическое пособие. М., 2021.
2. URL: <https://coinmarketcap.com/>.
3. Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасеников Б.А., Березкин Ю.М., Суходолов Я.А. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. Т. 13. 2019. № 1.

Bibliography

1. International experience in countering criminal activity using cryptocurrency: a training manual. Moscow, 2021.
2. URL: <https://coinmarketcap.com/>.
3. S.V. Ivantsov, E.L. Sidorenko, B.A. Spasennikov, Yu.M. Berezkin, Ya.A. Sukhodolov. Crimes related to the use of cryptocurrency: main criminological trends // All-Russian criminological journal. Vol. 13. 2019. № 1.
4. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R40599.pdf>.

* Разработано автором.

4. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R40599.pdf>.
5. URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052.htm.
6. URL: <http://www.fedsfm.ru/news/957>.
7. URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04t18_31_05.htm.
8. URL: <http://www.unodc.org/unodc/en/money-laundering/globalization.html>.
9. URL: <https://www.swift.com/resource/follow-the-money>.
10. Струков В.М. Становление и регулирование обращения криптовалют: мировой и российский опыт // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12.
11. Сидоренко Э.Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3 (57).
12. Коренная А.А., Тыдыков Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3 (3).
13. Долгиева М.М. Криптовалютная наркоторговля в России и за рубежом // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».
15. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31809/november_2020.pdf.
16. Yang L., Dong X., Xing S., Zheng J., Gu X., Song X. An Abnormal Transaction Detection Mechanim on Bitcoin // International Conference on Networking and Network Applications. 2019.
17. Li Z., Zheng Y., Li J., Dong B. Biteye: A System for Tracking Bitcoin Transactions // Information Communication Technologies Conference. 2020.
18. Xiaomeng J., Jinglin Y., Fan Z., Ketai H., Shenwen L. Data Analysis of Bitcoin Blockchain Network Nodes // 15th IEEE Conference on Industrial Electronics and Applications (ICIEA). 2020.
19. Alarab I., Prakoonwit S., Ikbal M. Nacer Competence of Graph Convolutional Networks for AntiMoney Laundering in Bitcoin Blockchain // ICMLT. 2020.
5. URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052.htm.
6. URL: <http://www.fedsfm.ru/news/957>.
7. URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04t18_31_05.htm.
8. URL: <http://www.unodc.org/unodc/en/money-laundering/globalization.html>.
9. URL: <https://www.swift.com/resource/follow-the-money>.
10. Strukov V.M. Formation and regulation of the circulation of cryptocurrencies: world and Russian experience // Theory and practice of social development. 2017. № 12.
11. Sidorenko E.L. Cryptocurrency as a new legal phenomenon // Society and law. 2016. № 3 (57).
12. Korennaya A.A., Tydykov N.V. Cryptocurrency as a subject and means of committing a crime // All-Russian criminological journal. 2019. № 3 (3).
13. Dolgieva M.M. Cryptocurrency drug trade in Russia and abroad // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4.
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 26, 2019 № 1 «On amendments to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2015 № 32» On judicial practice in cases of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal by, and on the acquisition or sale of property, knowingly obtained by criminal means».
15. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31809/november_2020.pdf.
16. Yang L., Dong X., Xing S., Zheng J., Gu X., Song X. An Abnormal Transaction Detection Mechanim on Bitcoin // International Conference on Networking and Network Applications. 2019.
17. Li Z., Zheng Y., Li J., Dong B. Biteye: A System for Tracking Bitcoin Transactions // Information Communication Technologies Conference. 2020.
18. Xiaomeng J., Jinglin Y., Fan Z., Ketai H., Shenwen L. Data Analysis of Bitcoin Blockchain Network Nodes // 15th IEEE Conference on Industrial Electronics and Applications (ICIEA). 2020.
19. Alarab I., Prakoonwit S., Ikbal M. Nacer Competence of Graph Convolutional Networks for AntiMoney Laundering in Bitcoin Blockchain // ICMLT. 2020.

Кобец Петр Николаевич
Kobets Peter Nikolayevich

главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России доктор юридических наук, профессор.

Chief Researcher, the Center for Organizational Support of Scientific Activities, the All-Russian Scientific-Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

E-mail: pkobets37@rambler.ru

Бражников Дмитрий Анатольевич
Brazhnikov Dmitry Anatolyevich

заведующий кафедрой административного и финансового права Российской таможенной академии кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Administrative and Financial Law, the Russian Customs Academy PhD in Law, Associate Professor.

Напханенко Игорь Павлович
Narkhanenko Igor Pavlovich

заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплин Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, the Rostov State Transport University PhD in Law, Associate Professor.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ В РАМКАХ
ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ОТДЕЛЬНЫХ
ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ И СТРАН БАЛТИИ**

**Features of making an examination within the framework of the legislative process
in particular member states of the cis and the baltic states**

Авторами сделана попытка исследования экспертного сопровождения законотворческой деятельности в рамках законотворческого процесса в отдельных государствах – участниках СНГ и странах Балтии. В этой связи целью проведения данного научного исследования стал анализ, сделанный авторским коллективом, особенностей проведения различных экспертиз при подготовке проектов нормативных правовых актов рассматриваемых зарубежных стран. В процессе исследования авторы пришли к выводу о том, что подготовка проектов нормативных правовых актов в отдельных государствах – участниках СНГ и странах Балтии представляет из себя творческую и наиболее трудоемкую стадию нормотворческого процесса, которая основывается на глубоком и всестороннем анализе законодательства и правоприменительной практики с целью выявления противоречий и недостатков в нормативном регулировании общественных отношений.

Ключевые слова: законотворческий процесс, зарубежное законодательство, правовые экспертизы, законодательная инициатива, эксперты, экспертная оценка, экспертное заключение, нормотворчество, законопроект, обсуждение законопроекта, СНГ, страны Балтии.

The authors attempted to study the expert support for law-making activity within the framework of the legislative process in particular member states of the CIS and the Baltic States. In this regard, the purpose of this scientific study was the author's team analysis of particular aspects of making various examinations while drafting up regulatory legal acts of the considered foreign countries. In the course of the study, the authors came to the conclusion that drafting up of regulatory legal acts in particular CIS and Baltic States represents the creative and most time-consuming stage of the rule-making process, which is based on a deep and comprehensive analysis of legislation and law enforcement practices in order to identify contradictions and shortcomings in the legal regulation of public relations.

Keywords: legislative process, foreign legislation, legal examination, legislative initiative, experts, expert assessment, expert opinion, rule-making, bill, discussion of a bill, the CIS, the Baltic states.

Исследование законотворческой работы за рубежом свидетельствует о том, что в деятельности некоторых стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и Балтии экспертная законотворческая работа по проектам нормативно-правовых актов, как правило, сводится к проведению различных видов экспертиз, проводимых на уровне правовых отделов исполнительных органов госвласти. В указанных государствах рассматриваемая деятельность складывается таким образом, что проведение правовой экспертизы законотворческой деятельности превращается в часть общей вспомогательной работы информационных аналитических служб.

В законодательных органах власти государств-участниках СНГ и стран Балтии функционирует ряд информационно-аналитических служб, занятых экспертной деятельностью в сфере законотворчества, например, отдел аналитической работы Аппарата Палаты Представителей Национального Собрания Республики Беларусь, информационно аналитический отдел канцелярии Сейма республики Латвия [1].

В ряде рассматриваемых стран экспертная деятельность в сфере законотворчества возложена на правовые отделы, обеспечивающие полное сопровождение законодательных инициатив, с этапа подачи законопроекта до опубликования его в печати.

Далее остановимся на этих вопросах подробнее.

Конституцией Латвийской Республики (далее – Латвия) регулируется процесс законодательства и законотворчества Латвии [2]. В соответствии с разделом V Конституции Латвии право законодательства принадлежит Сейму (Парламент Латвии), а также в порядке и в размерах, предусмотренных Конституцией Латвии, народу. Законопроекты могут вносить в Сейм Президент республики, Кабинет министров, комиссии Сейма, группы депутатов в количестве не менее пяти человек, а также в случаях и в порядке, предусмотренных Конституцией Латвии. При заключении международных договоров Латвия с целью укрепления демократии может делегировать международным структурам часть компетенции государственных структур [2]. Инициаторами создания законопроектов могут также выступать различные советы, в задачу которых входит, в том числе, и проведение научной и правовой

экспертизы своего законопроекта, после чего законопроект направляется в уполномоченный орган, имеющий право вносить законопроекты на обсуждение в Сейм.

Ниже представлены основные функции, права и задачи нескольких советов и порядок внесения законопроектов на обсуждение в Сейм.

Согласно Положению о Совете по координации контроля наркотиков и ограничения наркомании (далее – Совет), утвержденного Правилами Кабинета министров Латвии от 20 января 2004 г. № 46, в основные функции, права и задачи совета входят: рассмотрение предложений о разработке проектов международных договоров, законов и иных нормативных актов в сфере, связанной с производством, распространением, продажей и другими видами легального и нелегального оборота наркотических и психотропных веществ и прекурсоров, а также с профилактикой и ограничением наркомании; создание рабочих групп с целью обеспечения выполнения задач на основных направлениях правовой деятельности; привлечение к работе в совете специалистов, экспертов, ученых и представителей общественности; утверждает разработанные экспертами совета законопроекты, предложения и проекты решений в сфере контроля легального оборота наркотических и психотропных веществ и борьбы с их нелегальным оборотом и наркоманией.

Председателем Совета является Президент министров. В состав совета входят: министр внутренних дел; министр образования и науки; министр по делам детей и семьи; министр благосостояния; министр по делам регионального развития и самоуправлений; министр юстиции; министр здоровья; государственный секретарь Министерства финансов; начальник штаба Национальных вооруженных сил; заместитель директора государственного агентства «Сабиедрибас веселибас агентура» (Агентство здоровья общества) по научно-исследовательским вопросам; ответственное должностное лицо в сфере борьбы с нелегальным оборотом наркотических и психотропных веществ Главного управления уголовной полиции Государственной полиции; ректор Академии полиции Латвии. Также принимать участие в заседаниях совета на правах советника имеет право генеральный прокурор или его

уполномоченное лицо. После осуществления всех предусмотренных процедур по разработке законопроекта, научного и правового анализа материалов, специально созданная рабочая группа представляет законопроект на утверждение в Совет с последующим внесением законопроекта на обсуждение в Сейм.

Согласно Положению о Совете по предотвращению преступности (далее – Совет), утвержденного Правилами Кабинета министров Латвии от 20 января 2004 г. № 42, в основные функции, права и задачи совета, в том числе входят: рассмотрение предложений о разработке проектов нормативных актов в сфере предотвращения и борьбы с преступностью и принятие решения о продвижении проекта соответствующего нормативного акта; организация криминологического исследования причин преступности, прогнозирование возможных неблагоприятных последствий и условий, а также планирование их предотвращения (при необходимости); подавать предложения о разработке проектов нормативных актов и давать поручения министерствам по разработке, правовом и научном анализе проектов нормативных актов в сфере предотвращения преступности; создание рабочих группы с целью обеспечения выполнения задач на основных направлениях правовой деятельности.

После осуществления всех предусмотренных процедур по разработке законопроекта специально созданная рабочая группа представляет законопроект на утверждение в Совет, с последующим внесением законопроекта на обсуждение в Сейм. Кабинет министров прилагает к законопроекту аннотацию, текст законопроекта и аннотации в электронной форме. Если законопроектом предусматривается утверждение международного договора, к нему должен быть приложен официальный текст соответствующего договора, а также его перевод на латышский язык, если официальный текст договора составлен не на латышском языке. Законопроекты, поданные без соблюдения указанных выше требований, Президиум Сейма вправе вернуть их подателям. О полученных законопроектах вместе со своим заключением об их дальнейшем направлении Президиум сообщает Сейму, который принимает решение о передаче законопроектов в комиссии с установлением ответственной комиссии или об их отклонении.

Интересен законодательский опыт Республики Казахстан (далее – РК). Согласно Закону РК от 6 апреля 2016 «О правовых актах», по проектам нормативных правовых актов может проводиться правовая, антикоррупционная, лингвистическая, экологическая, экономическая и другие экспертизы в зависимости от правоотношений, регулируемых данными актами. По проектам нормативных правовых актов, вносимых на рассмотрение Парламента РК, проведение научной экспертизы обязательно [3].

В РК порядок проведения научной экспертизы определен Правилами организации и проведения научной экспертизы, а также отбора научных правовых экспертов, утвержденными постановлением Правительства РК от 8 июня 2021 г. № 386 [4].

Организация проведения правовой и научной лингвистической экспертиз проектов нормативных актов возложено на Министерство юстиции РК, а проведение экономической экспертизы на Министерство национальной экономики РК.

Научная экспертиза проектов нормативных правовых актов проводится научными учреждениями, уполномоченной организацией, экспертами, привлекаемыми из числа ученых и специалистов, в зависимости от содержания рассматриваемого проекта. При необходимости он может быть направлен для научной экспертизы в иностранные и международные организации.

Заключение научной правовой оформляется на официальном бланке и утверждается руководителем уполномоченной организации.

В Республике Узбекистан (далее – Узбекистан) в настоящее время в сфере разработки и внесения проектов нормативных правовых актов сформирована необходимая нормативно-правовая база. Так, для обеспечения эффективности проводимых реформ в области совершенствования законодательства по подготовке проектов нормативно-правовых актов, принят ряд законов, например, «О нормативно-правовых актах», Регламент Кабинета Министров Республики Узбекистан, утвержденный постановлением Правительства от 14 февраля 2005 г. № 62 и др. [5].

В нормотворческой деятельности Узбекистана Министерство юстиции играет особую роль, которую нельзя сравнить с ролью других

министерств и ведомств. Обязательность проведения правовой экспертизы закреплена в Законе «О нормативно-правовых актах». В частности, ст. 21 этого Закона установлено, что проект нормативно-правового акта подлежит обязательной правовой экспертизе.

В ходе данной экспертизы проверяется его соответствие Конституции и законам Узбекистана, иным нормативно-правовым актам, имеющим по сравнению с ним более высокую юридическую силу, правилам законодательной техники, а также обоснованность и целесообразность применения отсылочных норм. Правовая экспертиза проектов правовых актов может проводиться юридической службой разработчика или органа его принимающего, а также Министерством юстиции Узбекистана и другими организациями в соответствии с законодательством. При этом Министерство юстиции Республики Узбекистан осуществляет правовую экспертизу проектов нормативно-правовых актов после проведения иных видов экспертиз [6, с. 50].

Основное содержание рассматриваемых экспертиз также заключается в определении соотношения рассматриваемого проекта с правилами законодательной техники, которые касаются практически всех атрибутов, составляющих элементов проектов нормативно-правовых актов. Соблюдение указанных правил является необходимым для качественного и успешного проведения правовой экспертизы проектов.

В этой связи можно сказать, что в настоящее время продолжается работа, направленная на кардинальное улучшение деятельности государственных органов в области нормотворчества, а также усиление влияния законов на углубление общественно-политических, социально-экономических, судебно-правовых реформ, в обеспечении высокого качества законов, включающих в себя конкретные механизмы их реализации, а также непротиворечивости, системности законодательства и полноты правового регулирования.

В Республике Беларусь (далее – Беларусь) сложилась своя система организации и проведения государственной научной и научно-технической экспертизы.

В Беларуси юридическая экспертиза законопроектов осуществляется Национальным центром законодательства и правовых иссле-

дований Республики Беларусь [7], а криминологическая экспертиза – Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь [8].

В соответствии с национальным законодательством Беларуси проведение юридической экспертизы является обязательным в отношении всех проектов нормативных правовых актов, а также нормативных правовых актов Национального банка, Комитета государственного контроля, Следственного комитета, Управления делами Президента Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси, министерств, иных органов государственного управления различного уровня.

Таким образом, рассматриваемая экспертная оценка в отдельных государствах–участниках СНГ и странах Балтии по своей природе является неотъемлемой частью нормотворческой деятельности. Ее значение сегодня возрастает и влияет практически на все сферы жизни общества. Вышеперечисленное свидетельствует о том, что экспертиза прочно заняла свое место в практике законотворческой деятельности.

Проведенное исследование дает все основания утверждать о том, что проводимые в отдельных государствах–участниках СНГ и странах Балтии экспертизы законотворческой деятельности при кажущейся их близости имеют существенные отличия. Правила их проведения могут рассматривать наряду с основными задачами также и отдельные задачи, включающие в себя антикоррупционную, криминологическую и другие экспертизы. В зависимости от особенностей правовых систем они, в том числе могут быть комплексными, самостоятельными, комиссионными, повторными, дополнительными и др.

В заключение необходимо отметить, что проведенный авторским коллективом анализ исследования экспертного сопровождения законотворческой деятельности зарубежном свидетельствует о том, что в государствах с различными политическими и правовыми системами есть одно общее понимание того, что никоим образом нельзя допустить разрыв между качественными и количественными показателями в законотворческой деятельности. Поскольку рост неконтролируемой экспертными сообществом законодательной базы, как

правило, оказывает негативное воздействие на их качество. Поэтому проведение рассматриваемой экспертизы в первую очередь направлено на обеспечение необходимого качества законодательных актов, не допуская разрыва между правилами проведения и условиями жизни общества.

Литература

1. UPL: <https://www.hse.ru/data/2012>.
2. UPL: <https://lvportals.lv/wwwraksti/LVPORTALS/KRIEVU.PDF>.
3. UPL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788#pos=3;-106.
4. UPL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100-000386>.
5. UPL: https://buxgalter.uz/uz/doc?id=658178_&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana.
6. Зеньков И.Е. Правовое регулирование научной и научно-технической экспертизы в государствах-участниках СНГ // Налоговая политика и практика. 2007. № 5–1.
7. UPL: https://kodeksyby.com/zakon_rb_o_normativnyh_pravovyh_aktah.htm.
8. UPL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31189726.
9. Драгун В.В. Вехи становления системы единой государственной научной и государственной научно-технической экспертиз // Новости науки и технологий. 2018. № 4 (47).
10. Баймаханов М.Т. Функции экспертизы в процессе законотворчества // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2008. № 4 (12).
11. Тлембаева Ж.У. Правовая экспертиза нпа как средство обеспечения эффективности законодательства // Право и государство. 2012. № 1 (54).

Таким образом, в задачи по проведению экспертиз в рамках законотворческого процесса в отдельных государствах–участниках СНГ и странах Балтии, в первую очередь входят вопросы, связанные с отслеживанием всей цепочки деятельности разработчиков законодательных актов.

Bibliography

1. UPL: <https://www.hse.ru/data/2012> (accessed 27.07.2021).
2. UPL: <https://lvportals.lv/wwwraksti/LVPORTALS/KRIEVU.PDF>.
3. UPL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788#pos=3 -106.
4. UPL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100-000386> (accessed 27.07.2021).
5. UPL: https://buxgalter.uz/uz/doc?id=658178_&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana.
6. Zenkov I.E. Legal regulation of scientific and scientific-technical expertise in the CIS member states // Tax policy and practice. 2007. № 5–1.
7. UPL: https://kodeksyby.com/zakon_rb_o_normativnyh_pravovyh_aktah.htm.
8. UPL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31189726.
9. Dragoon V.V. Milestones of the formation of the system of unified state scientific and state scientific and technical expertise // News of Science and Technology. 2018. № 4 (47).
10. Baimakhanov M.T. Functions of expertise in the process of lawmaking // Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan. 2008. № 4 (12).
11. Tleubaeva J.W. Legal expertise NPA as a means of ensuring the effectiveness of the legislation of the // Right and state. 2012. № 1 (54).

**Григорян Давид Кромвелович
Grigoryan David Kromvelovich**

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат политических наук.

Senior Lecturer of the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Politics.

E-mail: davo-davo23@mail.ru

**Ищенко Дмитрий Петрович
Ishchenko Dmitry Petrovich**

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD in Law.

E-mail: idp161@yandex.ru

**Ищенко Галина Константиновна
Ishchenko Galina Konstantinovna**

доцент кафедры «Уголовное право и криминалистика» Донского государственного технического университета кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Forensic Science of the Don State Technical University, PhD in Law.

E-mail: ishchenko.galia@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРОВОКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

To the question of the need for criminal liability for the provocation of a crime

---

В данной статье авторами поднимается вопрос о необходимости уголовной ответственности за провокацию преступления как отдельного уголовно-наказуемого деяния. В рамках исследования анализируются криминологические характеристики рассматриваемых преступных деяний, рассматриваются примеры привлечения к уголовной ответственности, приводятся необходимые теоретические понятия и определения нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: *провокация, преступление, потерпевший, общество, ответственность, закон, государство.*

In this article, the authors raise the question of the need for criminal liability for provoking a crime as a separate criminal act. The study analyses the criminological characteristics of the criminal acts in question, examines examples of criminal prosecution, gives the necessary theoretical concepts and definitions of the regulatory framework.

Keywords: *provocation, crime, victim, society, responsibility, law, state.*

Все чаще мы слышим в средствах массовой информации термин провокация как негативный результат правоохранительной деятельности. Речь идет об уголовных делах, где основной побуждающей причиной совершения преступления явилось настойчивое преступное влияние третьих лиц.

Но главное в таких преступлениях то, что искусственно моделируется ситуация, в резуль-

тате которой незаконно возбуждается уголовное дело по фиктивным поводам и основаниям. При возбуждении уголовного дела необоснованно привлекается к уголовной ответственности невиновный, нарушается установленный уголовным законом принцип вины.

Объективно рассматривая данные негативные проявления, необходимо разделять уголовно-наказуемое деяние – провокацию на совер-

шение преступления и реализацию комплекса оперативно-розыскных мероприятий по документированию преступной деятельности. Практически все привлеченные к уголовной ответственности настаивают, что стали жертвами провокаций и подлежат освобождению от уголовного преследования.

Обязательный элемент любого преступления – субъективная сторона, которая подразумевает под собой наличие вины, мотивов, цели преступления у лица, которое его совершает. Но в деятельности сотрудников полиции бывают случаи, когда мотивами совершения преступления являются не только умысел преступника, но и действия самих полицейских. Тогда в деле появляется такое понятие, как провокация.

Данный вопрос является довольно актуальным в современном уголовном праве, потому что законодательство постоянно обновляется и совершенствуется, однако изучение этой темы затрагивается мало. И если говорить о практике применения норм, касающихся данного вопроса, то возникают трудности в отделении института провокации от основных институтов соучастия. Но все же это разные явления. Прежде чем разбирать их основные различия, нужно понять, что же из себя представляет провокация.

Данное понятие используется во многих сферах человеческих отношений. Если заглянуть в словарь С.И. Ожегова, то основным определением, которое имеется в виду каждым человеком в повседневной жизни, будет это: «Провокация – это предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия» [1].

Но это не единственное определение. Нельзя не отметить, что определений данного преступления довольно много, и обычно они несут в себе негативный смысл. Каким бы ни было определение, оно не может нести в себе только что-то плохое. В какой-либо области оно может означать что-то, что приносит пользу людям. Так дело обстоит и с этим понятием.

Например, в медицине, психологии и даже театральном искусстве провокация имеет очень большое и разнообразное значение. Оно подразумевает под собой действия, которые позволяют наиболее эффективно осуществлять деятельность данных лиц. Значит, в некоторых

случаях данное понятие может употребляться и в положительных смыслах.

В уголовном праве также применяется такая категория, как провокация. Законодательно оно не закреплено, но проанализировав данное деяние в уголовно-правовых нормах, возможно сформулировать провокацию как действия одного или нескольких лиц, которые побуждают другое лицо совершить преступление. Однако, как уже говорилось ранее, провокация имеет много общих черт с одним из институтов соучастия – подстрекательством. Но имеются значительные отличия. Первоочередные, такие как цель действий, которые движут «провокаторами».

Необходимо определить отличия между соучастником, в частности подстрекателем и провокатором. Их действия во многом схожи, но образуют различные преступления, что не маловажно для правоприменения.

Если говорить о подстрекателе, то это лицо, которое полностью осознает, что своими словами побуждает другого человека совершить преступление, и желает наступления последствий, к которым они могут привести. В данном случае естественно, что подстрекатель не желает расследования данного преступления, потому что в случае его раскрытия, он также понесет уголовную ответственность.

Но если говорить об институте провокации, то в этом случае мотивы лица, которое провоцирует на совершение преступления, скрыты от других лиц, его главной целью является совершение преступления другим лицом для привлечения последнего к уголовной ответственности. Фактически его интеллектуальное и опосредованное участие тщательно скрывается. Кроме того, в связи с тем, что провокатор не является сообщником в совершении преступления, то и подвергаться уголовной ответственности не будет [2].

Только установив все признаки состава преступлений, возможно дать достоверную правовую квалификацию и отделить преступление, совершенное в соучастии в виде подстрекательства, от провокации.

Важно выделить особенности, которые выделяют институт провокации в системе уголовного права:

– намерение субъекта вызвать определенную противоправную модель поведения у

провоцируемого, но получается, что она имеет только внешние признаки преступных действий;

– основная цель провокатора – наступление неблагоприятных последствий для провоцируемого (привлечение к уголовной ответственности последнего);

– наличие у провокатора прямого умысла, направленного на сам факт наступления неблагоприятных последствий для провоцируемого;

– намерение использовать действия провоцируемого не для достижения преступного результата в результате совершения преступления спровоцированным (например, получение незаконного денежного вознаграждения), а только для привлечения спровоцированного к уголовной ответственности;

– отсутствие единого умысла у провокатора и псевдо-преступника.

В науке уголовного права и правоприменительной практике до сих пор нет однозначного подхода к критериям, по которым можно квалифицировать подстрекательство и провокацию.

Поэтому схожие по внешним признакам преступления обычно рассматриваются в двух аспектах:

1) в форме действий лица, побуждающих к совершению преступления, что наказывается по УК РФ;

2) в форме деятельности сотрудников полиции, направленных на выявление преступлений.

В первом случае необходимо учитывать, что любого человека можно склонить к совершению преступления, например, убийства, кражи, изнасилования, хранения и сбыта наркотических средств. Но при этом важно установить истинные мотивы, которые побуждают человека к преступным действиям, отметить разную природу их возникновения.

В то же время в уголовном законе содержится только одна статья за провокацию преступных действий, предусматривающая ответственность за дачу взятки либо коммерческий подкуп.

Норма предусматривает попытку «передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа» [3].

Объективная сторона данного преступления реализуется только в форме действия и направлена на фабрикацию, фальсификацию доказательств либо вовлечение в совершение коррупционного преступления. Общественная опасность данных деяний заключается в том, что любые незаконные действия должностных лиц подрывают авторитет государственной власти, более того, по надуманным основаниям, например, неверно истолковав интересы службы для формирования «показателей».

Самое нашумевшее уголовное преследование по фактам провокаций взяток против главы Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД Сугробова. К уголовной ответственности привлечены более 10 высокопоставленных оперативников и их «помощников», потерпевших от преступной группы более 30 человек [4].

В то же время, согласно последним статистическим данным, в 2020 г. количество выявленных преступлений по факту провокации или коммерческого подкупа не зарегистрировано, в 2019 г. зарегистрировано одно преступление в Ульяновской области. Ежегодно выявляемые 8–9 тысяч преступлений, связанные с взяточничеством, против одного факта провокации взятки или коммерческого подкупа могут свидетельствовать о высоком уровне латентности [5].

Установленной законом ответственности за провокацию на совершение иных преступления нет. Однако правоприменительная практика свидетельствует, что не охвачены правовым регулированием возможные провокации при незаконном обороте оружия, наркотических средств, преступлений против жизни и здоровья и др. Именно данные проявления набирают все большую и большую распространенность, об этом говорят многочисленные жалобы обвиняемых и заявления правозащитников.

Например, средства массовой информации сообщают о «приключениях» 4 оперативников Центрального района Петербурга, «проститутки» и о закладках с наркотиками, которые закончились задержанием и делом по факту получения взятки. В простонародье это называется «подставой». Сюжет развивался в 2020 г. следующим образом: легкое знакомство в Интернете, переписка с прозрачными намеками на интим, просьба девушки расслабиться с помощью наркотиков, закупка через

Интернет, итог истории – задержание, привлечение к уголовной ответственности по тяжкой статье [6]. Важен тот факт, что данное задержание было не единичным случаем и не все они прошли соответствующую регистрацию, соответственно, можем предположить, что данные преступные действия осуществлялись не только ради формирования показателей, но и ради корысти.

Приведем еще несколько историй от правозащитников, как легко оказаться «наркодилером» и «сесть в тюрьму»:

– простая схема: Москва, район Шаболовки, идет человек, видит, на асфальте лежит странный пузырек, наклонился, поднял, тут же был задержан;

– прохожий попросил подержать пачку сигарет с зажигалкой, пока он будет завязывать шнурок на ботинке, сигареты оказались не с табаком, обратившийся гражданин загадочным образом исчез;

– продавщица бананов в метро попросила проходившего мимо парня помочь переставить коробки, переставил он ей коробки, что ему дорого обошлось;

– один уронил кошелек, другой предложил поделить по-честному, псевдо потерпевший стоял чуть поодаль, готовый обратиться с заявлением о краже [7].

Данная информация предоставлена не только средствами массовой информации, но и в комментариях многочисленными читателями.

Приведем другой, не менее красочный пример провокации. Так, 4 сотрудников столичного метрополитена использовали подставную «жертву», в качестве живца служил солидный мужчина с кожаным портфелем – находка для воров. Полицейские просили его полежать на лавочке или подпереть какой-нибудь столб на станции метро «Печатники», через несколько минут возле «жертвы» возникал желающий его обчистить пассажир. Вместо ловли карманников полицейские искусственно создали идеальные условия для кражи [8].

Неоспоримо, что подобная информация подрывает авторитет как правоохранительных органов, так и всей государственной власти в целом, формирует негативное общественное мнение, что недопустимо.

Справедливости ради необходимо отметить, что провокации на совершение преступлений совершают не только представители

правоохранительных органов, но и профессиональные преступники, и представители преступных групп и сообществ. Но неоспоримо, что преступления, совершаемые представителями власти, вызывают наибольший общественный резонанс [9].

Белгородские полицейские задержали подозреваемых в вымогательствах, которые устраивали подставные конфликтные ситуации с потерпевшими. Во время застолья злоумышленники клали на стул сумку, где находился телефон с треснувшим дисплеем. Конфликт разгорался после того, как пострадавший сел на сумку. Мужчину незаконно удерживали, пока он не выплачивал требуемую сумму [10].

Приведенные примеры не являются исчерпывающими, преступная смекалка придумывает все более изощренные и ранее не известные способы провокации.

Если рассматривать провокацию как оперативные мероприятия, необходимо учитывать множество особенностей данной деятельности. В каком случае данные мероприятия возможно квалифицировать как провокацию, а в каком – как оперативный эксперимент, проверочная закупка.

Например, о чем говорит возможность искусственного создания условий для совершения преступления, а также для возникновения у преступника умысла на совершение преступления.

Не следует забывать о характерных криминологических особенностях совершаемых преступлений, таких как латентный характер, личность коррупционеров, нежелание потерпевших инициативно обращаться в правоохранительные органы и т. д. Например, в коррупционных преступлениях взяткодателя затруднительно назвать потерпевшим, т. к. их действия явно незаконны, направлены на добровольное склонение коррупционера на совершение не только законных, но и незаконных действий. По степени общественной опасности дача незаконного денежного вознаграждения уступает только преступным действиям коррупционера.

Действия правоохранителя при документировании противоправной деятельности могут считаться законными и обоснованными только при условии наличия информации о ведении противоправной деятельности, и аналогичные преступления совершаются преступником на

постоянной основе. Кроме перечисленного выявить и задокументировать преступления данной категории без оперативного сопровождения невозможно.

Бытует мнение, что провокация в работе оперативных подразделений исключена. Данное обстоятельство следует из того, что оперативно-розыскная деятельность не предусматривает задачу создания условий преступления для его дальнейшего выявления и раскрытия, потому что это фактически совершение нового преступления, только уже правоохранителями, что подрывает репутацию полиции как одного из органов, представляющих государственную власть, и гаранта обеспечения законности на всей территории Российской Федерации.

Предусмотрены отдельные оперативно-розыскные мероприятия, которые содержат некоторые элементы провокации. Примером может служить проверочная закупка. Это оперативно-розыскное мероприятие, применяемое с целью выявления преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков. Для проведения данного мероприятия требуется наличие данных, свидетельствующих о незаконной деятельности лица, в отношении которого оно проводится, соответственно, эти данные должны быть официально зарегистрированы, чтобы в дальнейшем их признали законными доказательствами [3].

Под проверочной закупкой подразумевается проведение сделки купли-продажи (например, наркотиков), причем одной из сторон является лицо, действия которого полностью контролируются оперативными сотрудниками. Сделка считается мнимой. Законность данного оперативно-розыскного мероприятия заключается в том, что моделируется ситуация, в которой преступник в основном не зависел от действий сотрудника. Создание условий мнимой сделки не означает совершения провокационных действий правоохранителями в отношении сбытчика. Все решения он должен принимать самостоятельно, а не под влиянием сотрудников.

Но все же при проведении данного оперативно-розыскного мероприятия, можно сказать о том, что провоцируемое лицо в некоторой степени лишается избирательного поведения.

Но что в случаях с другими тяжкими преступлениями? В практической деятельности складываются ситуации, когда вынужденная

«провокация» со стороны сотрудников может являться наиболее эффективным, а иногда единственным способом задокументировать преступные действия преступника.

Имеют место и ситуации, когда сотрудники вынуждены все-таки сделать этот шаг. Возможно, в данных случаях следует решить вопрос с «провокацией» как обстоятельством, исключающим уголовную ответственность как минимум в отношении лиц, в полномочия которых входит организация и проведение оперативно-розыскных мероприятий [11].

Естественно, что обязательно должны соблюдаться основные конституционные и отраслевые принципы, которые являются основой деятельности любых органов в нашем государстве.

Таким образом, очень актуальным на сегодняшний день является вопрос об ответственности лиц, которые совершили преступление в результате организации и проведения провокации. Считаем, что в таких случаях для правильной квалификации следует учитывать степень общественной опасности и последствий, которые вызывают преступные действия или создают угрозу наступления данных последствий.

На сегодняшний день институт провокации остается наименее изученным и регламентированным институтом уголовного права. Следует сказать, что провокация – это неизученный и сложный институт уголовного права.

Обобщая перечисленные доводы, приходим к выводу, что провокация в уголовном праве – это склонение, подстрекательство лица к совершению преступления, фактически «подталкивание» к преступлению, если такие действия повлияли на волю и решение преступника. Опять же, мы говорим о предусмотренном законом уголовно-наказуемом деянии – провокации к совершению преступлений, не только получения незаконного денежного вознаграждения [12].

Таким образом, следует ограничивать институты провокации от подстрекательства и провокацию от оперативно-розыскных мероприятий. Правоприменительная деятельность должна строиться на строгом соблюдении конституционных принципов, которые положены в основу уголовного и уголовно-процессуального законодательства, они не могут нарушаться ни при каких обстоятельствах. Иначе, о каком правовом государстве может

идти речь? Нельзя строить законность, при этом нарушая ее основы.

Полагаем, что требуются законодательные инициативы и корректирование законодательства в данной сфере:

- закрепить официальное определение провокации как преступного деяния;
- вывести обстоятельства, исключающие преступность деяния;

Литература

1. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>.
2. Егорова Н.А. Провокация взятки либо коммерческого подкупа. Федеральное издание. 2007. № 1.
3. Федеральный закон от 12.08.2001 «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ. М., 2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. URL: <https://tass.ru/delo-o-provokacii-vzyatki-sotrudnikami-mvd>.
5. URL: <https://мвд.пф/reports/item/22678184/>.
6. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/09/01/69451927/>.
7. URL: <https://newizv.ru/news/society/27-01-2018/podstava-ot-politsii-chego-nelzya-podnimat-s-trotuarov-nashih-ulits>.
8. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26195.7/3082299/>.
9. Ищенко Д.П., Григорян Д.К., Карпов А.Ю. Наказание за коррупцию должно быть неотвратимо // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России. Материалы Всероссийского Круглого стола. 2021.
10. URL: <https://bel.ru/news/incident/18-12-2020/v-belgorodskoy-oblasti-sportsmen-us-traival-podstavy-i-vymogal-dengi>.
11. Арутюнов А.А. Провокация преступления // Российский следователь. 2002. № 8.
12. Радачинский С.Н. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2009. № 2.

– само преступное действие – провокация закрепить конкретной нормой уголовного закона;

- отнести к соответствующей категории преступления (исходя из общественной опасности, как средней тяжести и тяжкого преступления);
- установить квалифицирующие признаки.

Bibliography

1. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>.
2. Egorova N.A. Provocation of a bribe or commercial bribery. Federal edition. 2007. № 1.
3. Federal Law On operational and investigative activities adopted on August 12, 2001 Federal Law № 144-FL. M., 2020 // LRS «Consultant-Plus».
4. URL: <https://tass.ru/delo-o-provokacii-vzyatki-sotrudnikami-mvd>.
5. URL: <https://мвд.пф/reports/item/22678184/>.
6. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/09/01/69451927/>.
7. URL: <https://newizv.ru/news/society/27-01-2018/podstava-ot-politsii-chego-nelzya-podnimat-s-trotuarov-nashih-ulits>.
8. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26195.7/3082299/>.
9. Ishchenko D.P., Grigoryan D.K., Karpov A.Yu. Punishment for corruption should be inevitable // In the collection: Actual problems of combating corruption in modern Russia. Materials of the All-Russian Round Table. 2021.
10. URL: <https://bel.ru/news/incident/18-12-2020/v-belgorodskoy-oblasti-sportsmen-us-traival-podstavy-i-vymogal-dengi>.
11. Arutyunov A. A. Provocation of crime // A Russian investigator. 2002. № 8.
12. Radachinsky S.N. Provocation as a circumstance that excludes the criminality of an act // Criminal law. 2009. № 2.

**Сорокун Николай Сергеевич
Sorokun Nikolay Sergeevich**

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of the Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: nik-sorokun@yandex.ru

**Лавренко Анастасия Витальевна
Lavrenko Anastasia Vitalievna**

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России.

Lecturer of the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: vitalana@inbox.ru

**Коломийченко Елена Викторовна
Kolomiichenko Elena Viktorovna**

доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: madam-koko@mail.ru

**ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ:
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КАРА», «СТРАДАНИЕ», «ПРИНУЖДЕНИЕ»**

**Historical and philosophical aspects of criminal punishment:
the correlation of the concepts of «punishment», «suffering», «coercion»**

В статье проводится историко-философский анализ понятия «уголовное наказание» с точки зрения некоторых свойств данного феномена. Рассматриваются предпосылки и истоки зарождения института государственного наказания, а также основные теории наказания. Понятие «наказание» исследуется через морально-этические свойства категорий «кара», «страдание», «принуждение» в их взаимосвязи. Раскрывая наказание через взаимообусловленность внешней стороны уголовного принуждения и субъективного отклика на это психики осужденного, авторы заключают, что в современном подходе к уголовному наказанию заметно превалирует формально-технологический подход перед истинно этической природой наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание, кара, страдание, принуждение, теории наказания, насилие, подчинение, пенитенциарная система, исправление осужденного.

The article provides a historical and philosophical analysis of the concept of criminal punishment from the point of view of some properties of this phenomenon. The prerequisites and origins of the institution of state punishment, as well as the main theories of punishment are considered. The concept of punishment is explored through the moral and ethical properties of the categories «punishment», «suffering», «coercion» in their interrelation. Revealing the punishment through the mutual conditionality of the external side of criminal coercion and the subjective response to this of the convict's psyche, the authors conclude that in the modern approach to criminal punishment, the formal-technological approach to the true ethical nature of punishment noticeably prevails.

Keywords: criminal punishment, punishment, suffering, coercion, theories of punishment, violence, submission, penitentiary system, correction of the convicted.

Понятие «наказание» на первый взгляд представляется весьма простым и ясным, но при детальном рассмотрении обнаруживается мно-

гогранность его содержания. Очевидно, что определение наказания с точки зрения уголовно-правовой догматики будет недостаточным,

поскольку изучаемый феномен подразумевает и некоторое отношение к наказанию с позиции справедливости и гуманности, целесообразности и меры, значения и последствий, т. е. предполагает некий философский уровень анализа. В связи с этим И.М. Рагимов отмечает, что в науке уголовного права, пожалуй, «нет другого понятия, которое хотя бы приблизительно могло сравниться с понятием наказания в его культурно-историческом и философском значении» [1, с. 236].

Сегодня представляется абсолютно логичным право государства на наказание. Между тем на протяжении столетий мыслители пытались ответить на вопрос о природе возникновения этих оснований, субъектах наказания, причинах и нравственных оправданиях этого явления. По данным исследователей, в мире насчитывается около 100 теорий, обосновывающих наличие государственной системы наказания. К XIX–XX вв. трудами философов, юристов и социологов были выработаны все основные концепции, обосновывающие систему государственного наказания. Учитывая, что система наказания развивается синхронно изменениям государства и права, осмысление наказания на современном этапе имеет достаточно высокую значимость и актуальность.

При рассмотрении исторической ретроспективы развития института уголовного наказания очевидно, что в разное время отношение к наказанию обуславливалось конкретным этапом развития общества, господством определенной религии и (или) идеологии, глубиной и остротой социальных противоречий, целями правящего меньшинства и другими общественными отношениями. Причем наказание всегда было вторично и зависимо от своего парного концепта – преступления, которым в отдельные периоды времени могли признаваться совершенно разные деяния.

Итак, появление института наказания неразрывно связано с возникновением государства и права, а также их этапами развития. Однако очевидно, что наказание существовало еще задолго до оформления государственности, и закономерен вопрос о том, какие явления этому предшествовали. Исследователи указывают на древнейший обычай кровной мести, возникший еще во времена первобытного общества. Согласно принципу кровной мести, лицо, совершившее убийство, обязательно подлежало смерти в порядке возмездия. И на самых ранних этапах кровную месть осуществляли непосредственно потерпевшие

(«частные» лица). Постепенно в общинах сформировалось отношение к человеку как к части собственного кровного объединения, а значит, ущерб преступлением в первую очередь наносился общине. Поэтому со временем пострадавший был отодвинут на второй план, и община присвоила себе право расправы над обидчиком. Когда конфликт происходил между разными племенами, то завязывалась неразрешимая кровная война. И формирование государственности в этом смысле выступило эволюционным решением данной проблемы, что нашло отражение в одной из главных концепций формирования государства, названной «теорией насилия» [2]. С этой точки зрения возникновение государства происходит не вследствие социально-экономического развития общества, а в результате подчинения одной части общества другой, т. е. насилия, порабощения [3, с. 1081]. Похожее высказывание принадлежит Г. Гегелю, который возникновение государства связывал с превращением частной мести в публичное уголовное наказание [4, с. 418].

В науке пенологии (теории уголовного наказания, иногда ее называют «тюрьмоведение») описан ряд основных теорий наказания, рассмотрение которых будет способствовать наиболее емкому пониманию сущности изучаемого феномена. Обозначим основополагающие концепции: теории возмездия, полезности, устрашения, предупреждения, исправления, психологического принуждения, интегративные теории.

Исторически первой была так называемая абсолютная «теория наказания – возмездия», принципы которой были ярко представлены еще античными философами Платоном, Аристотелем и др. Указанные идеи впоследствии развили основоположники немецкого идеализма И. Кант, Г. Гегель и их последователи. Обобщенно говоря, сторонники данного направления рассматривали наказание преступника как завершение абсолютной идеи справедливости. Сама природа преступления и достоинство преступника, согласно «теории материального возмездия» И. Канта, нуждаются в воздаянии по принципу равенства. Г. Гегель в «теории диалектического возмездия» уточнил эту позицию, указав, что возмездие не может измеряться тождественно и буквально, а должно выбираться государством на основе права [5, с. 20].

Идея полезности наказания в самой яркой ее форме – «теории устрашения» – разрабатывалась в конце XVIII – начале XIX вв. английским правоведом и философом И. Бентамом.

В основе нее лежит убеждение о том, что наказание за преступление должно быть полезно обществу тем, что, являясь максимально жестоким, способно внушить людям «спасительный ужас». Поэтому вводились несоизмеримые преступления жестокие кары, в первую очередь квалифицированная смерть при большом скоплении людей. Цель наказания здесь – через извращенную жестокость, обрядовость и публичность отвратить общество от преступных деяний.

Теории наказания, поставившие во главу угла не относительное общее устрашение, а направленные на субъективное исправление самого преступника, получили название теорий предупреждения или исправления. Так, итальянский мыслитель Ч. Беккариа считал, что вид и мера наказания должны соответствовать тяжести преступления, а свойство неотвратимости наказания признавал доминирующим над его жестокостью. Цель наказания – исправление конкретного лица и предотвращение совершения им новых преступлений. Благодаря развитию этих идей, кроме смертной казни, появились наказания в виде изгнания и пожизненного заключения.

Теория психологического принуждения немецкого криминалиста А. Бернера исходит из того, что угроза уголовного наказания должна обозначить и повлечь такие последствия для преступника, страдания от которых будут значительно превышать выгоду от преступления. Таким способом можно заведомо «парализовать волю» преступника, и преступление останется несовершенным. Цель наказания – устрашение не видом казни, а угрозой наказания.

Интегративные теории наказания призывают создать такую систему наказаний, которая будет сочетать в себе различные функции наказания: возмездие, устрашение, исправление. В рамках данного подхода выделяют три модели борьбы с преступностью, которые требуют взаимоинтеграции: социогенная модель исходит из того, что преступления совершаются вследствие негативных социальных факторов (экономических, культурологических и т. д.), а значит, государству для превенции преступности необходимо изменить те самые неблагоприятные социальные условия. Регулятивная модель – классическая пенитенциарная система внешнего контроля за поведением с целью исправления преступника путем применения мер государственного принуждения в виде уголовного преследования и наказания. Психогенная модель, которая основной причиной пре-

ступной деятельности считает эмоциональное расстройство преступника, и обязанность государства в связи с этим повлиять на личность при помощи психотерапии или воспитания.

Истории философии известны также взгляды, в которых право государства наказывать преступников, равно как и сама необходимость наказания, полностью отрицались. Таких теорий абсолютное меньшинство по отношению к обосновывающим право государственного наказания, тем не менее, самыми яркими среди таких являются воззрения русского писателя Л.Н. Толстого, который, придерживаясь христианской догматики, утверждал, что не только преступление, но и любое наказание является злом. А посредством зла бороться со злом чревато нанесением еще более вредных последствий [6, с. 80]. Английский социалист Р. Оуэн считал, что за преступное поведение своих подданных в ответе государство, создавшее несовершенный общественный строй, а значит, наказание – это несправедливое насилие, направленное на поддержание того, что не должно существовать [5, с. 20].

Французский философ М. Фуко уголовное наказание называл «обобщенной функцией», сопрягающей все общество целиком с каждым отдельным его субъектом [5, с. 21]. Этим определением очередной раз подчеркивается глубина и многозначность данного явления. Анализируя философские изыскания на тему наказания, приходим к выводу, что «наказание» представляет собой сложноорганизованную систему понятийных элементов, характеризующуюся спецификой самих указанных элементов, а также сложившимися между ними уникальными отношениями и связями. Надо иметь в виду, что внутренние связи обычно ярче всего выражают сущность понятия, поскольку через взаимодействие частей целого проявляются свойства каждого из них, а также формируется новое качество всего объекта целиком. Поэтому в ходе дальнейшего исследования постараемся определить (с философских позиций) некоторые свойства уголовного наказания и характер их взаимосвязей.

На протяжении веков наиболее близким понятию «наказание» в его юридическом понимании выступало понятие «кара». Кроме правового контекста слово «кара» могло применяться в религиозном, социальном, бытовом смысле, но всегда в значении негативной реакции государства, общества, потерпевшего (или бога) на неправомерное или аморальное поведение, так или иначе, связывая это с нака-

---

занием. Более того, советским уголовным правом (Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.) понятия «наказание» и «кара» отождествлялись: «наказание является карой за совершенное преступление...» [7]. Впоследствии в российском уголовном праве подобная трактовка наказания больше не использовалась.

В этой связи интересно исследование российского ученого В.К. Дуюнова, который проводил глубокий историко-этимологический и семантический анализ понятий «кара», «наказание» и некоторых других и пришел к выводу о том, что эти понятия далеко не синонимичны. Кару В.К. Дуюнов считает моральным императивом, выражающим «внутренний смысл уголовного наказания», а само уголовное наказание называет «внешним проявлением кары» [8, с. 66]. В самом деле, используя в речи слова «корить» или «укорять», мы апеллируем к внутренней, субъективной стороне личности, поэтому представляется неверным отождествлять материальные меры уголовного наказания с категорией этического свойства. Сторонников подобной трактовки немало. Так, Б.С. Никифоров и Ф.М. Решетников предложили свое правовое определение понятию «уголовная кара» и отвели ей самостоятельное место в системе взглядов на наказание, обозначив, что «кара – это принуждение к страданию в наказании» [9, с. 26]. Н.А. Беляев сходным образом полагал, что «наказание – это кара за совершенное преступление, которая обязательно должна причинять преступнику страдания» [10, с. 25]. Авторы статьи склонны разделять представленные взгляды и рассматривать понятие «кара» в качестве моральной категории, характеризующей эмоциональный отклик психики осужденного на примененное к нему наказание. Кроме того, разобрав понятия «уголовное наказание» и «кара», последнее можно считать одновременно и частью, и свойством первого, раскрывающим полноту содержания этого понятия. В свою очередь, «кара» также является сложным смысловым явлением, одной из значимых характеристик которого выступает понятие «страдание». Рассмотрим его подробнее.

Поскольку кара – это субъективная моральная категория, она проявляется в переживании преступником некоего страдания. Причем страдание осужденного – это не просто любое сильное эмоциональное переживание гнева, страха или, например, стыда, а страдание, которое опосредуется взаимодействием внешних (материальных) средств уголовного наказания и внут-

ренних (личностных, идеальных) средств психики правонарушителя. В этой связи показательны идеи русской философской мысли XIX–XX вв., выраженной трудами Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, В.С. Соловьева, и других мыслителей, которые привнесли в философию наказания некий метафизический и экзистенциальный аспект. В соответствии с этим подходом, наказание лишалось формальных социальных целей, а превозносились до уровня смысла жизни и смерти. Преступник, страдая, от совершенного им преступления, как-бы наделялся «привилегией» духовного очищения, перерождения или даже воскрешения «из ветхого человека в нового» [11].

Если дальше развивать философские идеи «страдания в наказании», то очевидно, что без задействования психической функции страдания правонарушителя наказание как таковое будет неэффективным. Так, без субъективного отклика психики преступника на созданные наказанием лишения и ограничения, государство фактически способно к нему применить не более, чем некую вероятностную форму принуждения. Иными словами, власть будет транслировать всего лишь намерение наказать преступника, создав к этому все внешние атрибуты, а сам виновный на этом фоне выступит только средством обеспечения общей государственной превенции преступности. Думается, что для власти, создавшей систему наказания, действительно имеет большое значение, испытывает ли осужденный ею человек душевные страдания или нет. В связи с этим имеет смысл обсудить так называемое «качество» переживаемых преступником терзаний, поскольку далеко не каждый осужденный испытывает их вовсе. Представляется, что для воплощения истинных целей уголовного наказания, испытываемая осужденным душевная боль должна стать для него на какое-то время новой субъективной действительностью, а не переживаться им только как отношение к последствиям наказания. Тогда высказанное допущение приводит к выводу, что если преступник вдруг не испытывает моральных страданий, то и уголовное наказание не может считаться примененным. Вместе с тем сложно даже представить последствия применения уголовных наказаний, в основе которых лежит идея «тотального страдания». В самом деле кажется очевидным, что причинять страдания ради утилитарных целей – это банальное заблуждение [12, с.104]. Но как тогда относиться к «карающему» наказанию, каковы должны быть его

пределы – одна из главных дискуссионных проблем заинтересованного научного сообщества.

Рассмотрев так называемую «внутреннюю сферу» уголовного наказания (воспринимаемую преступником как кару за преступление, причиняющую моральные страдания), нельзя не исследовать и более очевидную его сторону – внешнюю, которая выражается понятием «принуждение». Так, в соответствии со ст. 43 Уголовного Кодекса Российской Федерации, наказание есть «мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда; применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в лишении или ограничении прав и свобод этого лица» [13]. Как видно, законодатель не рассматривает наказание с точки зрения «кары», ведь в этом определении не упоминается о психическом переживании уголовного наказания осужденным. Принуждение здесь, строго говоря, выступает материальной формой обеспечения наказания. Однако не все так явно, поскольку понятие «принуждение», как и другие универсальные социально-правовые феномены, имеет не одну смысловую грань. Так, некоторые ученые склонны видеть основное содержание понятия «принуждение» – в функции подчинения [14, с. 19]. Другие, опираясь на толковый словарь В. Даля, где принуждение трактуется через глаголы «заставлять», «вынуждать», «силовать», отождествляют его с насилием, называя первое внешней оболочкой, футляром второго [12, с. 64]. В.Г. Швыдкий сравнил принуждение с «движением» к самому результату принуждения [15, с. 83]. Развивая крайнюю мысль о динамичном характере принуждения, выходит, что оно призвано выстроить упорядоченную последовательность: от внешнего воздействия на преступника через лишение его определенных благ – к субъективным последствиям этого воздействия, переживаемым, как было описано выше, в виде душевных страданий. Из этого следует, что принуждение оказывается связующим звеном между объективными и субъективными компонентами наказания, поскольку принудительное лишение определенных благ (материальный компонент) чаще всего приводит к душевным страданиям (этический компонент). При более глобальном ракурсе легко прослеживается и обратная закономерность описанного механизма: институт государственного принуждения транслирует обществу через лиц, уже подвергшихся наказанию потенциальную угрозу «страдания», тем са-

мым осуществляется функция социально-правового регулятора общественных отношений.

Таким образом, описанные в исследовании категории «кара», «страдание», «принуждение» при рассмотрении под призмой философии уголовного наказания объединяются в общий смысловой контекст. Кара представляет собой субъективное переживание осужденным факта применения к нему определенного уголовного наказания; душевное страдание – это неотъемлемое свойство переживаемой кары; принуждение – конкретный механизм, при помощи которого осужденный, помещаясь в определенные ограничивающие его свободную волю условия, вынужден (в большинстве случаев) переживать то самое состояние душевного страдания. В итоге понятия «страдание» и «принуждение» выступают взаимообуславливающими характеристиками «кары», а значит, и элементами понятия «уголовное наказание».

Таким образом, если уголовное наказание – это государственное принуждение, значит – его конечной целью выступает наступление у осужденного некоего душевного страдания, которое должно привести к исправлению личности преступника. И здесь мы повторно обозначаем актуальную на сегодняшний день проблему, связанную с поиском более эффективных форм уголовного наказания, поскольку некоторые распространенные его виды (в том числе тюремное заключение) демонстрируют свою несостоятельность. Так, европейские пенитенциарные системы на современном этапе эволюционируют в сторону смягчения наказания, и вектор движения этому задает гуманистическая концепция. Гуманное отношение к личности преступника влечет за собой попытку избежать причинения ему лишних страданий, но тогда возникают вопросы о целесообразных пределах страданий осужденного, способах измерения этого состояния и возможно ли вообще государству обойтись без принуждения к страданию. Несмотря на эти благие помыслы, современное отношение к уголовному наказанию в России и странах Европы заметно лишено того самого этического смысла, который лежит в истинной природе наказания, а все более сводится к формальному технологическому процессу. Согласно меткому выражению профессора С.Н. Борисова, «рефлексия наказания – это феномен культуры» [16, с. 38], значит, совершенствование пенитенциарной системы невозможно без прогрессивного культурного развития российского общества, к счастью, для этого в нашей стране имеется реальный потенциал.

Литература

1. Рагимов И.М. Первоосновы нравственности наказания: обычаи и традиции // Юридические науки и образование. 2018. № 56.
2. Зюков А.М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика: учебное пособие. Владимир, 2009.
3. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001.
4. История политических и правовых учений: учебник для вузов под общей редакцией члена-корреспондента РАН В. С. Нерсисянца. М., 1996.
5. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск, 2018.
6. Римский В.П., Резник С.В., Мюльгаупт К.Е. Учение Л.Н. Толстого о насилии и ненасилии в зеркале русских революций // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3 (15).
7. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960, ред. от 30.07.1996. Утратил силу с 01.01.1997 (Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ)).
8. Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. 1997. № 11.
9. Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М., 1990.
10. Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Ленинград, 1963.
11. URL:<http://www.proza.ru/2017/12/26/1883>.
12. Критика насилия: pro et contra: материалы региональной научной конференции, посвященной Всемирному дню философии (21 ноября 2019 г., Красноярск). Красноярск, 2019.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021).
14. Федоров В.П. Принуждение в системе социалистического управления: дис. ... канд. философ. наук. Ленинград, 1995.
15. Швыдкий В.Г. Возможность и действенность уголовного наказания // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283.
16. Борисов С.Н., Горяйнова А.С. Наказание как философский концепт. Проблема ускользающих контекстов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87).

Bibliography

1. Rahimov I.M. The fundamentals of morality of punishment: customs and traditions // Legal sciences and education. 2018. № 56.
2. Zyukov A.M. Blood feud: extra-legal custom and state-legal policy. Study guide. Vladimir, 2009.
3. Legal Encyclopedia / Ed. by B.N. Topornin. M., 2001.
4. History of political and legal doctrines. Textbook for universities. Under the general editorship of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.S. Nersesyants. M., 1996.
5. Utkin V.A. Problems of the theory of criminal penalties: a course of lectures. Tomsk, 2018.
6. Rimsky V.P., Reznik S.V., Mulhaupt K.E. L.N. Tolstoy's teaching on violence and nonviolence in the mirror of Russian revolutions // Nauka. Art. Culture. 2017. № 3 (15).
7. The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR 27.10.1960, ed. from 30.07.1996. Expired on January 1, 1997 (Federal Law № 64-FL of 13.06.1996)).
8. Duyunov V.K. Punishment in the criminal law of Russia – coercion or punishment? // State and Law. 1997. № 11.
9. Nikiforov B.S., Reshetnikov F.M. Modern American Criminal Law. M., 1990.
10. Belyaev N.A. The goals of punishment and the means of achieving them in correctional labor institutions. Leningrad, 1963.
11. URL:<http://www.proza.ru/2017/12/26/1883>.
12. Criticism of violence: pro et contra: materials of the regional scientific conference dedicated to the World Philosophy Day (November 21, 2019, Krasnoyarsk). Krasnoyarsk, 2019.
13. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL (ed. of 01.07.2021, with amendments and additions, intro. effective from 08/22/2021).
14. Fedorov V.P. Coercion in the system of socialist management: Dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Leningrad, 1995.
15. Shvydkiy V.G. The possibility and effectiveness of criminal punishment // Bulletin of Tomsk State University. 2004. № 283.
16. Borisov S.N., Goryainova A.S. Punishment as a philosophical concept. The problem of elusive contexts // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2019. № 1 (87).

Айвазова Ольга Владиславовна
Aivazova Olga Vladislavovna

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Professor of the Department of Criminalistics and Operational-Search Activity of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

СОКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СЛУЖЕБНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Concealment of crimes as a criminalistic category and its features in relation to crimes of an official orientation

Автор обращается к проблеме разработки такой фундаментальной криминалистической научной категории – сокрытие преступления. Признавая недостаточную разработанность специфики сокрытия преступлений служебной направленности в сравнении с общеуголовными преступлениями, автор стремится восполнить данный пробел, а также указывает на потребность в проведении дальнейших исследований.

Ключевые слова: сокрытие преступлений, совершение преступлений, преступления служебной направленности, способы преступлений, воспрепятствование установлению истины, доказательственная информация, утаивание, уничтожение, фальсификация, маскировка.

The author addresses the problem of further development of such a fundamental criminalistic scientific category as the concealment of a crime. Recognizing the insufficient elaboration of the specifics of concealing crimes of an official orientation, in comparison with ordinary crimes, the author seeks to fill this gap, and also indicates the need for further research.

Keywords: concealment of crimes, commission of crimes, crimes of official orientation, methods of crimes, obstruction of the truth, evidentiary information, concealment, destruction, falsification, disguise.

На современном уровне развития криминалистического научного знания термин «сокрытие преступлений» прочно вошел в его категориальный аппарат. Под сокрытием преступлений принято понимать деятельность лиц, совершивших преступление, а также иных заинтересованных лиц, направленную на воспрепятствование установлению истины по делу (обстоятельств преступления, лиц, причастных к его совершению, иных значимых для расследования данных). С точки зрения криминалистического учения о способе совершения преступления, сокрытие преступления может являть собой деятельность как выступающую элементом единого преступного умысла (если он охватывает собой приготовление, непосредственное совершение и собственно сокрытие преступления), так самостоятельным элементом, не входящим в изначальный преступный умысел. Говоря о месте сокрытия преступления в сис-

теме деятельности по приготовлению, совершению и сокрытию преступления с позиций хронологического подхода, отметим, что, несмотря на внешнюю очевидность, указанные элементы далеко не всегда находятся в строгой хронологической обусловленности. Более того, действия по сокрытию преступлений зачастую могут не только хронологически совпадать с совершением деяния, но и осуществляться на подготовительном уровне. В этом случае наблюдается определенная интеграция действия по приготовлению к совершению преступления и приемов по его сокрытию. Водоразделом выступает непосредственная цель выполнения тех или иных приемов субъектами преступлений либо иными лицами, действующими в их интересах.

Если они направлены на обеспечение возможности достижения преступного результата (например, приискание соучастников,

компетентных в определенной сфере деятельности и/или обладающих определенными навыками, приискание необходимых средств оргтехники, специального оборудования и т. п.), то такие действия следует считать действиями по приготовлению к совершению преступления. Если же, несмотря на то, что хронологически определенные действия предшествуют совершению деяния, но их цель связана с обеспечением воспрепятствования установлению обстоятельств данного посягательства, то их следует относить к разновидности действий по сокрытию преступления. Примерами подобных действий являются: продумывание ложного алиби и реализация действий по его имитации, продумывание различных мер конспирации, например, продумывание условных наименований предметов, документов, действий, а также условных имен (позывных, кличек) лиц, упоминаемых соучастниками при дистанционных контактах с помощью средств связи и т. п.

Характеризуя общие положения сокрытия преступлений как криминалистической научной категории, необходимо также остановиться на таком моменте, как его соотношение с близким по значению понятием «противодействие расследованию» [1, с. 137–149; 2, с. 137–145; 3]. Указанные понятия чаще всего соотносят как частное и общее (когда сокрытие рассматривается как форма противодействия расследованию). Также в трудах исследователей противодействие расследованию нередко определяется как более сложная, масштабная, многоуровневая, изощренная, общественно опасная деятельность, совершаемая не только самими субъектами преступления, но и иными лицами, прямо или косвенно заинтересованными в определенном преступном результате, в т. ч. коррумпированными должностными лицами государственных или муниципальных органов. В подобных случаях должностные лица склонны, не ограничиваясь осуществлением действий по нейтрализации доказательственной информации непосредственно по уголовному делу (например, путем принятия неправомερных решений об отказе в выдаче разрешения на производство обыска в жилище, либо о непризнании результатов обыска, проведенного безотлагательно в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ), воздействовать на личность и/или деловую репутацию следователя либо его

родственников, близких лиц. Кроме того, именно противодействию расследования присущи такие задачи, как дискредитация доказательственной информации, т. е. осуществление действий, направленных на утрату добытыми следователем доказательствами юридической силы, тогда как сокрытие преступления ограничивается утаиванием или уничтожением следов и иных информационных носителей.

Признавая наличие у противодействия расследованию по отношению к сокрытию преступления такой отличительной черты, как более высокая степень изощренности и масштабности, направленность не только на утрату, но и на дискредитацию доказательственной информации, укажем и на различия этих понятий в хронологическом аспекте, что не является однозначным в специальной литературе. Нам представляется, что сокрытие преступления может осуществляться как в докриминальный и непосредственно в криминальный, так и посткриминальный периоды [4, с. 129–135; 5, с. 44–51; 6, с. 41–51]. Тогда как противодействие расследованию может осуществляться только в посткриминальный период [7, с. 169–173].

Поскольку сокрытие преступления, прежде всего, призвано, по замыслу заинтересованных лиц, обеспечить минимизацию вероятности выявления и пресечения деяния. Если же преступление обнаружено и ему дана надлежащая правовая оценка, проводятся первоначальные, в т. ч. неотложные, следственные действия, то на посткриминальном этапе сокрытие преступления проявляется в даче неполных показаний, отказе от дачи показаний, попытках избавиться от доказательственной информации и т. д. Противодействие расследованию, по определению, нацелено на нейтрализацию результатов расследования, которое инициируется как реагирование уполномоченных органов, реализующих публичный интерес, на выявленный факт преступного деяния. Именно поэтому противодействие расследованию может иметь место только на посткриминальном этапе как ответная реакция на начавшееся расследование.

Кроме того, как нам представляется, понятие «противодействие расследованию» не тождественно понятию «противодействие уголовному преследованию». Современная концепция

уголовного судопроизводства объявляет его состязательным. В основе состязательности уголовного судопроизводства лежит диалектический принцип равноправия и противоборства сторон, реализующих противоположные уголовно-процессуальные функции обвинения и защиты от обвинения. Поэтому функция защиты по определению предполагает деятельность, нейтрализующую результаты реализации функции обвинения (уголовного преследования), и наоборот. В этой связи действия представителей со стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого, а также их защитников) по оказанию в рамках правового поля сопротивления стороне обвинения путем выявления обстоятельств, так или иначе свидетельствующих в пользу подозреваемого, обвиняемого, нельзя назвать противодействием расследованию. Но при этом они вполне вписываются в содержание деятельности по противодействию уголовному преследованию. Расследование преступлений не должно являть своей целью обвинение лица, поскольку предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) также охватывается установление обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание и пр.

Подчеркнем, что в данном случае мы говорим только о действиях стороны защиты в рамках правового поля, (например, представление ходатайств о проведении определенных следственных действий, аргументированные возражения в процессе допросов или очных ставок, представление заключений специалистов либо результатов независимых экспертиз, проведенных по инициативе стороны защиты, и т. п.).

Если представители стороны защиты явно выходят за пределы действий, допустимых уголовно-процессуальным законом (например, допускают срывы следственных действий – в активной или пассивной форме, осуществляют уничтожение документов, находящихся при уголовном деле, иным образом дискредитируют результаты расследования), то подобные действия относятся к противодействию расследованию.

В то же время противодействие уголовному преследованию как правомерная (с точки зрения уголовного процесса) деятельность по активной реализации стороной защиты приущей ей уголовно-процессуальной функции

не исключает потребности его криминалистического изучения на уровне как общих положений криминалистики, так и в рамках частных криминалистических методик (где целесообразно рассматривать специфику противодействия уголовному преследованию в процессе расследования отдельных категорий преступлений). Поскольку в рамках криминалистики разрабатываются рекомендации по повышению результативности расследования преступлений, при этом в рамках частных криминалистических методик данные рекомендации рассматриваются применительно к типичным следственным ситуациям, имеющим различную степень сложности, а также благоприятности. Действия стороны защиты в рамках правового поля либо вне таковых являются собой различные частные случаи сложности и благоприятности типичных следственных ситуаций.

Обозначив нашу позицию на категорию сокрытия преступлений и его соотношение с отдельными близкими по смыслу понятиями, перейдем далее к рассмотрению специфики сокрытия преступлений служебной направленности, методика расследования которых продолжает формироваться [8, с. 3–9; 9, с. 49–52; 10, с. 55–58; 11, с. 50–53]. Но вначале напомним типичные выделяемые в криминалистической литературе виды (формы) сокрытия преступлений. В криминалистической литературе действия субъектов преступления и иных лиц, осуществляемые в рамках сокрытия преступления, традиционно принято разделять на следующие типичные разновидности (виды, формы):

– утаивание информации о преступлении (а равно, о его отдельных обстоятельствах) и о субъекте преступления (т. е. о причастности к преступлению определенного лица, а также о его местонахождении);

– уничтожение следов преступления, а также следов причастности к преступлению конкретного лица (лиц);

– маскировка доказательственной информации и/или ее носителей;

– фальсификация доказательственной информации и ее носителей;

– сочетание различных вышеуказанных способов (смешанные формы).

Между тем характеристика действий по сокрытию преступления в рамках криминалистической науки в большей степени разрабатывалась в отношении преступлений

насильственной и/или корыстной направленности (т. е. в отношении общеуголовных преступлений против личности). Гораздо менее разработаны такие действия, совершаемые применительно к преступлениям служебной направленности. Однако они обладают выраженной спецификой. Необходимо констатировать, что применительно к преступлениям служебной направленности реализуются абсолютно все обозначенные выше формы сокрытия преступлений, но на особенности их проявления влияют:

– во-первых, условия обстановки преступлений (непосредственно территория юридического лица – государственного, муниципального учреждения, коммерческой или иной организации [12, с. 61–66], принятые в ней правила внутреннего распорядка, нормы делового этикета, стиль руководства, взаимоотношения с партнерами по бизнесу, а также с органами, реализующими контрольно-надзорные полномочия и пр.);

– во-вторых, реализуемые субъектами преступления способы посягательства: степень очевидности их совершения для других сотрудников организации, а также клиентов; объективно обусловленное какими-либо факторами либо субъективно осознаваемое ими чувство безнаказанности, влияющее на избирательность уничтожения следов, фальсификации доказательств и их носителей;

– в-третьих, личностные особенности субъектов преступления: профессиональные и характерологические качества, взаимоотношения соучастников внутри криминального формирования, а также с другими лицами, вовлеченными (без посвящения последних в преступный умысел субъектов преступления) в разрешение значимых для субъектов задач.

Говоря об утаивании доказательственной информации, прежде всего, следует отметить несообщение коллегам или подчиненными о признаках противоправной деятельности, осуществляемой руководителями или иными лицами, наделенными управленческими полномочиями. Причинами утаивания могут быть как неосведомленность о противоправном векторе соответствующей деятельности, так и боязнь последующих неблагоприятных последствий со стороны руководства организации, а равно круговая порука в данном коллективе. В соответствии со ст. 23 УПК РФ, в ряде

случаев возбуждение уголовного дела в отношении лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях, осуществляется только по заявлению или с согласия руководителя организации. Поэтому даже обращение членов трудового коллектива, например, о фактах злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) либо коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ) не может нести юридических последствий без соответствующего волеизъявления руководителя организации. Если уголовное дело возбуждено и принято к производству, то типичным примером утаивания является отказ от дачи показаний в порядке ст. 51 Конституции РФ. В отношении подозреваемых, обвиняемых данная позиция есть выражение их законных прав на защиту от уголовного преследования. Однако с точки зрения криминалистики этот же аспект указывает на наличие элементов проблемности в формирующейся следственной ситуации по уголовному делу.

Очевидно, что в рамках сокрытия преступлений служебной направленности уделяется максимальное внимание разнообразной по форме и назначению документации, отражающей те или иные общественные отношения организации и непосредственно субъекта преступления, будь он руководитель, главный бухгалтер, куратор определенного направления, руководитель среднего звена и т. д.

Поэтому такой вид сокрытия, как уничтожение следов преступления, выражается, прежде всего, в уничтожении документов, содержащих информацию об обстоятельствах преступления. Такое уничтожение может проявляться в неправомерном изъятии их из делового оборота, вопреки установленным срокам их хранения в архиве.

Типичным проявлением маскировки является изготовление ранее отсутствовавших документов, в том числе «задними числами» и помещение их в соответствующие тематические дела (папки) с документацией. Типичными целями маскировки могут выступать: создание видимости правомерно принимаемых решений и/или осуществляемых действий, соответствия фактического наличия, количества и состояния продукции либо иных активов, находящихся на балансе организации, а равно, приобретенных либо, напротив, отчужденных, данным, указанным в учетно-отчетной документации.

Характерным примером фальсификации зачастую является внесение изменений в изначальное содержание документов в выгодном для субъектов преступления ракурсе (например, путем замены отдельных страниц текстового документа, не содержащего в данном фрагменте гербовой печати организации, а также подписи уполномоченных лиц, либо в сочетании с переподписанием, повторным визированием «задними числами»). Такой вариант нередко наблюдается применительно к должностным инструкциям, иным документам, содержащим данные о содержании служебных обязанностей и ответственности за те или иные нарушения. Другим типичным видом фальсификации, широко реализуемым применительно к преступлениям служебной направленности, является избирательное заполнение отдельных реквизитов документов (проставление подписи и оттисков штампов и/или печати организации в бланках, заполнение лишь отдельных граф служебных книг, журналов, в которые впоследствии вносятся записи по усмотрению субъектов преступлений).

Следственно-судебная практика расследования преступлений служебной направленности позволяет констатировать проявление практически всех рассмотренных выше разновидностей сокрытия преступлений (например, отказ от дачи показаний сочетается с экстренной переподготовкой и переподписанием документов, частичной заменой отдельных страниц документов и т. д.).

Наряду с рассмотренным выше, практика расследования преступлений служебной направленности свидетельствует о таком специфическом приеме сокрытия преступлений как имитация принятия от имени организации определенного юридически значимого решения, выгодного субъектам преступления. При этом уполномоченные сотрудники, фигурирующие в документе, отражающем соответствующее решение, либо остаются вне ведения (путем несообщения либо введения в заблуждение), либо выражают молчаливое согласие, безразлично относясь к происходящему.

Следует отметить, что действия субъектов преступления не ограничиваются фальсификациями подписей компетентных лиц в документе, отражающем итоговое решение. Нередко проблема существует гораздо глубже и проявляется в намеренном внесении корректив в

состав органа, выполняющего управленческие функции (единолично или коллегиально: совет директоров, состав учредителей или участников, прочие коллективные образования). Вводя в заблуждение представителей коллегиального органа управления, под различным благовидным предлогом, в сочетании с фальсификацией документов субъекты преступления добиваются намеренного вывода из органа управления определенных лиц. Причем речь идет не только о неугодных лицам, имеющих убеждения, не совпадающие с позицией субъектов преступления, но и, напротив, причастных к преступлению. Однако в данном случае такие действия выступают отнюдь не как общественное порицание, а именно как сокрытие преступления.

Так, Б., являющийся председателем ЖСК, получил от Р. – клиента, желающего приобрести значительное количество квартир в строящемся доме в Сочи, денежные средства в размере 27 млн руб., однако свои обязательства не выполнил. Когда было возбуждено уголовное дело, Б., предвидя наложение ареста на земельный участок, передал свои права и обязанности компаньону – А., и в этот же день вышел из состава учредителей ЖСК. Таким образом, спорный строительный объект, на который могло быть обращено взыскание, выбыл из ведения Б.

Новый председатель ЖСК – А., зная о нахождении участка под строительство под арестом и даже об отказе в продлении разрешения на строительство, продолжал продавать квартиры в строящемся доме новым лицам, игнорируя обязательства, имеющиеся перед прежним крупным дольщиком – Р.

С целью придания видимости благонадежности застройщика перед новыми клиентами, но вопреки отсутствию действующего разрешения на строительство, рабочими выполнялся минимальный объект работ, который также фактически являл собой маскировку отсутствия намерений по выполнению обязательств [13].

Резюмируя изложенное, констатируем, что действиям по сокрытию преступлений служебной направленности присущи классические виды сокрытия преступлений как универсальной криминалистической категории (утаивание, уничтожение следовой информации, маскировка, фальсификация). Однако применительно к

указанной группе деяний такая деятельность не только отличается спецификой проявления классических разновидностей сокрытия преступлений, но и указывает на возможность

выделения такого комплексного вида сокрытия, как незаконное и/или необоснованное внесение корректив в состав органов управления юридических лиц.

Литература

1. Головин А.Ю. Противодействие предварительному расследованию: некоторые вопросы системных исследований // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88).

2. Варданян А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96).

3. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию. Екатеринбург, 1992.

4. Варданян А.В. Криминалистические знания о посткриминальной деятельности: проблемы формирования и развития // Философия права. 2020. № 1 (92).

5. Варданян А.В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17).

6. Варданян А.В. Криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности по делам о преступлениях в сфере информационных технологий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2 (32).

7. Варданян А.В. Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1 (92).

8. Варданян А.В. Механизм злоупотребления полномочиями субъектами управленческих функций в коммерческих и иных организациях как методологическая основа для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4–2.

9. Варданян А.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы

Bibliography

1. Golovin A.Yu. Counteraction to preliminary investigation: some issues of system research // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (88).

2. Vardanyan A.V. Countering the preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (96).

3. Karagodin V.N. Fundamentals of criminalistic teaching on overcoming counteraction to preliminary investigation. Yekaterinburg, 1992.

4. Vardanyan A.V. Criminalistic knowledge of post-criminal activity: problems of formation and development // Filosofiya prava. 2020. № 1 (92).

5. Vardanyan A.V. The development of knowledge systems about the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of criminalistics // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 1 (17).

6. Vardanyan A.V. Criminalistic characteristics of post-criminal activity in cases of crimes in the field of information technology // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2021. № 2 (32).

7. Vardanyan A.V. Post-criminal counteraction to the disclosure and investigation of serious crimes against the person // Jurist-Pravoved. 2020. № 1 (92).

8. Vardanyan A.V. The mechanism of abuse of authority by subjects of managerial functions in commercial and other organizations as a methodological basis for the formation of a private forensic methodology for investigating crimes // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2015. № 4–2.

9. Vardanyan A.V. Abuse of managerial authority in a commercial or other organization: the experience of law enforcement practice and some problems of initiating a criminal case and preliminary investigation // Jurist-Pravoved. 2015. № 2 (69).

10. Vardanyan A.V. Exercising managerial powers in a commercial or other organization contrary to the interests of the service: actual prob-

возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Юрист-Правоведъ. 2015. № 2 (69).

10. Варданыан А.В. Осуществление управленческих полномочий в коммерческой или иной организации вопреки интересам службы: актуальные проблемы расследования // Философия права. 2014. № 6 (67).

11. Варданыан А.В. Методологические проблемы классификации исходных следственных ситуаций, типичных для расследования злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Юрист-Правоведъ. 2013. № 1 (56).

12. Коновалов С.И. Юридическое лицо как субъект уголовно-процессуальных правоотношений: дискуссионные вопросы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2.

13. Уголовное дело № 1-507/2019. Центральный районный суд г. Сочи Краснодарского края.

lems of investigation // *Filosofiya prava*. 2014. № 6 (67).

11. Vardanyan A.V. Methodological problems of classification of initial investigative situations typical for the investigation of abuse of authority by persons performing managerial functions in commercial and other organizations // *Jurist-Pravoved*. 2013. № 1 (56).

12. Konovalov S.I. A legal entity as a subject of criminal procedural legal relations: debatable issues // *Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences*. 2016. № 1–2.

13. Criminal case № 1-507/2019. The Central District Court of Sochi, Krasnodar Territory.

Негодаева Елена Георгиевна
Negodaeva Elena Georgievna

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Philosophical and legal aspect of assessing the effectiveness of administrative
and legal liability measures for environmental offenses in the Russian Federation**

В статье анализируются с точки зрения философии права виды административных наказаний, применяемых за экологические правонарушения. Сформирован перечень проблем, влияющих на низкую эффективность борьбы с правонарушениями в области охраны окружающей среды.

The article analyzes from the point of view of the philosophy of law the types of administrative penalties applied for environmental offenses. A list of problems affecting the low effectiveness of the fight against offenses in the field of environmental protection has been formed.

Ключевые слова: окружающая среда, экологические правонарушения, административные наказания, штраф, конфискация.

Keywords: environment, environmental offenses, administrative penalties, fine, confiscation.

Проблема соразмерности наказания совершенному преступлению волновала умы философов на протяжении многих веков. Существует философское учение о наказании, которое называется пенилогией. Поскольку проблема наказания включает в себя такие категории как добро и зло, искупление и раскаяние, а также такие категории как грех и вина, то совершенно очевидно, что эта проблема является глубоко философской. Кроме того такие вопросы как свобода выбора и ответственность за содеянное так же издавна волнуют человечество. Философия наказания и философия преступления связаны между собой как отрасли философского знания. Преступление в данном случае рассматривается не как юридическая категория, а как философская, поскольку право разграничивает понятие преступления и правонарушения по степени общественной опасности, в философии же данное разграничение отсутствует. Поскольку целью данной работы является изучение эффективности применения норм административного права, предусматривающих ответственность за нарушение правил природопользования и охраны окружающей среды, то вполне очевидно, что эффективность этих

норм может быть рассмотрена в философско-правовом аспекте, в частности через анализ соотношения соразмерности наказания совершенному правонарушению.

В соответствии с большинством философских теорий допустимые пределы меры наказания определены справедливостью, то есть в зависимости от величины нанесенного природе ущерба правонарушители должны нести различные по тяжести административные наказания. Когда речь идет о мере, то в философии Гегеля например, на первый план выходят качественная и количественная стороны наказания, равно как и преступления, как конкретные деяния, определяются и при этом различаются по качеству и количеству [1]. Таким образом можно говорить о том, что вопрос о мере наказания ставится и решается в контексте его диалектического метода.

Мера внешнего воздействия на человека, которая следует за преступлением и имеет своей целью предупреждение дальнейшего вреда, причиненного преступлением с точки зрения философии и является наказанием.

Взгляды общества на способы и методы борьбы с преступностью менялись на

протяжении многих веков. Еще в древней Греции такие философы как Пифагор, Демокрит и Платон начали формулировать идеи борьбы с преступностью через превентивность. По их мнению основа предупреждения преступлений лежала в воспитании. Несмотря на то что этот подход являлся довольно однобоким и не охватывал все факторы появления преступности как социального явления, идеи гражданского воспитания, сформированные Пифагором в стройную систему, стали довольно популярными.

Платон считал, что устанавливать законы и угрожать наказанием нужно своевременно, предвосхищая преступления и разработал систему наказаний за разные виды преступлений.

Принцип гуманизма был сформулирован в работах Вольтера, Дидро, Монтескье, Руссо – великих просветителей XVIII века. Основатель классической школы уголовного права Ч. Беккариа в фундаментальном труде «О преступлениях и наказаниях» (1764) писал: «Цель наказания заключается не в истязании и мучении человека... цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь принести вред обществу и удерживать других от совершения того же» [2].

Обоснованию большинства принципов современного права мы обязаны философам эпохи Просвещения. Однако, исследованию философского и правового аспектов наказания занимались такие выдающиеся философы, как Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, И. Кант, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и другие [3]. Современная философия права также не обходит своим вниманием осмысления наказания и вопрос его видоизменения на пути к реализации демократических принципов. Так в частности А.А. Бажанов в своей статье «Соразмерность как условие справедливости санкции», рассматривал соразмерность, как один из принципов, определяющих пределы государственных полномочий [4]. Следует отметить, что по сегодняшний день, в правовой доктрине в аспекте наказания не существует четкой формулировки понятия наказания. Оно включает в себя и личный, и социальный, и философско-правовой аспекты.

И. Кант рассуждал следующим образом. «Каков, однако, способ и какова степень наказания, которые общественная справедливость делает для себя принципом и мерилем? Единственный принцип – это принцип равенства

(в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой. Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившему его, ты причиняешь и самому себе... Лишь право возмездия, если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания; все прочие права неопределенны и не могут из-за вмешательства других соображений заключать в себе соответствие с приговором чистой и строгой справедливости» [5].

В науке XXI в. вопросы, связанные с наказанием, являются актуальными не только для представителей научного мира, но и общества в целом. Однако, проблематика административных наказаний за экологические правонарушения, имеет особое значение. В современном мире вопросы охраны окружающей среды имеют приоритетное значение для любого государства, а также межгосударственных структур. Одним из наиболее ярких доказательств тому является постоянная разработка различного рода государственных программ по защите окружающей среды. В Российской Федерации это, например, государственная программа «Охрана окружающей среды» [6], которая была утверждена постановлением Правительства от 15 апреля 2014 года №326. Или государственная программа Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» (с изменениями, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.10.2021 № 1769) [7]. Также можно упомянуть государственную программу Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов» (с изменениями, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.03.2021 № 515) [8] и многие другие. Аналогичные программы существуют и за рубежом, причем финансируются не только из государственного бюджета, но также и негосударственных фондов. Существование множества общественных организаций по защите окружающей среды, таких как «Живая планета», «Зеленый патруль», «Социально-экологический союз» и многих других также свидетельствует о том, что охрана окружающей среды это не только государственная задача, но и общественная. Поэтому становится совершенно

очевидным, что и законодательство не могло остаться в стороне от проблем экологии и поэтому и УК РФ и КоАП РФ содержат нормы, предусматривающие ответственность за нарушение правил охраны окружающей среды. Именно поэтому тема настоящего исследования по оценке эффективности мер ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды в рамках административно-правовой ответственности является весьма актуальной. В ходе исследования предполагается выявить, насколько соразмерным является наказание за то или иное правонарушение в данной области, а также сделать оценку, с точки зрения философии права, эффективности мер ответственности, предусмотренных КоАП РФ за правонарушения в области охраны окружающей среды.

В настоящее время соблюдение конституционных принципов справедливости и соразмерности при назначении административного наказания законодательно обеспечено наличием диапазона между минимальным и максимальным пределами административного наказания, а также иными возможностями смягчения административной ответственности, в том числе назначением административного штрафа в размере ниже низшего предела, указанного в соответствующей административной санкции (Определение КС РФ от 28 ноября 2019 года № 2983-О) [9]. С одной стороны, позиция законодателя вполне понятна, поскольку некоторые санкции в виде крупных штрафов, предусмотренные за незначительные с точки зрения общественной опасности, правонарушения, могут поставить юридическое лицо на грань банкротства. С другой стороны, в этом случае было бы более рационально установить менее строгие меры ответственности, нежели отдавать на усмотрение судебной системы, разрешение вопроса назначении наказания ниже установленного минимального порога. То есть в данном случае речь идет не о наказании соразмерному правонарушению, а о наказании, назначаемому исходя из особенности субъекта правонарушения, что противоречит принципу справедливости, ибо закон должен быть единым для всех.

С точки зрения И.Канта единственным основанием для наказания является справедливость, и цель наказания может быть только одна – воздаяние за содеянное. Любая иная

цель, которую может преследовать наказание, разрушает саму идею возмездия. И если рассматривать основную цель административного наказания через призму теории Канта, то мы увидим, что наказание – это реакция общества на совершенное преступление.

На законодательном уровне этот подход закреплен следующим образом. Согласно ст. 3.1 КоАП РФ административное наказание «является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами» [10].

С позиции Конституционного суда РФ административная ответственность зависит не только от тяжести совершенного правонарушения, но и ряда иных обстоятельств, таких как степень вины, размер ущерба, что позволяет устанавливать различные виды ответственности за одно и то же правонарушение. Такая дифференциация отвечает основным требованиям справедливости. При таком подходе можно избрать меру наказания соразмерную тяжести совершенного правонарушения.

Административное наказание имеет особый вес в системе мер, применяемых государством, в лице его уполномоченных органов с целью охраны и защиты общественных отношений в сфере защиты окружающей среды. По данным аналитической службы международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza за нарушения в области охраны природы в 2019 году были наказаны около 59,3 тыс. предприятий и физических лиц, общая сумма экологических штрафов составляет 975 млн руб. В то же время не уменьшается и применение других административных санкций [11].

Таким образом, очевидна острая и насущная необходимость поиска путей комплексного решения многих проблем связанных с применением наказания. В связи с тем, что ситуация требует кардинальных изменений, необходимо применение систематического философско-правового исследования проблем наказания на принципах сочетания инновационных достижений философии, юриспруденции, социологии, психологии, криминологии, медицины и других отраслей. Как отмечают некоторые ученые необходимо рассматривать явление наказания не в узком административно-правовом,

а в философско-правовом аспекте, и только в этом случае можно будет ответить на реальные вызовы современности – предложить более эффективные, чем существующие модели назначения наказания [12].

В статье ст. 3.2 КоАП РФ установлены виды административных наказаний. Анализ судебной практики показал что из всех представленных в КоАП РФ видов санкций за экологические правонарушения наиболее часто встречаются: предупреждение, штраф, конфискация орудий добычи, административное приостановление деятельности, лишение лицензии в связи с чем рассмотрим именно их более подробно с конкретными примерами.

Итак, наименее строгой по степени административной санкцией направленной на правонарушителя является предупреждение. Его суть заключается в официальном, от имени государства, осуждении неправомерного поведения лица органом административной юрисдикции и в предупреждении правонарушителя о недопустимости таких действий в дальнейшем. Оно рассчитано, прежде всего, на воспитательный эффект и не затрагивает ни имущественных, ни иных прав нарушителя. Однако с точки зрения философии права такое наказание не всегда является соразмерным совершенному правонарушению и не всегда соответствует принципу справедливости.

Так, например, 14 августа 2019 г. в отношении ООО «Ставропольский бройлер» Департамент федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Северо-Кавказскому федеральному округу (в настоящее время – Северо-Кавказское межрегиональное управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования; далее – департамент) вынес постановление № 19-С-166/13-03/АР224/9 о привлечении к ответственности по статье 8.1. КоАП РФ в виде предупреждения. Хотя поводом к возбуждению дела об административном правонарушении послужило заявление физического лица, содержащее данные, указывающие на наличие события административного правонарушения, а именно: обращение (N С-166/13-03) о нарушении обществом природоохранного законодательства – сброс сточных вод в окружающую среду и в централизованные системы водоотведения.

Департамент провел административное расследование в отношении общества и

выявил несоблюдение им экологических требований при эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов и как уже было сказано выше, вынес постановление № 19-С-166/13-03/АР224/9 о привлечении к ответственности по статье 8.1. КоАП РФ в виде предупреждения.

Таким образом, за экологическое правонарушение несмотря на его достаточно тяжелые последствия для окружающей среды возможно такое административное наказание как предупреждение. Однако проблема заключается в том что для его применения должен быть соблюден ряд условий такие как: 1) правонарушение совершено впервые; 2) не представляет угрозу жизни и здоровью граждан (что в данном случае имело место быть); 3) выявлено в ходе государственного контроля (в данном случае выявлено было иным способом); 4) совершено субъектом малого и среднего предпринимательства. Таким образом, мы видим, что условия были соблюдены не все, и понесенное виновником наказание является несоразмерно мягким и незначительным, учитывая тяжесть совершенного деяния.

Очевидно, что с философской точки зрения наказание, даже самое мягкое и незначительное, всегда подразумевает ущемление, а в крайних проявлениях даже полное лишение свободы наказуемого. В данном же случае никакого ущемления для нарушителя не последовало.

Далее рассмотрим самое распространённое в практике административное наказание за экологические правонарушения, а именно штраф. Эта карательная мера содержится в большинстве санкций правовых норм, регулирующих экологические правонарушения.

Законодательно закреплено применение административного штрафа как основного наказания. Некоторые санкции правовых норм предусматривают его применение в качестве альтернативной меры.

Как правило при рассмотрении дел по экологическим правонарушениям суды по ходатайству заявителей также рассматривают возможность замены штрафа на предупреждение либо его снижение, но как показывает практика в большинстве случаев им отказывают в этом ввиду отсутствия совокупности ранее указанных обстоятельств установленных административным законодательством.

Отметим что анализ учения Канта о наказании показал что, он был сторонником смягчения наказания, потому что помимо соразмерности наказания необходимо применять принцип неотвратимости наказания, поскольку это один из основных принципов предупреждения преступлений. Его предшественник известный правовед и общественный деятель Чезаре Беккариа, считал наиболее действенным средством в борьбе с преступностью не жестокость наказания, а его неотвратимость. «Чем более жестокими становятся наказания, тем более ожесточаются души людей», – пишет Беккариа в своем наиболее известном трактате «О преступлении и наказаниях» [13]. Поэтому задача законодателя – найти ту самую грань, которая делает наказание достаточно жестоким для того, чтобы виновный не испытывал желания его повторить, но при этом соразмерным, справедливым и гуманным, чтобы не ожесточать виновного еще сильнее. В этом по сути и заключается принцип справедливости.

Самым строгим административным наказанием за экологические правонарушения, обращенным на юридическое лицо является административное приостановление деятельности. Это наказание является наиболее строгим из перечисленных ранее административных наказаний, поэтому законодатель прямо отметил, что оно должно применяться лишь в отдельных случаях, хотя в 2020 году в связи с угрозой распространения инфекции COVID-19 этот вид санкции коснулся многих предприятий, не остановивших свою деятельность вопреки распоряжениям глав регионов, что также породило много споров о соразмерности такого наказания и его справедливости.

Тем не менее анализ судебной практики показал, что для некоторых субъектов проще приостановить деятельность на срок не превышающий 90 суток (максимальный срок приостановления деятельности) чем заплатить штраф в достаточно крупном размере, однако суды отказывают в данных ходатайствах именно в виду того что при наличии более мягкого наказания в виде штрафа и отсутствии отягчающих обстоятельств они не могут назначить более жесткое наказание [14].

Очень важно отметить тот факт, что российская судебная система используя принцип справедливости, назначает наказания не только с учетом объективных обстоятельств, упо-

мянутых ранее, но и с учетом обстановки в стране и в мире. Ярким примером тому может быть позиция судов при назначении наказаний по делам об административных правонарушениях в период пандемии. Как бы противоречиво это не выглядело, но пандемия коронавируса помогла некоторым организациям понести ответственность в меньшем объеме за совершенные правонарушения или же и вовсе ее избежать. И хотя примеров с освобождением от административной ответственности немного, но можно отметить, что наибольшую лояльность по отношению к нарушителям продемонстрировали якутский и московский суды.

Таким образом, исходя из проведенного исследования видов административных санкций за экологические правонарушения, следует сделать вывод что наказание должно не только карать, но и исправлять преступника и предупредить новые преступления. Однако, разница между теорией и практикой настолько разительна, что это порождает недоверие к деятельности уполномоченных органов и сомнения относительно эффективности существующего аппарата наказания.

В настоящее время Российская Федерация находится на пути к видоизменению механизмов, применения и реализации наказания, основными концепциями которых является предупреждение преступлений, а не возмездие за уже совершенные. Активно заимствуется и внедряется международный опыт в данной сфере. Ярким подтверждением такой тенденции является внедрение более эффективного превенции и нового для нашей страны института медиации, которая применяется на всех уровнях реализации правосудия и выступает инструментом для гуманизации наказания. Однако несмотря на огромное значения принципа гуманизма при назначении наказания, принцип справедливости все же должен главенствовать. Необходимо обретение некоего баланса между этими двумя принципами, поскольку при слишком гуманном наказании принцип справедливости и соразмерности не будет соблюдаться

Что интересно многие ученые в своих работах упоминают об альтернативных наказаниях за экологические правонарушения [15]. Вместе с тем важно отметить что, российское законодательство об административных правонарушениях не содержит понятия «альтернативное наказание».

Итак, проведенный анализ показал, что несмотря на это имеющаяся система мер защиты и гарантий, даже при их несовершенстве, является достаточно важной. Поскольку она предохраняет уполномоченные органы от совершения действий, противоречащих нормам закона, стимулируют рост правосознания и профессионализма, и гарантируют лицам, в отношении которых осуществляется административное производство, объективность и беспристрастность решения дела. Однако необходимо отметить, что в философско-правовом аспекте эта система гарантий и наказаний недостаточно эффективна. Многие санкции являются недостаточно строгими, учитывая тяжесть правона-

рушения и его общественную опасность, также степень причиненного вреда. Однако анализ норм административного права показывает нарушение баланса и в противоположную сторону, когда санкции за правонарушения невысокой степени опасности являются чересчур строгими.

Подводя итог отметим, что для большей эффективности внедряемых инструментов необходима их скрупулезная адаптация к отечественному обществу, с учетом не только ресурсов государства, но и особенностей менталитета. А этого можно достичь лишь путем философско-правового осмысления наказания, именно отечественными учеными и мыслителями.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
2. Антонян Ю.М. Понятие преступности, ее вечность. Преступность и общество: Сб. научных трудов. М., 2004.
3. Шубин И.В. К вопросу о системности и системе административных наказаний, месте и роли в ней административного штрафа // Административное право и процесс. 2021. № 8.
4. Бажанов А.А. Соразмерность как условие справедливости санкций // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21 № 4.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999.
6. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/12>.
7. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/29>.
8. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/28>.
9. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28112019-n-2983-o>.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // СПС «Консультант Плюс».
11. Решения Московского городского суда от 24 октября 2014 г. по делу № 7-4375/14; Свердловского областного суда от 30 марта 2017 г. № 71-199/2017; Саратовского областного суда от 11 апреля 2016 г. № 12-97 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. M., 1990.
2. Antonyan Yu.M. The concept of crime, its eternity. Crime and society: Sat. scientific papers. M., 2004.
3. Shubin I.V. To the question about the system and the system of administrative penalties, the place and the role of an administrative fine // Administrative law and process. 2021. № 8.
4. Bazhanov A.A., Proportionality as a condition of justice of the sanction // Vestnik RUDN. Series: Legal Sciences. 2017. Vol. 21. № 4.
5. Kant I. Fundamentals of the Metaphysics of Morality. Moscow, 1999.
6. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/12>.
7. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/29>.
8. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/28>.
9. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28112019-n-2983-o>.
10. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: № 195-FL of 30.12.2001 (as amended on 01.07.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 01.10.2021) // LRS «Consultant Plus».
11. Decisions of the Moscow City Court of October 24, 2014 in case № 7-4375/14; Sverdlovsk Regional Court of March 30, 2017 № 71-199/2017; Saratov Regional Court of April 11, 2016 No. 12-97 // LRS «ConsultantPlus».
12. Article-by-article commentary to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Part Two / R.V. Amelin, M.B. Dobrobaba,

---

---

12. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть вторая / Р.В. Амелин, М.Б. Добробаба, М.Э. Капитанец и др.; под общ. ред. Л.В. Чистяковой. М., 2019. Т. 1.

13. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа; сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2021.

14. Сироткина Т.А. Приостановление деятельности как один из механизмов обеспечения соблюдения природоохранных требований // Судья. 2017. № 9.

15. Цаплина А.М. Эколого-правовые проблемы формирования и функционирования водоохраных зон // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3.

М.Е. Капитанец, etc.; under the general editorship of L.V. Chistyakova. M., 2019. Vol. 1.

13. Beccaria Ch. On Crimes and Punishments / Cesare Beccaria; comp. and the preface of B.C. Ovchinsky. M., 2021.

14. Sirotkina T.A. Suspension of activity as one of the mechanisms for ensuring compliance with environmental requirements // Judge. 2017. № 9.

15. Tsaplina A.M. Ecological and legal problems of formation and functioning of water protection zones // Actual problems of Russian law. 2021. № 3.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
  - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
  - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).
9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.
13. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
14. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
15. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
16. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
17. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**